Александр Харников
Максим Дынин
РУССКИЕ СВОИХ НЕ БРОСАЮТ
Балтийская рапсодия
Севастопольский вальс
Дунайские волны
Военная фантастика
коллекция

Максим Дынин
Александр Петрович Харников

Русские своих не бросают: Балтийская рапсодия. Севастопольский вальс. Дунайские волны

Серия «Коллекция. Военная фантастика (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=59663628
А. П. Харников. М. Дынин. Русские своих не бросают: Балтийская рапсодия. Севастопольский вальс. Дунайские волны: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-133652-3

Аннотация

В августе 1854 года в Балтийском море появился англо-французский флот с десантом на борту и атаковал русскую крепость Бомарзунд, на Аландских островах. Тогда же в охваченную войной Балтику непонятно как угодили несколько боевых кораблей Российской Федерации. Русские моряки

пришли на помощь своим предкам. Враг потерпел полное поражение. Но смертельная опасность грозила Севастополю – главной базе русского Черноморского флота. «Попаданцы» отправились на Черное море и там спасли город русской морской славы от осады, а Черноморский флот – от гибели. Но враг еще не сложил оружие, и основные боевые действия должны развернуться на Дунае и территориях, прилежащих к этой величайшей реке Европы. Продолжается и тайная война, порой не менее кровопролитная, чем обычная.

Содержание

Балтийская рапсодия 6
Пролог 6
Часть 1. «В крае севера убогом…» 11
Часть 2. Серебряный рубль 87
Часть 3. Здравия желаю, ваше величество! 143
Часть 4. Пейзаж после битвы 219
Часть 5. И пусть никто не уйдет обиженным! 283
Конец ознакомительного фрагмента. 351

Александр Харников, Максим Дынин
Русские своих не бросают: Балтийская рапсодия. Севастопольский вальс. Дунайские волны

© Александр Харников, 2020
© Максим Дынин, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Балтийская рапсодия

Пролог

4 (16) августа 1854 года.
Крепость Бомарзунд. Аландские острова
Комендант крепости генерал-майор
Яков Андреевич Бодиско

Вот и настал последний день Бомарзунда. После падения башни «С», которая защищала цитадель с тыла от высаженного на берег вражеского десанта, крепость уже было не спасти. Теперь французы и англичане установят осадные батареи, и крупнокалиберные пушки расстреляют недостроенные укрепления, словно мишени. Ведь крепостные орудия просто не добивали до лагеря союзников.

Мне предстояло принять самое страшное в моей жизни решение – отправить парламентеров к французскому генералу Бараге д'Илье, чтобы согласовать с ним условия капитуляции. Я знал: несмотря на то что государь допускал такую возможность и даже передал через ротмистра Шеншина разрешение на почетную сдачу крепости в случае невозможности ее удержания, мне этого никогда не простят. «Русские умеют брать крепости, а вот сдавать их они так и не научились», – сказал мне один из офицеров. И я был вынужден

промолчать на эти дерзкие слова.

Конечно, можно было держаться до последнего солдата, погибнуть всем, не спустив флаг и не сложив оружие. Но эти проклятые французы все равно – займут Бомарзунд и, раздраженные нашим – отчаянным – сопротивлением и огромными потерями, перебьют всех – оставшихся в живых защитников крепости и членов их семей. Я прекрасно знал, что генерал Бараге д'Илье во время службы в Алжире зверски расправлялся с непокорными – местными жителями, сжигая их дома и истребляя их поголовно, не разбирая пола и возраста.

Выхода не было. Численное превосходство врага как на суше, так и на море не оставляло нам никаких надежд на успешный исход кампании. Вопрос заключался лишь в том, с чего начнет генерал Бараге д'Илье. Направит он сегодня основной удар против цитадели, или захочет сперва захватить башню «Z» на острове Престе, которую защищал поручик Шателен и полторы сотни солдат и финских «охотников».

Для нападения на башню французы и англичане наверняка направят свои корабли в Лимпартское озеро, чтобы взять цитадель и башню «Z» под перекрестный огонь. Надо понаблюдать за тем, войдут ли вражеские корабли в озеро или нет, чтобы точно понять, каковы сегодня намерения у союзников.

Я взял протянутую мне адъютантом подзорную трубу и посмотрел на стоящие у берега корабли вражеской эскадры. Мне хорошо было видно, как на них дымят трубы, а команды

выбирают якоря. По моим соображениям, в пролив намеревались отправиться пять паровых кораблей, из которых два были большими, стопушечными.

Вздохнув, я сложил подзорную трубу и передал ее адъютанту. Значит, под обстрелом сегодня окажутся храбрые воины поручика Шателена. По докладам командира башни «Z» я знал, что та почти ежедневно подвергается сильному обстрелу с кораблей вражеской эскадры и сильно повреждена. У ее защитников заканчиваются порох и ядра. Впрочем, они скоро и не понадобятся – почти все орудия башни подбиты.

Первым в пролив вошел небольшой колесный пароход. Он двигался осторожно, тихим ходом, словно опасался чего-то. Я усмехнулся – к сожалению, ничего противопоставить вражеским кораблям мы не могли. В последний свой визит ротмистр Шеншин рассказывал, что подступы к Кронштадту помимо мощных батарей прикрыты большим количеством мин – страшным изобретением господина Якоби. По словам ротмистра, если вражеский корабль коснется бортом одной такой мины, то произойдет взрыв, который уничтожит корабль. Подобными адскими устройствами были защищены подходы к Свеаборгу и Ревелю.

А вот у нас ничего этого не было. Я представил на мгновение, что мы установили несколько подобных мин в проливе, и что нагло идущие по нему вражеские суда начнут взрываться одно за другим. И тут произошло нечто, что меня неска-

занно удивило.

Шедший последним большой британский стопушечный корабль неожиданно задергался, словно потерял управление, а потом со страшным грохотом взлетел на воздух. Вслед за ним на другом британском корабле тоже прогремели взрывы, и он вспыхнул, словно факел.

Я не мог понять, отчего английские корабли вдруг стали взрываться. Может быть, кто-то (кто?!) установил в проливе эти самые мины, о которых я только что думал? Мой адъютант, наблюдавший за всем происходящим, с недоумением смотрел на меня.

– Ваше превосходительство, – растерянно бормотал он, – это просто невероятно…

Со стороны пролива до нас донеслись звуки стрельбы. Казалось, что огонь ведет батальон, а то и целый полк – так часто гремели выстрелы. Из всего происходящего можно было сделать лишь один вывод – кто-то в проливе воевал с союзниками, причем делал он это весьма успешно.

Я настолько увлекся происходящим, что совершенно перестал обращать внимание на другие корабли – союзников, стоявшие на рейде. Потому и не заметил, как взлетел на воздух стопушечный корабль французов «Аустерлиц». Обернувшись на звук сильного взрыва, я увидел лишь поднявшийся вверх столб густого красно-черного дыма. Когда же дым рассеялся, на том месте, где стоял французский корабль, плавали только обломки. Потом один за другим взо-

рвались еще три английских и французских корабля.

На уцелевших судах союзников началась паника. Матросы и офицеры беспорядочно метались по палубам, а некоторые бросались за борт и плыли в сторону берега.

В этот самый момент адъютант неожиданно дернул меня за рукав, забыв про субординацию:

– Ваше превосходительство, посмотрите – что это такое?

Я удивленно взглянул на адъютанта. А тот, так и не придя в себя от изумления, показывал рукой на море.

Там, за цепью уцелевших фрегатов и корветов блокирующей Бомарзунд англо-французской эскадры, на горизонте появились невесть откуда взявшиеся удивительные корабли. Они были без парусов, и без труб… Во всяком случае, черных столбов угольного дыма, которые являются непременным атрибутом идущих полным ходом паровых кораблей, я не заметил. Но неизвестные корабли приближались к Бомарзунду, причем двигались они необыкновенно быстро.

– Боже милостивый, – воскликнул я, – что это?!

– Это наше спасение, ваше превосходительство, – ответил мне адъютант. – Это чудо, которое сотворил Господь, послав нам на помощь свое воинство.

Часть 1. «В крае севера убогом…»

14 августа 2015 года, 11:05. Балтийское море.
На траверзе полуострова Ханко.
Радиорубка учебного корабля «Смольный»
Командир БЧ-4 старший лейтенант
Ковалев Михаил Григорьевич

Началась эта удивительная история с обмена координатами с БДК «Королевым». Я приказал радиотелеграфисту старшине 1-й статьи Коле Афанасьеву их уточнить. Тот посмотрел на экране монитора, где секунду назад высвечивались цифры от ГЛОНАССа и буржуйской GPS, и присвистнул от удивления. Там были видны одни прочерки. Вот-те раз!

Я подошел к аппаратуре и отправил запрос сам. Удивительно, но результат оказался таким же.

Гм, что бы это могло значить? Я почесал затылок, после чего связался с «Королевым». Ответ с БДК огорошил меня:

– Знаешь, а у нас такая же фигня. Постой, я сейчас попробую связаться с остальными…

Пока я ковырялся в аппаратуре в поисках возможной неисправности, раздался вызов с «Королева»:

– Представляешь, оказывается, на всех остальных кораблях то же самое происходит. Похоже, какой-то сбой пошел. Может, что-то случилось с – ГЛОНАССом?

– Ага, марсиане взяли в космосе на абордаж все наши спутники и вырубили ГЛОНАСС, – ответил я. – Только вот непонятно, почему то же самое случилось и с GPS. Выходит, марсиане глушат все подряд.

Делать нечего – я доложил о случившемся на мостик командиру, после чего начал усиленно сканировать эфир. На других частотах было тихо, даже помехи отсутствовали. Мертвая тишина царила и на частоте, зарезервированной для экстренных сообщений.

А вот на нашей частоте вдруг неожиданно объявился танкер «Лена».

– У вас что, тоже GPS с ГЛОНАССом не работают? – поинтересовался я у радиста «Лены».

– Да, а что, и у вас? Интересно… А где вы сейчас находитесь?

– К юго-западу от острова Руссаре, примерно двадцать миль. А вы?

– Примерно в пятнадцати милях к западу от Руссаре.

Я сообщил о «Лене» сначала на мостик, а потом и на «Королев», после чего опять занялся увлекательной работой – сканированием эфира. Но тот оставался по-прежнему девственно чист – не удалось обнаружить ни одной работающей радиостанции. Хотя обычно в этих местах на всех частотах их сотни – питерские, выборгские, ивангородские, эстонские, финские, шведские…

В радиорубку вошел командир «Смольного» капитан 1-го

ранга Степаненко.

– Товарищ капитан 1-го ранга, – официально доложил я ему, – у нас тут ЧП произошло. Словом, я ничего не могу понять…

– Сам вижу, – криво усмехнулся Степаненко. – Вы все же попробуйте разобраться, что за чертовщина происходит. Ну, не может такого быть, чтобы все радиостанции в мире одномоментно прекратили работу.

– Товарищ капитан 1-го ранга, Олег Дмитриевич, – я не знал, что ему и ответить, – ни GPS, ни ГЛОНАСС не работают, ни у нас, ни на «Королеве», ни на других кораблях эскадры, ни на танкере «Лена», которые находятся неподалеку от острова Руссаре. В эфире словно шаром покати – тишина, как в сурдокамере. Я даже не могу предположить, что могло случиться.

Степаненко пожал плечами:

– Это я уже понял. Скажу больше – спутниковые телефоны тоже почему-то не работают. Да и погода вдруг изменилась – стало намного прохладнее, откуда-то появились облака, которых раньше не было видно даже на горизонте. Так что давай, товарищ старший лейтенант, продолжай сканировать все каналы. Авось что-нибудь да и прояснится. И не теряй связь с «Королевым» и с «Леной» – в такой ситуации нам надо держаться вместе.

– Есть поддерживать связь, – ответил я.

Степаненко кивнул и вышел из радиорубки.

14 (2) августа 1854 года, 11:25.
Учебный корабль «Смольный».
К юго-западу от острова Руссаре
Капитан 1-го ранга Олег Дмитриевич Степаненко

Еще двадцать минут назад на мостике было жарко, словно на пляже в Сочи. А теперь вдруг невесть откуда на небе появились облака, и подул холодный северо-западный ветер. Ко всему прочему пропал сигнал ГЛОНАСС, и в эфире наступила мертвая тишина. Это было странно и весьма тревожно.

А ведь до сего момента все шло просто замечательно. Мы возвращались в Кронштадт после похода – вокруг Скандинавии с курсантами военно-морских учебных заведений. Этот «круиз», как я его называл, стал своего рода разминкой перед дальним походом, о котором меня уже предупредили в штабе ВМФ. В сентябре наш «Смольный» должен отправиться к берегам Анголы.

Пока же мы не спеша обогнули Скандинавский полуостров, зайдя с визитами вежливости в Осло, Гётеборг, Стокгольм и Копенгаген. Там наши курсанты познакомились с потомками суровых викингов и осмотрели местные достопримечательности. Погода стояла отличная, поломок не было, и аварийных ситуаций не возникало. У нас оставалась только одна остановка перед возвращением домой – заход в Хельсинки.

Но вчера мы получили радиограмму, в которой говорилось, что на траверзе полуострова Ханко нам необходимо встретиться с БДК «Королев», на который со «Смольного» перейдут тележурналисты каналов «Звезда» и «Russia Today», сопровождавшие нас в нашем круизе. Им предстояла новая командировка, только куда именно, не сообщили.

Впрочем, меня это и не касалось. Я уже мечтал о доме и предвкушал, как через день-два наконец-то пообедаю в семейном кругу: у меня отношения с супругой – даром что мы уже столько лет в браке – близки к идеальным. Потом немного отдохну, и – здравствуй, Ангола. И тут вдруг такое…

Неожиданно где-то далеко на западе мы услышали канонаду. Только вот звук артиллерийских выстрелов сильно отличался от голосов всех известных мне корабельных орудий. Я позвонил в радиорубку и сказал радисту, чтобы он связался с «Королевым» и сообщил ему, что «Смольный» срочно идет на запад.

После этого я скомандовал привести корабль в полною боевую готовность. По личному опыту мне было известно, что в подобных случаях лучше лишний раз перестраховаться. В мире творится черт-те что, и даже здесь, в тихом омуте Европы, могут вынырнуть какие-нибудь зловредные черти. К тому же сегодняшние неполадки со связью не выходили у меня из головы. Ох, не к добру все это, ох, не к добру…

«Смольный» по моей команде полным ходом шел на вестнорд-вест – туда, откуда доносился гром выстрелов.

Вскоре мне доложили, что на экране радара видны две цели. Первая была похожа на корабль, судя по всему лежавший в дрейфе, а другая отметка рядом с ним была совсем маленькой. Она медленно двигалась в сторону финского берега.

Подойдя поближе, я увидел в бинокль зрелище, весьма меня удивившее. Первый корабль выглядел, как музейный экспонат или оживший рисунок из учебника по морской истории – в главе, рассказывающей о паровых кораблях середины XIX века. Это был колесный парусник с двумя высокими трубами, из которых валил густой черный дым. Корабль стоял неподвижно. Спущенный с него баркас, набитый моряками, преследовал небольшую парусную лодку, экипаж которой, как мне показалось, прилагал все силы, чтобы уйти от погони.

– Что на свете творится-то, – сказал мой старший помощник, капитан 3-го ранга Рудаков, который, оказывается, тоже услышал стрельбу и поднялся на мостик со своим биноклем. – Реконструкторы разошлись – реальную войнушку затеяли. Вон, посмотри – настоящими ядрами друг в друга палят!

– Геннадий Викторович, – спросил я у него, – а почему ты думаешь, что это реконструкторы? И почему ты считаешь, что они стреляют не холостыми, а боевыми зарядами?

– А кто это может быть еще, кроме реконструкторов? – удивился старпом. – Вон, посмотри, на палубе этого плавучего антиквариата все наряжены в британскую военно-мор-

скую форму середины XIX века. А насчет стрельбы ядрами… Ты что, не – видишь, что возле лайбы, за которой гонятся эти псевдобританцы, появляются самые натуральные всплески от падения ядер? То есть стреляют, что называется, без дураков.

Я не стал спорить с Рудаковым, зная его любовь к военной истории вообще и истории военно-морского флота в частности. К тому же с парохода грянул очередной выстрел, и метрах в десяти от лодки, которую старпом назвал лайбой, поднялся белый водяной столб.

К тому времени «Смольный» подошел уже довольно близко к кораблю реконструкторов-экстремалов. Мы попытались связаться с ним по рации, но ответа так и не дождались. Точнее, ответ мы получили, но он оказался весьма своеобразным.

На корме колесного парохода, на флагштоке которого мы с удивлением увидели британский военно-морской флаг, выплеснулось облачко белого дыма и прогремел выстрел. Менее чем в кабельтове от нас в воду плюхнулось ядро. Да, на историческую реконструкцию все это было совсем не похоже. Только мы же с ними не договаривались о том, что тоже примем участие в подобной рискованной для жизни реконструкции! Если это шутка, то дурацкая.

– Боевая тревога! – скомандовал я. – Корабль привести к бою!

И, грозно взглянув на курсантов, толпившихся на палубе

и с интересом взирающих на это историческое военно-морское шоу, приказал:

– Всем посторонним покинуть верхнюю палубу. Находиться во внутренних помещениях и не высовываться наружу.

Я словно предчувствовал, что что-то должно произойти. И оказался прав. Очередной выстрел с колесного парохода – и ядро, промчавшееся над палубой, снесло леерную стойку, после чего плюхнулось в море.

Вскоре мне доложили – БЧ-2 к бою готово.

– Огонь! – скомандовал я.

Носовая артиллерийская установка АК-726 выпустила несколько снарядов по не в меру драчливому британскому пароходу. Один из них угодил, по всей видимости, в артпогреб. Громыхнул взрыв. В воздух взлетели мачты и трубы англичанина, а сам корабль, разломившись на две части, быстро пошел ко дну.

– Спустить на воду катер, – приказал я. – Геннадий Викторович, возьми человек пять вооруженных матросов из палубной команды и осмотри место гибели этих «реконструкторов». Может быть, кто-то из них спасся. Да, кстати, там где-то должен быть и баркас с потопленного парохода. Отбуксируй его к «Смольному». И смотри – эти придурки могут быть вооружены. Так что соблюдай осторожность и прикажи личному составу надеть, на всякий случай, бронежилеты и – каски.

– Не беспокойся, Олег Дмитриевич, – кивнул мне Рудаков. – Я возьму с собой мичмана Воронина. Он уже имеет опыт общения с такими вот искателями приключений. Два года назад мичман воевал с сомалийскими «джентльменами удачи», а ты знаешь, что это за народ.

– Ну, тогда вперед. Удачи тебе! – сказал я.

На воду был спущен моторный катер. В него забрались моряки, экипированные по полной боевой. Рыча двигателем, катер рванул к тому месту, где совсем недавно был колесный пароход.

Покрутившись немного на месте потопления британца и, видимо, так никого и не обнаружив, он по-мчался в сторону баркаса, который после гибели своего корабля прекратил погоню за парусной лодкой. Похоже, что моряки на нем находились в полном ступоре, ошеломленные страшной картиной гибели своих товарищей. И потому сопротивления нашим ребятам никто из них не оказал.

Я наблюдал за происходящим в бинокль. Взяв на буксир баркас, катер направился к «Смольному». Я видел, как Рудаков о чем-то оживленно беседовал с одним из сидящих в катере, судя по форме, офицером. Похоже, разговор взволновал обоих собеседников и сопровождался бурными эмоциями. Старпом несколько раз вскакивал с банки и начинал махать руками, словно в сильном удивлении.

Через несколько минут катер подошел к спущенному трапу. На борт «Смольного» под конвоем наших моряков под-

нялась дюжина британцев. Почему британцев? Потому что я сразу же понял, откуда они. Эти хмурые люди в морской форме не были похожи ни на ряженых финнов, ни на шведов.

Оставив их на палубе под бдительным оком мичмана Воронина, Рудаков чуть ли не бегом направился ко мне на мостик.

– Олег Дмитриевич, – взволнованно произнес он, – тут такое, такое…

Геннадий Викторович, похоже, не находил слов. Потом он махнул рукой и жестом подозвал одного из пленных. Это был высокий молодой парень в синем однобортном кителе и синих узких брюках. На голове у него чуть набекрень была надета треуголка с пышным плюмажем. Он подошел ко мне и вежливо представился по-английски:

– Джосайя Джонсон, сэр, лейтенант корабля ее величества «Валорос».

– Скажите, лейтенант, какого черта вы тут делаете, и почему вы напали на российский военный корабль в нейтральных водах? – спросил я.

– Российская империя и Британия находятся в состоянии войны, сэр, – доложил мне англичанин. – Мы были посланы от Бомарзунда сэром Чарльзом Непиром для того, чтобы присоединиться к эскадре адмирала Пломриджа, находящейся в районе острова Мякилуото, и передать донесение о ходе боевых действий у побережья Аландских островов.

– Какой еще сэр Непир?! Какой адмирал Пломридж? Какое состояние войны! – моему удивлению не было предела. – Какой еще, черт побери, Бомарзунд?!

И тут я вдруг вспомнил про оборону Бомарзунда в 1854 году. Помнится, как-то раз старпом читал доклад о событиях Крымской войны на Балтике и рассказывал о том, как летом 1854 года англо-французская эскадра захватила недостроенную русскую крепость Бомарзунд на Аландах. А потом меня неожиданно осенило.

– Лейтенант, а какое сегодня число?

– Четырнадцатое августа, сэр, – удивленно произнес он.

Да, действительно, сегодня было четырнадцатое августа.

– А год какой? – не унимался я.

– Одна тысяча восемьсот пятьдесят четвертый от Рождества Христова, сэр, – спокойно ответил лейтенант.

– Так-так-так, – озадаченно произнес я. – Хорошо, лейтенант, а теперь расскажите мне поподробнее о том, что именно происходит в настоящее время у Кронштадта и у Бомарзунда…

14 августа 1854 года. Аландские острова.
Якорная стоянка у крепости Бомарзунд.
Борт яхты «Герб Мальборо»
Лорд Альфред Спенсер-Черчилль,
третий сын Джорджа, герцога Мальборо

Об этом разговоре я до сих пор вспоминаю с яростью и

стыдом. А все началось с того, что флаг-офицер вице-адмирала Чарльза Непира вежливо пригласил меня прибыть на борт его флагманского линейного корабля адмирала «Герцог Веллингтонский» для – как было написано в приглашении – приватной беседы. На самом же деле эта «беседа» оказалась обычной выволочкой.

– Милорд, – неприятным скрипучим голосом обратился ко мне адмирал Непир, – к моему величайшему сожалению, ни вам, ни другим хлыщам, прибывшим в эти воды на своих яхтах, я не могу приказать немедленно покинуть район боевых действий. Но вашу безопасность я гарантировать точно так же не могу. И если шальное русское ядро попадет в борт вашей яхты, то виноваты в этом будете только вы – а я умываю руки.

– И это все, что вы хотели мне сказать? – усмехнулся я, с трудом сдерживая ярость. – В таком случае я приму ваши слова к сведению, а засим позвольте мне откланяться.

Едва сдержавшись, чтобы не хлопнуть дверью адмиральского салона, я вышел на палубу линейного корабля. Спустившись по трапу, я сел в ожидавшую меня шлюпку и отправился на яхту.

Эта история началась месяц назад, когда я изнемогал от скуки в родительском доме в Бленхейме во время летних парламентских каникул.

Отец зачем-то устроил так, что партия тори выдвинула мою кандидатуру на парламентских выборах.

Ко мне приехал мой товарищ по Итону и Оксфорду, Алджернон Худ, и сказал:

– Алфи, ко мне скоро прибудет дальний родственник из северо-американских колоний, – ни он, ни я принципиально никогда не называли их какими-то там «Североамериканскими Соединенными Штатами». – Мне хотелось бы ему показать нечто этакое. У тебя вроде есть яхта?

– Ну, скажем так, не у меня, а у моих родителей, – усмехнулся я. – Но никто, кроме меня, ею в последнее время не пользуется.

– Так вот, не хотел бы ты сходить на Балтику? Мне тут родственник в Адмиралтействе шепнул, что там вскоре намечаются боевые действия у какой-то русской крепости. Не помню, как она называется – какое-то типично русское непроизносимое название. Вроде Бамар чего-то там… Или Бумар?

– А кто с нами еще отправится в плаванье? – поинтересовал-ся я.

– Ну, ты, я, Джимми – мой родственник, сестра его Мейбел, моя сестра Виктория… Может, ты поговоришь с твоей кузиной Дианой?

Я догадывался, что Алджи без ума от моей кузины. Мне же нравилась его сестра Виктория, и я знал, что Алджи позаботился о ее присутствии на яхте. Усмехнувшись, я кивнул:

– Конечно, старина, я поговорю с ней. Делать-то все равно нечего, и я думаю, что она согласится.

Три недели назад мы вышли из Брайтона на борту белоснежной красавицы «Герб Мальборо» – я, Алджи, Джимми, Мейбел, Виктория и Диана, а также матросы, лакеи, служанки дам и повар. Путешествие было приятным: мы показали нашему гостю Кан, откуда почти восемьсот лет назад Вильгельм Завоеватель пересек Ла-Манш и захватил Англию, бельгийский Остенде, съездили в Брюгге, голландский Амстердам, датские Орхус и Копенгаген.

Меня очень удивило, что в Копенгагене население весьма настороженно относилось к англичанам. Зато узнав, что Джимми и Мейбел – американцы, их привечали подчеркнуто дружелюбнее. Затем мы посетили чопорный Стокгольм, откуда совсем недавно британская эскадра адмирала Непира отправилась к берегам России. А вот, наконец, Аланды, и этот малоинтересный островок Бомарзунд (вот так, оказывается, он произносится).

А потом эта злосчастная встреча с адмиралом Непиром! Этот чертов старикашка, он совсем вывел меня из себя… Отец немного знал его, да и я видел как-то раз в палате общин. Поэтому я рассчитывал на более теплый прием. Но такого унижения я всяко не ожидал!

– Ничего, – сказал я сам себе, – вот вернусь в Англию, и ты у меня попляшешь, адмиралишка. Все-таки ты сделал выговор не разряженному хлыщу, а члену парламента ее королевского величества и сыну самого герцога Мальборо!

Я приказал поставить яхту на якорь чуть в стороне от ли-

нии боевых кораблей, так чтобы ход сражения нам был виден, словно театральная сцена из ложи в Ковент-Гарден.

И вот долгожданное военно-морское шоу началось. Наши могучие корабли ежедневно обстреливали русские укрепления, круша их своими огромными ядрами. Правда, я успел заметить, что стреляли они довольно скверно. Дело в том, что, как рассказал один мой знакомый лейтенант с «Геклы», большая часть экипажей состояла из неопытных и необученных новичков и из пожилых людей, насильно набранных в портовых кабаках и спешно призванных на военную службу.

А русские стреляли очень даже неплохо. Но все же было видно, что их крепость вот-вот падет. Потом, когда уже было подавлено большинство огневых точек оборонявшихся, началась высадка «лягушатников» вместе с их артиллерией.

Весь ход боевых действий был хорошо виден из салона яхты. Алджи и я аплодировали каждый раз, когда наши пушки пробивали очередную брешь в стенах близлежащей русской башни, которая, к счастью для нашего флота, была недостроена. Диана и Викки, забыв про кодекс поведения английской дамы, тоже прыгали от восторга. Вот только Мейбел – нужно сказать, самая красивая девушка на всей этой яхте – вдруг спросила меня:

– А зачем это вам?

Я очень удивился ее вопросу и ответил:

– Чтобы показать этим азиатам их место. Ведь они набрались наглости и считают себя европейцами!

Но тут Джимми неожиданно сказал:

– А мне казалось, что именно эти азиаты, как вы их назвали, и спасли вас тогда, когда Наполеону покорилась вся Европа.

– Нет, это не так. В битве при Ватерлоо русские точно не участвовали, – замахал руками Алджи.

– Интересно, – ехидно произнес Джимми, – а мне почему-то казалось, что еще до битвы при Ватерлоо именно они побили Наполеона в России. Да и потом именно они были главной военной силой, например, в сражении при Лейпциге. Да и Париж взяли именно они.

Я посмотрел на него с усмешкой:

– И в какой книге ты это все вычитал?

– Знаешь, у нас были отличные профессора – в колледже Нью-Джерси.

– Какой Нью-Джерси? Ты же говорил, что ты из штата Джорджия, а он на юге?

– Да, но многие южане учатся в колледже Нью-Джерси. И отец меня послал именно туда.

Я хотел было сказать какую-нибудь колкость, но вдруг вспомнил – Джимми знал английскую историю намного лучше меня. То же можно было сказать и о древней истории, и о средневеко-вой… Но здесь он, конечно, ошибался – каждый англичанин знал, что русские практически ничего не сделали в ходе Наполеоновских войн и победил лягушатников генерал Мороз, а не русские.

Но только я хотел ему это все выложить, как вдруг послышался чудесный голосок Мейбел:

– Алфи, вы же сказали, что мы приглашены на ужин к лорду Стейплтону на яхту. А потому давайте прекратим дискуссию, тем более что нам, дамам, нужно переодеться.

Я поклонился очаровательной девице и сказал:

– Ваше пожелание, Мейбел, для меня приказ. Тем более что выстрелы стихли и смотреть сегодня больше нечего!

14 (2) августа 1854 года.
Финский залив у острова Руссаре
Ротмистр Николай Васильевич Шеншин

Два дня назад я предстал пред светлы очи генерала Якова Андреевича Бодиско и попросил его позволения покинуть крепость и вернуться в Петербург, чтобы лично доложить государю о происходящем в Бомарзунде.

– Что же это вы, голубчик? – немного растерянно и совсем не по уставу сказал генерал. – Да эти проклятые англичане и французы даже мыши не пропустят, а уж тем паче корабль. И если вы будете пытаться прорваться через их блокаду, то, скорее всего, попадете в плен – это если вам повезет и они не подстрелят вас, как куропатку.

– Ваше превосходительство, – я решил непременно добиться согласия от коменданта крепости, – мне уже дважды удавалось прорываться через неприятельскую блокаду. К тому же у меня есть план. В это раз я попробую добраться до

Або, а уже оттуда попасть в Гельсингфорс, и далее – в Петербург. Как мне удалось узнать от местных рыбаков, англо-французский флот сейчас находится в самом узком месте Финского залива – у острова Мякилуото. Это где-то в двадцати милях от Гельсингфорса. Я попытаюсь незаметно пробраться вдоль островов к финляндскому берегу и оказаться в Або.

– Ну, как знаете, господин ротмистр, как знаете. Я не могу вам приказывать, но мне очень хотелось бы, чтобы вы не пускались в эту опаснейшую авантюру. Хотя и в Бомарзунде любого из нас на каждом шагу подстерегает опасность, – генерал досадливо махнул рукой.

– Отправляя меня сюда, государь, – возразил я, – кроме всего прочего, приказал мне сообщить ему подробно о действительном положении дел в крепости. Ваше превосходительство, я должен во что бы то ни стало выполнить приказание императора, невзирая на все опасности, которые мне могут при этом грозить.

Я предусмотрительно умолчал, что подобные авантюры мне всегда очень нравились. Кроме того, не буду скромничать, я весьма удачлив. Именно поэтому государь, по его же собственным словам, решил послать в Бомарзунд именно меня. Но удача – вопрос не везения, а продуманного решения в каждой сложной ситуации. И план прорыва вражеской блокады у меня уже был готов.

– Ваше превосходительство, – попросил я, – дозвольте

мне взять с собой фельдфебеля Грода. Это именно тот человек, который поможет мне совершить задуманное.

– Ну что ж, голубчик, дозволяю, – тяжело вздохнул генерал. – Желаю вам удачи. И да хранит вас Господь!

Яков Андреевич обнял и перекрестил меня. Да, подумал я, добрейшей он души человек. Вот только мыслит довольно-таки шаблонно. Будь и он чуточку склонен к авантюрам, то кто знает: может, и не стояли бы сейчас неприятельские суда на рейде Бомарзунда, словно во время парада на рейде в Спитхеде.

Карла Грода мне порекомендовали знающие люди, когда я искал в крепости человека, который бы хорошо знал финский и шведский языки. Фельдфебель Финского гренадерского стрелкового батальона Карл Грод внешне был типичным финским шведом, без какого-либо намека на аристократическое происхождение. Светлые волосы, средний рост, могучее телосложение. И родом он был из рыбацкой семьи – а это значит, что Карл умеет управлять парусной лайбой. А вот это было для меня немаловажно. Кроме того, он в юности рыбачил с отцом в местных шхерах и знал их как свои пять пальцев.

Грод по моей просьбе купил лайбу у кого-то из местных рыбаков. Он же и принес для меня и для себя поношенную шведскую одежду. Я сбрил усы и переоделся, после чего мы заночевали в лайбе. А лишь только небо начало светлеть, мы направились на северо-восток вдоль Аландов – туда, где они

переходят в шхеры у Або. Через эти шхеры мы и прошли, никем не замеченные. В тамошние воды ни один английский корабль без хорошего лоцмана не рискнет заплыть – не зная фарватера, он моментально пропорет себе днище на острых камнях.

Добравшись до Або, я, посовещавшись с Карлом, решил не высаживаться в порту, а попробовать дойти до Гангута. Далее можно было рискнуть и за ночь попытаться добраться до Ревеля. А уже оттуда шла прямая дорога до Петербурга.

Единственно, чего я опасался – у Або нам придется выйти в открытое море, тамошние воды Карл знал плохо. Впрочем, мы все равно по пути держались у кромки шхер, чтобы при первой же опасности нырнуть туда и уйти по мелководью. Но неподалеку от Гангута мы решили все же срезать путь и направились от острова Сёдербад прямиком к острову Моргонланд. Нам надо было пройти по открытому морю всего-то около трех миль, но ветер был северным, порывистым, и шли мы это расстояние большей частью на веслах.

И надо же такому случиться: откуда-то черти принесли английский паровой фрегат «Валорос», который я уже имел удовольствие лицезреть во время боевых действий у Бомарзунда. Силуэт я узнал сразу. Похоже, удача, которой я так опрометчиво успел похвастаться перед генералом Бодиско, на этот раз от нас отвернулась.

Мы попытались было уйти к Моргонланду, понадеявшись на то, что англичанину не будет дела до каких-то там фин-

ских рыбаков. Но «Валорос» сделал предупредительный выстрел, и ядро шлепнулось в воду в половине кабельтовых впереди нашей лайбы. Мы, естественно, пустились наутек – желания угодить в лапы британцев ни у меня, ни у Карла не было. До неприятеля было около полумили, до острова – чуть побольше.

Фрегат «Валорос» подошел к нам примерно на тысячу двести футов. Похоже, что его командир помнил о том, что в этой части Балтики немало опасных подводных банок, и не рискнул зайти в незнакомые воды. Но с него спустили баркас, который направился в нашу сторону. Мы с Карлом не знали, чем все это может закончиться – обычным досмотром или арестом нашей лайбы. Возможно, что англичанам просто захотелось полакомиться свежей рыбкой, которую мы предусмотрительно купили у финских рыбаков, встретившихся неподалеку от Або.

Карл Грод был одет в более приличную одежду, чем я, и мог сойти за владельца лайбы. Поэтому мы решили, что если они нас все же догонят, переговоры с британцами вести будет он. Я допускал, что даже если кто-нибудь из англичан знает финский или шведский язык – а у них во флоте кто только ни служит, – вероятность того, что нас удастся разоблачить, будет очень мала.

Английский баркас прошел уже две трети пути, фрегат же, стоя на месте, продолжал время от времени стрелять из пушки в нашу сторону. И в этот самый момент из-за острова

Моргонланда показался необычный корабль – таких я еще никогда в жизни не видел. У него не было ни парусов, ни высоких дымовых труб. Но двигался он быстро – скорость неизвестного корабля была не менее двадцати узлов. Он был окрашен в необычный сине-серый цвет. Причем – я мог поклясться в этом – корабль был сделан не из дерева, а из металла.

«Неужто у англичан появились железные корабли?» – с горечью подумал я. Ведь именно у них, как я слышал, строились самые лучшие военные корабли в мире.

Баркас неожиданно сбавил ход – похоже, что сидевшим в нем англичанам что-то очень не понравилось. Я присмотрелся к кораблю. Биноклем я пользоваться, понятно, не стал – откуда у бедных финских рыбаков может быть такой дорогой прибор? Но зрение у меня было острым, и я увидел, что гюйс у неизвестного корабля красный, похожий на гюйс кораблей Российского императорского флота, а кормовой флаг – белый. Синего креста на нем видно не было, но с такого расстояния я и не ожидал его разглядеть. Значит, корабль, по всей видимости, российский. На борту его белой краской были нарисованы три большие цифры: «210».

Неизвестный русский корабль стал приближаться к «Валоросу». Когда расстояние между ними оказалось около полутора тысяч футов, британский фрегат открыл огонь из кормовой пушки. Ядро плюхнулось в воду менее чем в сотне футов от незнакомца.

«Валорос» успел сделать всего несколько выстрелов. Потом железный корабль ответил наглому британцу из орудий, которые, оказывается, стояли у него на носу, полностью закрытые со всех сторон железными листами. Выстрелы противника «Валороса» – оказались не в пример более меткими. Фрегат неожиданно взорвался, превратившись в столб пламени и дыма – видимо, ядро или бомба угодили прямо в пороховой погреб.

К счастью, мы находились достаточно далеко, и обломки британского военного корабля до нас не долетели. Победители спустили большой железный баркас, который удивительным образом, без каких-либо усилий гребцов, быстро направился к месту гибели «Валоруса». Он покружился там, а потом, рассекая волны, помчался в сторону английского баркаса. Железный самодвижущийся баркас подошел вплотную к английскому. Сидевшие в нем британцы и не думали сопротивляться. Взяв их буксир, неизвестные так же быстро отправились назад. Нами не заинтересовались – действительно, кому нужны мирные финские рыбаки?

Я вскочил на ноги и стал размахивать над головой курткой, стараясь привлечь внимание тех, кто находился на корабле-победителе. Так продолжалось в течение десяти-пятнадцати минут. Похоже, что там наконец заметили меня.

Стальной баркас снова отошел от его трапа и направился к нам. Когда он оказался от нашей лайбы на расстоянии нескольких десятков футов, я сумел как следует разглядеть

его и матросов, которые в нем находились.

Первое, что мне бросилось в глаза – баркас этот двигался сам собой, без помощи весел. Я присмотрелся к форме матросов – на нашу морскую форму она была похожа мало. Все они были одеты в странные ярко-оранжевые жилеты, а в руках у некоторых я увидел неизвестное оружие, весьма удивительное по внешнему виду.

«Да, – подумал я, – а может, это и совсем не русские? И попытавшись привлечь их внимание к себе, я, похоже, немного погорячился».

– Hyv piv, – крикнул мне один из моряков, видимо, старший из них. Сказанное им означало «добрый день» по-фински – это даже я уже успел вы-учить.

– Добрый день, – ответил я по-русски, – позвольте представиться – ротмистр Шеншин. Направляюсь со срочным донесением в Петербург. А со мной фельдфебель Карл Грод.

Офицер козырнул мне и ответил:

– Мичман Воронин, Российский флот, учебный корабль «Смольный». Здравия желаю, господин ротмистр. Не желаете ли проследовать на борт нашего корабля?

14 августа 1854 года.
Санкт-Петербург. Зимний дворец
Император Николай I

День закончился, но вместе с ним не закончились дела, которые я сегодня должен был сделать. Надо было работать, но

сил у меня с каждым днем становилось все меньше и меньше. Война… Эта проклятая война, которая началась для меня так неожиданно. Сказать по чести, я никак не ожидал, что британцы и французы, несмотря на свою вековую вражду, объединятся, чтобы бросить вызов России.

Я вспомнил, как граф Нессельроде, словно сирена, усыплял меня успокоительными донесениями послов из Лондона, Парижа и Вены. Все это оказалось ложью. Меня обвели вокруг пальца, словно – мальчишку. – Оказалось, что ненависть Европы к России сильнее многовековой неприязни Франции и Британии.

Это все проклятый лорд Стредфорд-Каннинг, которого я еще в 1834 году отказался принять в качестве британского посланника в Петербурге. Я знал о его антироссийских интригах в Константинополе и Греции. А потому не желал видеть Каннинга в России.

Но Каннинга отправили послом в Турцию, где он неожиданно быстро набрал силу и стал там фактическим руководителем всей внешней политики Османской империи. Недаром сам султан и его приближенные называли Каннинга «Великий Элчи» – Великий посол. Мне рассказывали, что когда Каннинг появлялся во дворце султана Абдул-Меджида, турецких чиновников охватывал панический ужас. И даже сам великий визирь спешил встретить Великого Элчи у входа в свои покои и выполнить все его указания.

Про этого выскочку Наполеона III я и говорить не хочу.

Он просто испытывает маниакальное желание унизить Россию, чтобы взять реванш за поражение своего дядюшки. С ним было все ясно.

Но что случилось с Австрией и Пруссией? Я не забуду, как лебезил передо мной этот молокосос Франц-Иосиф, которого пять лет назад я спас во время Венгерского мятежа, и его слова, с которыми он обращался ко мне в своем послании: «С раннего детства я привык видеть в вашем величестве твердого защитника монархической идеи правления, а также искреннейшего и надежнейшего друга нашей семьи… Я рассчитываю на поддержку могучей руки вашего величества».

Мой «отец-командир» – фельдмаршал Иван Федорович Паскевич – со смехом рассказывал, как в Варшаве перед ним на коленях стоял австрийский фельдмаршал Кабога и со слезами на глазах умолял его прийти на помощь гибнущей империи Габсбургов. Пришли и спасли… Только вот зачем?

Что же я получил вместо ожидаемой поддержки и благодарности? Да ничего! Австрия фактически присоединилась к англо-французской коалиции. Когда решался вопрос войны и мира, министр иностранных дел Австрии граф Буоль вызвал нашего посла в Вене барона Мейендорфа, кстати, родственника Буоля – барон был женат на сестре графа – и сообщил ему, что «австрийская политика полностью совпадает с британской».

Какое коварство! Недаром барон Мейендорф потом ска-

зал: «Мой шурин Буоль – величайший политический собачий отброс, который когда-либо я встречал и который вообще существует на свете». По-немецки это прозвучало еще энергичней.

Ну, а я перевернул висевший в Зимнем дворце портрет императора Франца-Иосифа лицом к стене, написав на его тыльной части: «Du Undankbarer» («Неблагодарный»).

Даже Пруссия – страна, которую я искренне любил, и которая была родиной моей супруги, колеблется, так еще и не решив – остаться ли ей нейтральной, или присоединиться к неблагодарной Австрии и выступить на стороне наглых британцев и воинственных французов.

Флот союзников вошел в Черное и Балтийское моря. И если на Черном море корабли англичан и французов стояли в Варне, так и не решаясь высадится в Крыму, то на Балтике союзники действовали более решительно. Они обстреляли несколько небольших финских городков и бомбардировали нашу недостроенную крепость Бомарзунд на Аландских – островах. Гарнизон крепости не спасовал и дал достойный отпор вражеским кораблям.

Посланный мною в Бомарзунд ротмистр Шеншин сумел пробраться сквозь англо-британскую блокаду и доставил осажденному гарнизону награды – мое высочайшее благоволение, ордена и повышения в чинах господам офицерам, а нижним чинам по серебряному рублю за исправную службу. Но ротмистр, вернувшись с Аландов, честно рассказал мне,

что гарнизон крепости мал, укрепления на острове еще не достроены, и Бомарзунд вряд ли устоит под натиском хорошо вооруженного и многочисленного неприятеля.

Как военный инженер, я прекрасно понимал возможности крепости и считал, что она не выдержит долее десяти дней настоящей атаки. Гарнизон, чтобы избежать полного истребления, скорее всего, вынужден будет сложить оружие, а крепость – или, скорее всего, то, что от нее останется – нам придется освобождать от неприятеля зимой, когда Ботнический залив замерзнет и покроется льдом…

Я ждал с нетерпением возвращения ротмистра, чтобы узнать от него во всех подробностях, что происходило ныне в крепости Бомарзунд.

Историческая справка – Николай I

Император Николай I в отечественной истории считается неоднозначной фигурой. С одной стороны, его называют тираном и деспотом, жестоко подавившим в 1825 году восстание декабристов, а с другой стороны, еще при жизни он получил прозвище «каторжник Зимнего дворца» и «вечного работника на троне». Все зависит от того, кто и с какой позиции ведет о нем рассказ. Только следует помнить вот еще о чем. По словам русского историка и философа Георгия Петровича Федотова, «Николай I столь ненавистный – и справедливо ненавистный – русской интеллигенции, был последним популярным русским царем. О нем, как о Петре Ве-

ликом, народное воображение создало множество историй, анекдотов…»

Третий сын императора Павла I при рождении практически не имел шансов оказаться на троне. У него было два старших брата, у которых могли быть наследники. Но так получилось, что у Александра I в браке родились две дочери, которые умерли в младенчестве. От его любовницы Марии Нарышкиной, с которой он прожил без малого пятнадцать лет, тоже были две дочери. Мужского потомства у него не оказалось, и таким образом, после смерти Александра I трон должен был перейти к следующему по старшинству брату, великому князю Константину Павловичу.

Но тот, женившись на польской красавице Жанетте Грудзинской, вступил в морганатический брак, что считалось нарушением закона о престолонаследии, утвержденного Павлом I. К тому же этот брак оказался бездетным. Да и сам Константин, не желая взваливать на себя бремя государственных забот, заранее отрекся от престола в пользу Николая.

При вступлении Николая на трон все вдруг вспомнили пророчество его великой бабки, императрицы Екатерины II. Он родился 6 июля 1796 года за четыре с половиной месяца до смерти Екатерины. Увидев новорожденного, она сказала: «Я стала бабушкой третьего внука, который, по необыкновенной силе своей, предназначен, кажется мне, также царствовать, хотя у него есть два старших брата». Слова императрицы оказались пророческими.

Сам Николай, впрочем, не отнесся серьезно к словам своей великой бабки и потому выбрал карьеру военного. Воспитывал Николая и его младшего брата Михаила генерал Матвей Иванович Ламздорф. Причем воспитывал строго, невзирая на их происхождение. Нашкодившие царские сыновья часто получали от своего сурового наставника не только подзатыльники. Ламздорф за малейшую провинность пускал в ход розги, линейку и даже ружейный шомпол. Надо сказать, что у юного Николая характер был далеко не сахар, поэтому ему доставалось больше, чем Михаилу.

Как бы то ни было, но Ламздорф сумел привить своим подопечным любовь к военному делу и военной форме. Привычка к выполнению ружейных приемов осталась у Николая на всю жизнь. Это было что-то вроде физзарядки. Поутру, после обязательной прогулки по набережной (причем император гулял один, без охраны), он в Зимнем дворце в течение часа проделывал ряд ружейных приемов в высоком темпе.

Возможно, именно это позволило Николаю даже к старости выглядеть браво и иметь атлетическую фигуру. Вот как описывал его внешность врач Конно-гвардейского полка Карелль, в 1849 году (напомним, что тогда Николаю было уже пятьдесят три года) проводивший осмотр императора: «Видев его до тех пор, как и все, только в мундире и сюртуке, я всегда воображал себе, что эта высоко выдававшаяся грудь – дело ваты. Ничего не бывало… Я убедился, что все это самородное; нельзя себе представить форм изящнее и конструк-

ции более Аполлоново-Геркулесовой». Кстати, природа не обидела и ростом. Его рост был 189 см. Правда, до своего предка Петра I он все равно не дотягивал – рост Петра был 203,5 см.

Перед восшествием на престол Николай был шефом лейб-гвардии Саперного батальона и командиром 2-й гвардейской пехотной дивизии.

Немудрено, что взойдя на престол, Николай ввел при царском дворе чисто военные порядки и нравы. С детства носивший военную форму, новый император считал «своими» только офицеров. На одном из частных балов, где штатских оказалось больше, чем военных, Николай, обведя взором залу, недовольно спросил у одного из сопровождавших его генералов: «Что тут так мало наших?»

Вполне естественно, что Николай носил только военную форму, тратя на «построение» немалые деньги из так называемых «гардеробных сумм». Кроме того, немалые траты императора были связаны с посещением им кадетских корпусов.

Дело в том, что Николай очень любил детей. Он часто посещал военно-учебные заведения Петербурга. Существовала особая традиция общения царя с юными кадетами, о которой рассказывает в своих воспоминаниях известный художник-маринист Алексей Петрович Боголюбов, в детстве воспитанник Александровского кадетского корпуса. Он пишет: «Не проходило двух недель, чтобы кто-то из высочай-

ших особо не навещал корпус… Случалось, что государь входил в зал, где нас кишело до четырехсот ребят и стоял гул, как в громадном птичнике… «Здорово, детки!» – говорил он голосом, которого уже после никогда не забудешь, и вдруг мертвая тишина воцарялась в зале. «Ко мне!» – и опять взрыв шума, и такая мятка вокруг него, как в муравейнике. Нередко он ложился на пол. «Ну, поднимайте меня», – и тут его облепляли, отвинчивая пуговицы на память и т. д. Всего более страдал султан шляпы, ибо все перья разбирались, как и пуговицы, и в виде памяти клеились в альбомы».

В свободное время (которого у царя практически не было) Николай посещал театр. Иногда он и сам выходил на сцену, для того чтобы сыграть незначительную роль, часто без слов. Не был чужд император и музыке. Первым из русских монархов он освоил духовые инструменты. Николай неплохо играл на флейте, валторне и корнете. Правда, публично он не выступал, а лишь иногда, на домашних концертах в Зимнем дворце, позволял себе поиграть для близких.

Двор при Николае I, по словам современников, был пышен, но больше похож на военный лагерь. В то же время именно в его правление творили такие гении русской культуры, как Пушкин, Гоголь, Тургенев, Брюллов, Клодт и многие другие. Следует помнить и то, что именно при Николае I придворные заговорили на русском языке. До этого общеупотребительным языком в Зимнем дворце был французский.

14 (2) августа 1854 года. ПСКР «Выборг».
Сорок миль к северо-востоку от острова Хиума
Командир корабля капитан 3-го ранга
Борисов Николай Михайлович

Задача, которую поставил перед нами командир бригады, была несложной. Наши соседи – страны Балтии – решили поиграть своими паучьими мышцами и устроить большие маневры с участием всего имеющегося у них в наличии корабельного состава – двух десятков небольших сторожевиков и катеров. Из Москвы поступил приказ – понаблюдать за игрищами молодых недоразвитых демократий и своим присутствием напомнить «ма-а-а-леньким, но го-о-ордым», что Америка далеко, а мы – вот они, совсем рядом. Нам предписывалось в конфликт с убогими не вступать, к их территориальным водам не приближаться, дабы не напугать их насмерть.

Мы вышли из Высоцка и вскоре оказались в районе учений. Игрища «трех балтийских тигров» происходили у берегов Моонзундского архипелага – далеко в открытое море эти кораблики просто боялись уходить.

– Жалкое зрелище, душераздирающее зрелище, – произнес мой старший помощник, капитан-лейтенант Игорь Шаров, голосом мультяшного ослика Иа-Иа, наблюдая с мостика за всеми этими учениями-мучениями.

Действительно, техническое состояние и уровень боевой

подготовки флотов республик Балтии у опытных моряков, к которым я относил экипаж нашего «Выборга», вызывали гомерический смех. Но, как говорится, чем богаты, тем и рады.

Насмотревшись вволю на военно-морскую комедию, мы должны были пройти еще немного на север и обозначить себя у южной оконечности полуострова Ханко, после чего возвращаться домой. И вот тут-то все и началось…

Дежурный радист неожиданно доложил мне, что в эфире исчезли все радиосигналы. Тишина, как в сурдокамере. Одновременно отказали и ГЛОНАСС, и GPS. Что бы это все могло значить?!

Я велел немедленно связаться со штабом бригады в Высоцке, но как радист ни старался, ему это сделать так и не удалось. Попытка установить связь с узлом связи Северо-западного управления погранвойск в Питере тоже оказалась безуспешной. Немного подумав, я дал указание попробовать выйти на частоты – наших финских коллег – может быть, они в курсе, что случилось. Но и финны не отвечали на наши вызовы.

Мне стало немного не по себе. Что же все-таки произошло? На экране локатора было пусто, хотя место, где мы сейчас находились, было довольно оживленным. Раньше корабли шли мимо нас один за другим, а сейчас – словно вымерли. Происходящее мне все больше и больше переставало нравиться.

На всякий случай я приказал сыграть боевую тревогу.

Пусть люди находятся на боевых постах и будут готовы к любой неожиданности. А радист тем временем безуспешно продолжал шарить в эфире. Наконец, ему повезло.

– Товарищ капитан 3-го ранга, – сказал он, снимая наушники, – есть связь с танкером «Лена». Он находится к юго-западу от острова Руссаре.

Танкер «Лена», флотский корабль снабжения, базировавшийся в Балтийске, я знал хорошо. Накануне нашего выхода в море я видел его в Высоцке, где он стоял под погрузкой у нефтяного терминала. По слухам, «Лена» должна была отправиться в Средиземное море с грузом нефтепродуктов для нашей эскадры, которая сейчас днюет и ночует у берегов Сирии.

– С «Лены» передают, что они поддерживают устойчивую связь с БДК «Королев» и учебным кораблем «Смольный». И еще… – тут радист даже подпрыгнул на кресле от удивления, – товарищ капитан 3-го ранга, со «Смольного» на «Лену» передали, что он был атакован британским парусно-паровым военным кораблем. «Смольный» открыл ответный огонь и потопил британца. Выяснилось, что мы находимся… – тут голос радиста дрогнул, – оказывается, товарищ капитан 3-го ранга, мы каким-то образом попали в XIX век. Точнее, сейчас на дворе 14 августа 1854 года. На Балтике ведутся боевые действия между русским флотом и объединенной англо-французской эскадрой.

– Что за ерунда! – возмутился я. – Какой XIX век? Какая

война? Они что там, на «Лене», допились до белой горячки?

– Не знаю, товарищ капитан 3-го ранга, – развел руками радист, – только сейчас со «Смольного» вышел на связь капитан 1-го ранга Степаненко – командир учебного корабля, – который подробно доложил на «Королев» о том, как именно был потоплен британский военный корабль «Валорос», входивший в состав эскадры адмирала Непира, которая действует на Балтике.

Оказывается, в ходе боя были взяты пленные, а на борту «Смольного» находится ротмистр Шеншин – личный посланец императора Николая I, следовавший из Бомарзунда в Санкт-Петербург.

От удивления я чуть не сел мимо стула.

Во дела! – подумал я. Прямо как в книжках про альтернативную историю. Раз, два – и мы оказались в другом времени, в другой эпохе. И что же нам теперь делать-то? Понятно, что если британцы полезут и на нас, как они полезли на «Смольный», то мы влупим им по самое не грусти со всей пролетарской сознательностью. Все же кораблик наш хотя и небольшой, но для нынешних времен весьма зубастый. Пушка 76 мм и полторы сотни снарядов – этого вполне достаточно для того, чтобы перетопить всю эскадру британского адмирала. Да и 30-миллиметровая шестиствольная может немало дел натворить.

Учитывая же, что мы можем вести огонь с дистанции шести с половиной миль, мы достанем англичан, даже не предо-

ставив им удовольствия открыть огонь по нам.

– Товарищ капитан 3-го ранга, – отвлек меня от размышлений радист, – в эфир вышел капитан 1-го ранга Кольцов. Он находится сейчас на «Королеве». Так вот, каперанг Кольцов приказал как старший по должности всем боевым кораблям, из XXI века попавшим в XIX век, собраться в точке рандеву в пятидесяти милях к югу от крепости Бомарзунд. Надо оценить все наши силы и определить – что делать дальше.

Гм, подумал я, конечно, наш «Выборг» принадлежит совсем другому ведомству, и капитан 1-го ранга Кольцов для меня не начальник. Но ситуация чрезвычайная, и Кольцов в данном случае прав – надо держаться всем вместе, чтобы не пропасть пооди-ночке.

– Хорошо, – сказал я радисту, – сообщи на «Королев», что мы идем к точке рандеву. Заодно уточни ее координаты. И поддерживай связь с «Леной» и «Смольным». А также пошарь как следует по всем диапазонам – глядишь, кто еще из наших современников найдется…

14 (2) августа 1854 года. МДК «Мордовия».
К югу от полуострова Ханко
Командир корабля капитан 3-го ранга
Сергеев Николай Иванович

Про военный корабль принято говорить, что он идет. Но про мой корабль так не скажешь. Он не идет, а летит. В

ТТХ «Мордовии» указано, что ее максимальная скорость – шестьдесят узлов. Но на ходовых испытаниях малый десантный корабль проекта 12332 «Зубр» развил скорость семьдесят узлов. А сами конструкторы – создатели этого корабля, шепнули мне при приемке МДК, что это еще не предел.

Сегодня мы идем со сравнительно небольшой скоростью – чуть меньше пятидесяти узлов. Но это для нас такая «швыдкость» небольшая. Для большинства военных кораблей подобная скорость просто запредельна. «Мордовия» мчится по волнам, поднимая тучи водяной пыли.

Мы следуем из Балтийска в Финский залив. На борту МДК усиленная разведрота 879-го отдельного десантно-штурмового батальона и техника – четыре БТР-82А и четыре САО «Нона-СВК».

По приказу высокого начальства нам предстоит поиграть в войнушку – добравшись до Березовых островов (раньше их называли островами Бьеркского архипелага), мы вскроем конверт с легендой учений и узнаем, где и когда нам предстоит высадить десант. Судя по всему, морпехи займутся своим любимым делом – захватом сильно укрепленного командного поста условного противника.

Почему нас погнали в такую даль? Конечно, мне не известны планы нашего руководства, но по моему разумению похоже, что командование решило потренировать морскую пехоту в высадке на побережье, схожее с побережьем Финляндии и Швеции. Черные береты уже привыкли высажи-

ваться на пляжи Балтики, круша мишени и расстреливая списанные танки и бэтээры, чем до ужаса пугали бывших наших братьев-прибалтов. Теперь, похоже, подошла очередь попортить нервы финнам и шведам. А то они что-то слишком часто стали рассуждать о вхождении в НАТО и о той опасности, которая исходит от России, а также о «непомерных амбициях Путина». Надо чуток охолонить не в меру горячих скандинавов.

В общем, задача для нас несложная, хотя прибрежные воды Выборгского залива изобилуют камнями и мелями. Да и фарватеры там извилистые, и нашей «Мордовии» придется двигаться буквально на цыпочках. Я достал лоции и приготовился вести корабль со всей осторожностью, дабы не напороться на какой-нибудь малозаметный камень, торчащий из воды, и не порвать «юбку» МДК.

А пока же я стоял на открытом всем ветрам крыле рубки МДК и чувствовал, как «Мордовия» парит над серыми водами Балтики. Через стекло я видел лицо вахтенного, который с помощью пяти экранов и электротехнических приборов контролировал состояние ходовых и подъемных двигателей, генераторов и различных вспомогательных систем. Штурвал МДК напоминал штурвал тяжелого боевого самолета, и потому старшина 2-й статьи, управлявший кораблем, чувствовал себя пилотом, ведущим свой воздушный корабль (в прямом смысле этого слова) к цели.

На подходе к известному всем русским морякам полу-

острову Гангут, или, как его сейчас называют, Ханко, у нас неожиданно что-то странное стало твориться с радиосвязью. Мы, правда, по условиям учений шли к назначенному нам месту, сохраняя полное молчание в эфире, и работали только на прием.

Вместе со связью куда-то подевались и сигналы навигационных систем – ГЛОНАСС и GPS. Это все было очень и очень странно. На всякий случай я сбавил ход и приказал мичману Григорьеву, который командовал БЧ-4, разобраться, куда все подевалось, и доложить мне. На всякий случай я объявил по трансляции боевую тревогу. Весь экипаж – двадцать семь человек – разбежался по своим боевым постам.

Минут через десять мичман Григорьев доложил мне, что на связь вышел учебный корабль Балтфлота «Смольный», командир которого сообщил, что его корабль каким-то образом оказался в прошлом – угодив прямиком в 1854 год. И «Смольный» уже имел бое-столкновение с кораблями англо-французской эскадры адмирала Непира, действующей на Балтике.

Ведь, как я помню по учебнику истории, в это время уже вовсю шла Крымская война, флот союзников бомбардировал Свеаборг и захватил русскую крепость на Аландских островах. Если я не ошибаюсь, эта крепость называлась Бомарзунд. Так вот, английский паровой фрегат с перепугу атаковал «Смольный», но получил горячее алаверды и был потоплен артиллерией. А с десяток британских моряков попали в

плен.

Мне уже приходилось встречаться с капразом Степаненко, и я не замечал за ним каких-либо странностей в поведении. Скорее наоборот – он был на удивление спокойный и рассудительный командир. Так что версия о том, что у него неожиданно поехала крыша, показалась мне маловероятной. Да и свихнувшегося командира корабля вряд ли бы подпустили к радиостанции… Опять же – как объяснить странное исчезновение из эфира каких-либо следов работы радиостанций? «Смольный» – не в счет. Я не знал, что и думать.

Тем временем мичман Григорьев сообщил, что в эфир вышли еще несколько наших кораблей. Это были танкер «Лена», БДК «Королев» (привет Алексею Ивановичу Сомову – его командиру!) и пограничный катер «Выборг». И у всех одна и та же история – пропажа связи, исчезновение ГЛОНАСС и GPS.

Но повоевать с англо-французскими интервентами удалось только «Смольному». Кстати, помимо пленных британцев на нем сейчас находится и посланник русского императора Николая I ротмистр Шеншин. Интересно, не родственник ли он нашему знаменитому поэту Фету, который в миру носил фамилию Шеншин?

Как говаривала Алиса из «Страны чудес», становится все чудесатее и чудесатее… Надо было срочно решать – что делать дальше. По вполне понятным причинам учебная высадка в Выборгском заливе отменялась. То, что неподалеку на-

ходился танкер «Лена», меня обрадовало. Ведь всем хороша наша «Мордовия», но слишком она прожорливая – горючего хватит лишь на то, чтобы добраться до Питера.

Только как нам пройти мимо Кронштадта? Не исключено, что русские артиллеристы, дежурящие на фортах, прикрывавших крепость с моря, могут запросто всадить в МДК несколько ядер или бомб. И тогда ей крышка – судостроительные заводы того времени вряд ли смогут ее отремонтировать.

Мои сомнения рассеял мичман Григорьев, сообщивший, что на связь вышел капитан 1-го ранга Кольцов. Это была важная птица – по слухам, он должен в самое ближайшее время получить адмиральские погоны. А пока его с отрядом кораблей направили в дальний поход. Куда именно, я не знал. В штабе мне только шепнули, что оно будет долгим и интересным. Насчет долгого штабные явно ошиблись, а вот насчет интересного – попали прямо в десятку…

Так вот, каперанг Кольцов заявил, что как старший по должности он берет на себя командование всеми кораблями Балтфлота, оказавшимися заброшенными в прошлое. И он назначил точку рандеву, куда все эти корабли должны прибыть. Эта точка находится в пятидесяти милях к югу от Бомарзунда.

Я понял, что капитан 1-го ранга Кольцов очень хочет помочь нашим предкам навешать хороших люлей французам и британцам. А, собственно, почему бы и нет? Я лично в этом

поучаствовал бы с большим удовольствием. Надо сообщить обо всем случившимся морпехам…

14 (2) августа 1854 года.
Балтийское море. Борт МДК «Мордовия»
Командир разведроты 879-го отдельного
десантно-штурмового батальона
капитан Александр Хулиович Сан-Хуан

– Вот такие вот пирожки с котятами, друг мой Хулиович, – невесело усмехнулся капитан 3-го ранга Сергеев, а для своих – Коля. Коля родился в Одессе, в отрочестве жил сначала в Севастополе, а потом в Питере. Но каждое лето проводил у бабушки с дедушкой, и язык его в кругу своих изобиловал одесскими словечками. И выражение сие как нельзя лучше подходило к ситуации, в которой мы все оказались.

Мы с Колей знакомы давно – учения на «Мордовии», связанные с высадкой десанта, мы проводили не раз и не два. Покамест все они происходили в наших янтарных краях – в Калининградской области – с высадкой то на пляж, то прямо на дюны. Но командование решило – и правильно решило, как мне кажется – направить нас на Березовые острова. Что именно нам там предстояло делать, не знаю. Конверт с заданием мне предстояло вскрыть лишь перед началом операции. Но как мне кажется, нас готовили и к десантированию на балтийское побережье Скандинавии. Не то чтобы мы собирались это делать, все-таки Россия – не Америка, и агрес-

сиями не занимается. Но, как говорили в Древнем Риме, si vis pacem, para bellum – если хочешь мира, то готовься к войне.

А вот теперь, похоже, нашей целью будет более интересное место – остров Бомарзунд. И высадка будет первой нашей боевой операцией – пусть и против французов образца 1854 года. Наша задача – сделать это так, чтобы не пострадал никто из наших, и чтобы французы получили такой урок, после которого их холодный пот прошибал, s при одной только мысли о вой-не с Россией. Как сказал бы Коля, «вы хочете песен, их есть у меня».

Ведь Россия для меня – больше, чем мать. В 1938 году моя прабабушка, Мария Эсмеральда Лусьентес де Сан Хуан, навсегда покинула Испанию. На руках у нее был младенец – мой дед, Хуан Эмилио Сан Хуан Лусьентес. Прадед мой, Хулио Эмилио Сан Хуан Ирисарри, погиб смертью храбрых в битве при Гвадалахаре, так и не узнав, что его жена, свадьбу с которой он сыграл всего двумя неделями раньше, уже носит под сердцем его сына.

Жили они после этого в Москве, где прабабушка работала переводчицей при Народном комиссариате иностранных дел, а после – и в Министерстве иностранных дел СССР. Снова замуж она так и не вышла, посвятив всю свою жизнь моему деду.

Дедушка учился в МГУ, стал инженером-конструктором в одном из бюро Москвы. Об этом я узнал много позже, то-

гда меня уверяли, что он всего лишь партийный работник. Женился дед тоже на дочери беженцев из Испании, Ане Элеоноре де Леон и Понсе, по паспорту – Анне Хуановне Де-Леон. Первым из шести детей был мой отец, Хулио Хуанович Сан-Хуан.

Когда мой отец был в командировке на Кубе в начале восьмидесятых, он познакомился с моей мамой, Барбарой Свенсен Веласкес, и вскоре они поженились. Первого ребенка они назвали в честь и деда по отцу, и деда по матери – Хуаном. Меня же мама назвала Александром, в честь Александра Сергеевича Пушкина. Жили мы в Москве, а потом отца перевели в Питер, аккурат когда я должен был пойти в первый класс. И узнав, что мое отчество Хулиович, одноклассники начали надо мной издеваться.

Когда я пожаловался об этом матери, она поговорила с отцом, и он отвел меня в секцию борьбы самбо, после чего издевательства надо мной каким-то волшебным образом прекратились. Пришлось всего лишь немного помять двух самых наглых приставал.

Потом были успехи не только в школе, но и в спорте. Когда же я посмотрел фильм «Офицеры», то сразу решил, что у меня будет лишь одна профессия – Родину защищать. К слову сказать, никто из моих близких родственников не захотел «репатриироваться» в Испанию, когда появилась такая возможность – все, начиная от дедушки с бабушкой, были патриотами СССР, а потом и России. Конечно, мы все ездили в

гости к родне в Испанию, где было хорошо, тепло, и встречала нас родня весьма радушно. Но тем не менее для нас это была лишь родина предков, но не наша родина.

Так что вырос я русским патриотом, и в результате стал не инженером, как этого хотели мои родители, а морским пехотинцем. Конечно, ни одной «настоящей» операции у меня не было – мы ни с кем не воевали, а в Чечне уже царил мир, – но тренировались мы в последнее время много, и мне не терпелось поскорее попробовать себя в деле. Но я отдавал себе отчет в том, что это было весьма и весьма маловероятно – разве что наконец-то начнется освобождение Новороссии с моря. Крым-то я пропустил…

И вот сижу, никому не мешаю, починяю примус – тьфу ты, читаю «Сто лет одиночества» Маркеса – по-испански, чтобы не забывался язык предков, – тут вдруг заходит ко мне Коля и говорит:

– Саш, отложи беллетристику – серьезный разговор есть.

Мы уединились в капитанской каюте, и он меня прямо с ходу спросил:

– Саш, какой, по-твоему, сейчас год на дворе?

– Две тысячи пятнадцатый, а что? – с удивлением ответил я.

Николай как-то загадочно посмотрел на меня, а потом и говорит:

– А если я тебе скажу, что сейчас тысяча восемьсот пятьдесят четвертый год от Рождества Христова – что ты на это

скажешь?

Я посмотрел на него с недоумением – шутит он или нет, а потом осторожно спросил:

– Коль, а в чем тут, собственно, прикол?

Николай ничего не ответил на мой вопрос, а просто включил телевизор, стоявший у него в каюте. Но никакой картинки на экране не появилось – только черный квадрат, прямо как у Малевича (ладно, не квадрат, а прямоугольник). Он пощелкал «лентяйкой», переключая каналы, но ничего на экране не изменилось. Тогда он включил старенький коротковолновый радиоприемник, подарок его отца, но из динамика раздалось лишь одно шипение. Действительно, ни одной радиостанции…

– И на мобильнике ничего не ловилось, и ГЛОНАСС с GPS не ловятся, – пояснил Коля. – Зато удалось связаться с парой наших кораблей. Так вот, один из них успел уже поучаствовать в бою с английским колесным пароходом…

От таких слов у меня глаза полезли на лоб. Я увидел, что Николай не шутит. И я не нашел ничего лучше, как спросить:

– А это еще что за корыто такое?

– Для нас – музейный экспонат, здесь же – вершина инженерной мысли. Так вот, дата все та же – 14 августа, вот только, как я и сказал, пятьдесят четвертого года. Тысяча восемьсот пятьдесят четвертого.

И находится сейчас Российская империя в состоянии войны с Англией, Францией и Турцией. Англичане с францу-

зами штурмуют нашу крепость на острове Бомарзунд – это в Ботническом заливе. Вот такие вот пирожки с котятами, друг мой Хулиович.

Так, подумал я. Давай поразмышляем еще раз над всем услышанным. Радио нет, ГЛОНАССа нет, ничего нафиг нет. И Коля производит на меня вполне нормальное впечатление. Вроде и крыша на месте, и с «белочкой» задушевные беседы не ведет. Конечно, он мог бы позаботиться о том, чтобы ни радио, ни ТВ не ловились, а про ГЛОНАСС с GPS я знаю только лишь с его слов – но на него не похоже, не любит он таких приколов. Значит, действительно мы угодили в прошлое. Как и почему – это отдельный разговор. Ну, а чем мы тут будем заниматься – тоже понятно…

Я внимательно посмотрел на своего приятеля:

– Коля, скажу тебе сразу: если надо намять холку супостату, то это для нас завсегда пожалуйста. Надеюсь, что в ближайшем времени мы сможем показать себя в деле.

– Вот и ладушки, – обрадовался Николай. – А пока мы с тобой приглашены на совещание на борту БДК «Королев», одного из кораблей отряда. Так что готовься, минут через сорок отчаливаем.

14 августа 1854 года. Париж, дворец Тюильри
Шарль Луи Наполеон Бонапарт,
император Франции

В зеркале, висящем на стене кабинета императора, отра-

жался щеголеватый человек с усами и бородкой-эспаньолкой – такой, какие сейчас очень нравятся женщинам. Что-то от знаменитого дяди было у него в районе глаз. Но вообще схожести было, увы, маловато. Наполеон III (именно так он себя величал со времен узаконенного переворота, который привел его сначала во власть, а потом и в императоры) положил руку под пиджак, желая хоть этим быть похожим на величайшего человека в истории Франции.

Он еще какое-то время покрутился перед зеркалом и, довольный собой, уселся в кресло рядом с бутылкой коньяка, розлитого еще в годы правления дяди. Налив себе полфужера, Луи Наполеон стал смаковать благородный напиток, попутно размышляя о последних сводках с фронта.

А они были такими, что выпить было за что. После не слишком удачного начала войны его доблестные солдаты скоро возьмут Бомарзунд – крепость русских у берегов Швеции. По крайней мере, ему сообщили, что башня, с которой можно будет денно и нощно обстреливать цитадель, вот-вот будет взята, и что у русских там нет ни достаточного количества пушек, ни солдат. К тому же их артиллерия значительно уступает английской и французской в дальности стрельбы. Да, и союзники со своими фрегатами помогут, если что…

В отличие от англичан, у Луи Наполеона не было никаких сомнений в необходимости этой войны. И дело вовсе не в помощи этим обезьянам в фесках – если русские их и перебили бы, то он не слишком бы об этом горевал. Но вот за

унижение его великого дяди, которому, бросив остатки своей армии, пришлось бежать из этой проклятой Московии, как ее называют поляки, они должны ответить сполна. Как, конечно, и англичане за Ватерлоо – но всему свое время.

Именно с русских он решил начать из-за страшного унижения, нанесенного ему после того, как он стал Божьей милостью императором Франции. Англичане сразу прислали поздравления, даже битые его дядей пруссаки и австрийцы, поломавшись для приличия, прислали поздравления от своих монархов. А вот русские долго тянули, а потом прислали поздравление, которое начиналось словами «cher ami» – «дорогой друг», а не «дорогой брат», как было принято среди монархов. Этот лысый русский император нанес ему страшную обиду, а такое смывается только кровью. Правда, он тогда сумел выкрутиться, заявив, что братьев нам дает Бог, а друзей выбирают сами, и он предпочитает последнее. Именно потому Луи-Наполеону и нужны были собственные военные победы – иначе ему никогда не выйти из тени своего великого дяди.

В дипломатии он своего дядю уже переплюнул. Сначала он добился того, чтобы англичане согласились на союз с ним. А королю Сардинии Виктору Эммануэлю II он сделал предложение, от которого тому будет трудно отказаться – если он присоединится к коалиции, то Франция поможет макаронникам объединить Италию – естественно, с корольком сардинок в качестве короля всея Италии. И хотя окончательно-

го решения еще нет, но уже получены сигналы из Турина о том, что решение, вероятнее всего, будет положительным, особенно после первых французских побед. Конечно, обещанное можно потом и не давать, но пока они должны прислать пару десятков своих вояк. Пусть посмотрят, как французы воюют, и сделают из этого должные выводы.

Чуть сложнее было с австрийцами – те решили на первых порах оказать антирусской коалиции лишь дипломатическую поддержку. Луи слышал краем уха, что русский император у себя во дворце перевернул к стенке портрет австрийского императора Франца-Иосифа и назвал его «неблагодарным». Но тот был всего лишь рассудительным – что-что, а проблемы в Италии, да и в других местах, ему были не нужны, да и венгерская часть его министров и генералов Россию после подавления мятежа 1848 года возненавидела.

Пруссию он смог принудить к нейтралитету. Впрочем, у них сейчас свои проблемы – они пытаются объединить Германию, и им война на стороне России совершенно не нужна. То же и со шведами, и с датчанами – они хоть и не горят желанием ввязываться в войну с русскими, но формально уже помогают союзникам, разрешив их Балтийской эскадре базироваться в шведских и датских портах. Для начала этого достаточно. А там посмотрим, как дела пойдут.

И даже у далеких греков король – баварец, которому французский и английский послы подробно разъяснили желательную линию поведения. Тот все понял с полуслова и

объявил о своем полном нейтралитете, хоть прорусские настроения в Греции очень и очень сильны.

Полякам Луи обещал воссоздание Польского королевства – с условием его полного подчинения Франции. Австрийцы уже тайно пообещали пропустить через свою территорию польский экспедиционный корпус. После первых крупных русских поражений от Вислы до Буга появится еще один театр боевых действий. Единственная проблема – австрийцы согласились на пропуск поляков только при условии сохранения Галиции – включая Краков – в составе их территории, и поляки этим весьма недовольны.

Но как он недавно объяснил их князю Адаму Ежи Чарторыйскому, главное – воссоздать Польшу. Распространить ее на земли, находящиеся сейчас под властью Австрии и даже Пруссии, можно и потом.

Так что друзей у русских не осталось вообще, и потому их поражение – вопрос лишь времени. Что именно отберут у них после войны, еще предстоит решить. Но им не суждено далее оставаться морской державой – вот здесь и французы, и англичане пришли к полному взаимопониманию. Плюс на побежденных русских будет наложена немалая контрибуция, и они, конечно, потеряют ряд территорий – начиная с Крыма и, например, острова Котлина и кончая Польшей – может быть, даже до Днепра, как этого требуют Чарторыйский с его высокомерным и, судя по запаху, редко моющимся и редко бывающим трезвым «правительством».

Понятно, что после этого начнутся раздоры с англичанами по поводу того, кто что получит – но это все в будущем.

Главное, у него есть поддержка народа. Его реформы действительно облегчили жизнь многих французов. А газеты заняли вполне верноподданническую позицию, да и негласная цензура во Франции очень даже присутствует. Есть, конечно, такие личности, как Виктор Гюго, который вначале поддерживал его, Наполеона, а теперь бежал за границу и начал его нещадно критиковать. Ну, да ладно, пусть сидит на острове Джерси, труды его практически не попадают во Францию, а газеты и думать забыли о том, что когда-то существовал такой писатель. Впрочем, нужно будет потребовать от англичан его выдачи – пусть этим займется министр иностранных дел Эдуард Друэн де Люис, с которым Наполеон сейчас встретится.

Луи Наполеон выпил последний глоток коньяку, с тоской взглянул на бутылку, еще раз полюбовался в зеркале своим отражением, причесал усы и бородку, после чего вышел из кабинета.

Историческая справка – Наполеон III

«Железный канцлер» Бисмарк говорил о нем как о «не признанной, но крупной бездарности», но даже враги императора Наполеона III соглашались, что племянник великого корсиканца добился трона своего дяди исключительно за счет неуемной жажды власти и способности стойко перено-

сить все превратности судьбы. Ему приходилось скитаться в трущобах Лондона, сидеть в тюрьме, спасаться бегством от полиции с фальшивым паспортом в кармане.

Европейские монархи единодушно считали французского императора Наполеона III выскочкой и плебеем, позорившим своим происхождением и поведением всех венценосцев. Несмотря на то что он считался сыном голландского короля Луи Бонапарта и Гортензии Богарнэ (соответственно брата и падчерицы Наполеона Бонапарта), к великому корсиканцу его племянник, похоже, не имел никакого отношения. Дело в том, что Луи Бонапарт был постоянно в разъездах, и пылкая креолка Гортензия обзавелась сразу тремя любовниками. Ими стали голландский адмирал Веруэлл, аристократ Эли Деказ и шталмейстер двора Шарль де Билан. Так как королева сожительствовала одновременно с тремя любовниками, установить, кто из них является настоящим отцом будущего французского монарха, было невозможно.

От своей любвеобильной матери Луи-Наполеон унаследовал страстную тягу к плотским утехам и жажду власти. Всю жизнь он посвятил одной мысли – занять трон своего великого дяди и прославиться. Для достижения ее Луи-Наполеон не жалел ни сил, ни средств.

После отречения Наполеона Бонапарта от престола королева Гортензия была вынуждена покинуть Францию. Обосновавшись в Швейцарии, семья бывшего голландского монарха отнюдь не бедствовала, благо в годы своего правления

французский император старался не обижать родственников и давал им возможность скопить деньжат на черный день. Однако юный Луи-Наполеон не собирался спокойно проживать свой век на родительских харчах.

В возрасте двадцати двух лет он присоединился к итальянским революционерам-карбонариям и принял участие в заговоре против папы римского, желая лишить главу всех католиков светской власти над Римом. Заговор провалился, и будущий император был вынужден, спасаясь от папской полиции, бежать из Италии в чужой одежде с фальшивым паспортом.

Гортензия решила, что ее беспокойному отпрыску необходимо остепениться. Она пристроила его в военную школу в швейцарском городе Туне, где Луи-Наполеон, как и его великий дядя, стал изучать артиллерийское дело. Но карьера полководца не прельщала честолюбивого молодого человека. Он мечтал об императорской короне.

В 1836 году он вместе с несколькими французскими офицерами осуществил свою первую попытку государственного переворота, подняв мятеж в Страсбурге. В шесть часов утра 30 октября Луи-Наполеон вышел к солдатам в знаменитой треуголке своего дяди и в его сером походном сюртуке и призвал их «восстановить величие державы». И, соответственно, возвести его на престол. Но войска остались верными тогдашнему королю Франции Луи-Филиппу, а офицеры арестовали мятежников.

Луи-Наполеона под конвоем привезли в Париж и до суда посадили в одну из камер столичной мэрии. Но суд над организатором мятежа так и не состоялся. Французское правительство решило замять дело, и арестанта просто выслали из страны в США.

Честолюбивый молодой человек, потерпев поражение, на этом не успокоился и уже через год отплыл из Америки в Европу. Обосновавшись в Лондоне, он приступил к подготовке очередной попытки захвата власти. На этот раз Луи-Наполеон готовился к мятежу более тщательно. Во главе сотни вооруженных единомышленников он нанял грузовой корабль и 6 августа 1840 года тайком высадился в Булони. Помимо ставшей уже знаменитой треуголки и сюртука, претендент на престол продемонстрировал солдатам булонского гарнизона дрессированного орла, который кружил над ним, а в кульминационный момент его выступления, с клекотом усаживался на плечо Луи.

Но и в этот раз попытка мятежа закончилась провалом. Королевские войска не поддержали бонапартистов и открыли по ним огонь. Луи-Наполеон был вынужден спасаться бегством. Но далеко уйти ему не удалось. Мятежника задержали и под усиленной охраной отправили в столицу Франции, где поместили в знаменитую парижскую тюрьму «Консьержери».

На этот раз суд не был так снисходителен к Луи-Наполеону. Тридцатого сентября 1840 года палата пэров Француз-

ского королевства приговорила его к пожизненному заключению. Друзья арестанта были огорчены столь суровым приговором. Один из них писал: «Все, кто знал Луи-Наполеона, сходились в том, что решение палаты пэров равносильно смертному приговору, никогда, говорили они, никогда он не сможет жить без женщин!»

Заключение узник отбывал в крепости Гам, неподалеку от Амьена. Впрочем, жаловаться на тюремщиков ему не приходилось. В своей камере Луи-Наполеон устроил настоящую физическую лабораторию, ставил там опыты, много читал. Не забывал он и о прекрасной половине рода человеческого. Луи вступил в любовную связь с прачкой, которая приходила в крепость стирать белье арестантов, и ухитрился прижить с ней двух сыновей.

Но помимо науки и амурных дел, арестант не забывал и о политике. Он знал, что французский король Луи-Филипп не пользуется большой популярностью у своих подданных. Узник решил сделать еще одну попытку захватить власть в стране и стал готовиться к побегу.

К тому времени в крепости начались ремонтные работы. Этим обстоятельством он и решил воспользоваться. Слуга сумел тайком принести в камеру Луи-Наполеону блузу рабочего, брюки, шейный платок и парик. Двадцать пятого мая 1846 года, переодевшись в одежду обычного рабочего, арестант вышел во двор, подхватил на плечо доску и преспокойно вышел из крепости, беспрепятственно миновав караул у

ворот своего узилища. Через шесть лет заключения он снова оказался на свободе.

Уже на следующий день он был в Брюсселе, откуда вскоре отбыл в Лондон.

В английской столице беглецу поначалу пришлось несладко. Оставшись без средств к существованию, он познакомился с одной местной проституткой, которую сделал своей любовницей. Будущий император Франции стал жить на доходы от ее панельного ремесла. Луи-Наполеон был благодарен своей «кормилице», и с помощью английских приятелей позднее сделал ее одной из богатейших леди Британии.

В феврале 1848 года король Луи-Филипп отрекся от престола, и страна стала республикой. Луи-Наполеон выставил свою кандидатуру в президенты Франции, и в декабре того же года сумел победить на выборах, завоевав семьдесят пять процентов голосов избирателей. Племянник императора дал присягу на верность республике, но уже на следующий день стал готовиться к государственному перевороту, который сделал бы его наследственным монархом.

На следующий год второго декабря – в годовщину Аустерлица – президент Франции опубликовал декрет о роспуске Национального собрания и отменил Конституцию. Более тридцати тысяч французов, протестовавших против переворота, были арестованы, из них три тысячи заключены в тюрьмы и десять тысяч депортированы из Франции. Еще через три года была принята новая конституция, и бывший прези-

дент стал императором Наполеоном III.

Почти двадцать лет бывший арестант и мятежник правил Францией. За это время он втравил страну в несколько войн и колониальных авантюр, которые в конце концов и привели его империю к краху.

14 (2) августа 1854 года. Балтийское море.
Борт учебного корабля «Смольный»
Николай Максимович (Николас) Домбровский,
корреспондент «РТ»

Кто я? Не в смысле, что тварь я дрожащая или право имею. А в том, русский я или американец?

Если посмотреть, сколько в моей жизни было разных неожиданных поворотов, что просто диву даешься.

Родители мои были коренными москвичами. Но в самом начале перестройки отец получил приглашение на работу в Калифорнийский институт технологии, где ему предложили должность профессора. И родители отправились в заморский город Пасадина, что неподалеку от Лос-Анджелеса. Как потом подсчитала мама, они зачали меня еще в Москве, и таким образом я без документов, можно сказать нелегально, попал в Соединенные Штаты Америки. Но зато на свет божий я появился в этой самой Пасадине, что автоматически дало мне американское гражданство. Если что, то я могу даже стать когда-нибудь президентом США. Только право правом, а в Белый дом мне вряд ли удастся попасть. Если только

в качестве экскурсанта – как во времена моей юности, когда я побывал там с школьной группой.

К счастью для моих родителей, у университета для профессоров и членов их семей была весьма неплохая медицинская страховка. Иначе бы моим родителям пришлось платить очень даже нехилую сумму из своего кармана, ведь мать была беременной на момент приезда – но это уже совсем другая история.

Детство и юность мои были как бы в двух мирах – с друзьями и в школе я был вполне обыкновенным южнокалифорнийским мальчишкой. А вот дома мать, которая в нашей семье была неформальным лидером, заставляла меня учить русский язык, читать русскую литературу и книги по истории России. А по воскресеньям я ходил в воскресную школу при православном соборе в Лос-Анджелесе. Так что я считал себя одновременно и американцем, и русским.

А потом мы переехали на другое побережье, и я увлёкся спортом и стал более или менее типичным американцем. После школы учился в достаточно престижном университете в штате Нью-Джерси. А после него несколько лет проработал в одном инвестиционном фонде в Нью-Йорке. Конечно, все было роскошно: квартира в центре Манхеттена, машина, приезжавшая за мной утром и отвозившая обратно домой после работы… Вот только работать приходилось от зари до зари.

Еще в университете я пописывал в ежедневную универ-

ситетскую газету и даже стал со временем в ней редактором спортивного отдела. Конечно, при работе в инвестфонде, сил и времени на журналистику у меня не было вообще. Но все же каким-то чудом я сумел выкроить время для посещения курсов по журналистике в Нью-Скул – альтернативном, но весьма неплохом вузе недалеко от места моей работы.

И вот, наконец, я ушел из фонда и устроился журналистом в один из интернет-медиа. С квартирой в Манхеттене, понятно, пришлось распрощаться, а машину я себе заводить не стал – машина в Нью-Йорке не средство передвижения, а роскошь – и приобрел недорогую квартиру в Бруклине, благо за время работы в фонде я неплохо подзаработал. Тем более что вследствие кризиса цены на недвижимость в Нью-Йорке резко упали.

Четыре года назад я впервые побывал в месте моего зачатия – в России. И мне так там понравилось, что я позвонил знакомому стрингеру, работающему в том числе и на «Russia Today», и попросил его мне посодействовать.

Как ни странно, меня взяли в «РТ» даже не стрингером. Мне предложили работу в Москве, на их студии. И, наконец, три дня назад я отправился в первую свою самостоятельную командировку – мне было поручено сделать репортаж о посещении учебным кораблем военно-морского флота России «Смольный» портов некоторых скандинавских стран. Задание несложное, фактура богатая, а на все про все – одна минута эфира. Не самое интересное задание, но для нача-

ла вполне достаточно. Как говорят в России, лиха беда начало…

И вдруг все неожиданно переменилось. Моя съемочная группа теперь – одна из двух имеющихся в наличии на планете Земля. Хотя вторая, конечно, в данный момент на «Смольном» же. Это Юра Черников, с которым я успел сдружиться, и его ребята от телеканала «Звезда». А я вообще единственный тележурналист во всем мире, обученный по американским лекалам. Вот так-то! Хотя здесь тележурналистика малоинтересна из-за полного отсутствия телевизоров, и мне придется переключиться на работу в самых обыкновенных газетах.

А на вопрос, кто я, я ответил себе еще несколько лет назад. Я русский, хотя и родился в Америке. И в этом мире, принадлежащем далекому прошлому, с точки зрения того мира, в котором я родился и вырос, я сделаю все, чтобы помочь моей настоящей Родине. Той самой, на которую сейчас ополчились Англия, Франция и Турция.

14 (2) августа 1854 года. Балтийское море.
Каюта учебного корабля «Смольный»
Николай Максимович (Николас) Домбровский,
корреспондент «РТ»

В выделенном мне для беседы помещении имелись столик, четыре стула, пара картинок с парусными кораблями на стенах. В иллюминатор были видны свинцово-серые воды

Балтики.

Не успели мои ребята установить аппаратуру и подсветку, как открылась дверь, и двое вооруженных курсантов ввели в помещение молодого моряка в синем мундире. Я с любопытством смотрел на человека из XIX века. Мне вдруг подумалось, что любой журналист из XXI века, не задумываясь, отдал бы полжизни и левую почку в придачу за возможность оказаться на моем месте. Ожившая фантастика! Невероятно! Но факт имеет место быть – передо мной стоял подданный королевы Виктории, современник Толстого, Некрасова и Диккенса.

– Здравствуйте, – сказал я ему по-английски. – Меня зовут Николас Домбровский. А с кем я имею честь беседовать?

– Лейтенант Джосайя Джонсон, флот ее величества, – четко отрапортовал он мне, словно я был его непосредственным начальником.

– Присаживайтесь, лейтенант, – и я указал ему стул, стоявший напротив меня. – Расскажите немного о себе.

– Вы американец? У вас акцент жителя Нового Света, – удивленно спросил британец.

– Да, я американец, но одновременно и русский, – с улыбкой ответил ему я. – Впрочем, так ли это важно?

– А где родились? – продолжал донимать меня вопросами неугомонный лейтенант. Похоже, роли переменились, и он берет у меня интервью, а не я у него. Но я не стал возражать – надо установить полный контакт с интервьюируемым. Лишь

в этом случае можно выудить из него то, что потом станет «гвоздем» всего моего материала.

– Я родился в Калифорнии, – похоже, что мой ответ весьма удивил мистера Джонсона.

– Но позвольте! – воскликнул он. – Ведь она же совсем недавно была мексиканской территорией!

– Ну, в общем, как-то так получилось… – я развел руками, показывая лейтенанту, что, дескать, это произошло не по моему желанию, а токмо по воле моих родителей.

Потом я посмотрел на англичанина и перешел непосредственно к тому, зачем его привели ко мне:

– Лейтенант, как вам уже, наверное, сказали, я журналист, и у меня к вам есть несколько вопросов. Надеюсь, вы не откажетесь на них ответить.

– Я к вашим услугам, мистер… – лейтенант замялся.

– Домбровский, – сказал я.

– Это, кажется, польская фамилия? – поинтересовался британец.

– Да, мои предки по отцовской линии были польскими шляхтичами, – ответил я. – Но за Россию они сражались еще во времена нашествия Наполеона Бонапарта. Самое пикантное заключалось в том, что им пришлось повоевать с войсками, которыми командовал их дальний родственник – дивизионный генерал французской императорской армии Ян Генрик Домбровский. Правда, после разгрома Бонапарта он перешел на российскую службу и стал генералом русской ар-

мии.

– Очень интересно, – задумчиво сказал лейтенант. – Дело в том, что среди тех, кто высадился на – берег у крепости Бомарзунд в составе французского отряда однорукого генерала Луи Ашиль Барагэ д'Илье, были и поляки. Один из них – артиллерийский капитан, с которым я успел познакомиться – носит фамилию Домбровский. Может, это тоже ваш родственник?

– Возможно, – ответил я. – Но мне хотелось бы услышать от вас о том, как проходил ваш поход.

– Мы вышли из Спитхэда в составе эскадры вице-адмирала Чарльза Непира, когда война России еще не была объявлена. Сама королева Виктория провожала наши корабли на своей яхте. Почти все наши корабли имели паровые двигатели. Правда, позже к нам присоединились и парусные корабли.

Потом наша эскадра миновала Киль и встала на якорь в бухте Кьоге, к югу от Копенгагена. Здесь мы получили известие о том, что война России наконец объявлена. По этому поводу сэр Чарльз Непир обратился ко всем экипажам британских кораблей с воззванием. В нем говорилось:

«Парни! Мы объявили войну врагу грубому и храброму. Если он встретится нам в море, вы знаете, как поступать. Если он укроется в порту – мы должны достать его и там. Успех зависит от того, как быстро и точно вы стреляете. И еще, парни, – наточите ваши сабли, и победа будет за нами!»

Ну, что вам еще рассказать? Ходили мы во Францию, взяли группу квартирмейстеров, которые должны присмотреть места вокруг Бомарзунда, где должен был располагаться лагерь французов и их батареи. Тогда-то я и познакомился с этим вашим родственничком. Скажу прямо – не самый приятный человек. Чванливый, все время хвастался, что он, мол, голубых кровей, ну, а вы, мол, кто! А я шотландец, из потомственных моряков. Мой дед служил у Нельсона, потерял ногу при Трафальгаре и купил домик в Портсмуте. Оба моих брата, между прочим, тоже морские офицеры.

– Очень интересно, – мне действительно все сказанное лейтенантом было интересно. – И на каких кораблях они служат?

– Мой старший брат, – ответил мне лейтенант, – Джедедайя, сейчас где-то в Карибском море, а может, и на Бермуде. Младший – Джеремайя – в составе нашей эскадры – на «Гекле», у Бомарзунда.

– А сколько вас всего у Бомарзунда? – поинтересовался я.

– Двадцать пять кораблей, – сказал лейтенант, а потом досадливо махнул рукой: – Теперь двадцать четыре – «Валороса» ведь больше нет. А французов я не считал, но они в основном находятся на самом острове. Тысячи три, я так думаю. Но может быть и больше. Сколько орудий – не скажу, потому что не знаю.

– И что же у вас происходило там, у Бомарзунда? – спросил я.

– Подошли мы к Бомарзунду одиннадцатого числа, – начал свой рассказ лейтенант. – Мы, кстати, в июле тут уже побывали – обстреливали русских. Но после того, как русские бомбардиры чуть не потопили «Геклу», нам пришел приказ ретироваться.

Так вот, одиннадцатого мы подошли к острову и начали бомбардировку форта. Потом высадили французов. А вчера – незадолго до нашего ухода – они захватили башню на высоте недалеко от моря. Если вы меня спросите, что будет дальше, то я вам скажу: вряд ли русские смогут долго сопротивляться. У французов теперь артиллерия везде, в том числе и в той захваченной башне. А у русских оставшиеся бастионы – далековато от моря. Да и орудий у них маловато. К тому же они просто не достреливают до наших кораблей.

– А теперь позвольте задать вам несколько другой вопрос, – сказал я. – Зачем вам вообще эта война с Россией?

– То есть как это зачем? – изумился британец. – Эти азиаты – русские – считают себя европейцами. Их кровожадный царь Николай хочет завоевать весь мир. А еще они воюют с нашими союзниками – турками. В общем, ее величеству королеве Виктории виднее.

– Азиаты? – на этот раз пришла очередь удивиться мне. – Очень интересно! А вы знаете, что Азия начинается только на Урале? Ваши же союзники турки – вот они и есть азиаты по определению. К тому же они еще и магометане, которые безжалостно режут христиан и вешают священников прямо

в христианских храмах.

– А где это – Урал? – поинтересовался лейтенант. Мои слова о расправах над христианами, похоже, его не очень-то заинтересовали. Что не удивительно: британцы безжалостно истребляли в не столь давние времена христиан у себя под боком – в Ирландии.

– Урал, – ответил я, – это горы такие. Находятся они далеко-далеко на востоке. Дальше, чем отсюда до Лондона. Намного дальше.

– Не знаю. Ее величеству виднее. – Похоже, что лейтенанту уже наскучил наш разговор. – Если она начала эту войну, значит, у нее были на это веские причины.

– Спасибо, лейтенант, за беседу, – я решил закончить наш разговор. – Надеюсь, что вы в самое ближайшее время вернетесь на родину.

– Вы полагаете, что меня обменяют на пленных русских? – поинтересовался британец.

– Думаю, – ответил я, – что после поражения Британии вас будет незачем держать в плену. А в том, что флот адмирала Непира на Балтике скоро будет разбит, я ничуть не сомневаюсь.

14 (2) августа 1854 года.
Борт десантного катера «Денис Давыдов».
Командир катера старший мичман
Максимов Глеб Викторович

Еще на берегу я чувствовал, что этот выход в море не обойдется без приключений. Уж больно все было наспех проделано, как говорит один мой знакомый, в темпе «держи вора».

В общем, выдернули меня вчера в штаб бригады, и на тебе – приказ срочно приготовиться к выходу и заправиться. Сначала надо было зайти в Парусное. Там у нас базируются 561-й ОМРП СпН, ну, а говоря проще – боевые пловцы. Потом загрузиться их причиндалами, взять на борт группу и на полном ходу с утра отправиться на рандеву с БДК «Королев». Он вышел из Кронштадта и направляется куда-то в Атлантику. Куда и зачем – это не моего ума дело. Моя задача – встретиться с БДК, перегрузить на него «парусников» – так у нас называли ребят из 561-го ОМРП – и шлепать назад, к себе, в бригаду. Понятно, что подводных диверсантов так просто с места не срывают и за бугор так спешно не посылают. Видимо, их ждет работа, о которой в прессе обычно не пишут. Ну, а мне совать нос не в свое дело тем более ни к чему.

Поначалу все шло хорошо. Группу взяли, погрузили на борт все их прибамбасы (какие-то ящики, коробки, даже три «сирены» – подводные буксировщики для боевых пловцов). Похоже, что ребят ожидает веселая командировка.

Я руководил погрузкой, распихивал груз по углам, крепил его, чтобы во время движения ящики не летали по всей палубе. Она ведь у меня вместительная – если что, то я могу

взять на борт аж три танка или пять бэтээров. Можно сказать, что в этот раз мы пойдем налегке.

Потом мы вышли в море. Видимость была хорошая, волнения практически не было, и мой «Денис Давыдов» летел, как чайка над водой. Мотористы занимались движками, я следил за приборами, время от времени выходил на палубу и беседовал там со старшим группы капитан-лейтенантом Павлом Мишиным. Он, правда, больше травил анекдоты, а о том, куда их направляют и чем они будут заниматься, не сказал ни слова. На мои расспросы отвечал кратко и односложно: «Начальству виднее…»

Мы связались с «Королевым» и уточнили место рандеву. А потом все и началось.

Сперва у меня сдохли и ГЛОНАСС, и GPS. Оба сразу. Что ж, печально, но ходить по компасу я еще не разучился. Гораздо хуже было то, что куда-то пропала связь со штабом бригады. Вот только что она была – и словно провалилась сквозь землю. Да и вообще в эфире творилось черт те что. Словно кто-то метлой вымел все радиостанции на всех диапазонах. Ни наших, ни зарубежных. В то же время наша радиостанция исправно работала.

В этом я убедился, попытавшись снова связаться с «Королевым». БДК вышел на связь и сообщил мне сногсшибательную новость. Оказывается, мы провалились в прошлое. На «Королеве», видите ли, случилась такая же история со связью и ГЛОНАССом. А с учебного корабля «Смольный» со-

общили вообще невесть что – на «смолян» напал британский паровой фрегат, огреб от них по полной и, получив несколько снарядов, пошел ко дну.

Если верить взятым в том бою пленным, на дворе сейчас 1854 год. Уже вовсю идет Крымская война. Англичан и французов в Крыму еще нет, но на Балтике они уже резвятся: бомбардируют Свеаборг, захватывают рыбацкие лайбы и торговые суда и осадили Бомарзунд – нашу крепость на Аландских островах. Скоро полезут на Петропавловск-Камчатский, где огребут люлей и с позором уползут зализывать раны.

Перед выходом в поход я взял в библиотеке бригады книгу историка Тарле «Крымская война», и потому кое-что о том, что происходило тогда (сейчас?) знаю. Надо будет ее еще раз как следует перечитать.

Я рассказал обо всем каплею Мишину. Тот поначалу косился на меня, как на человека, у которого конкретно снесло крышу. Но когда я пригласил его в рубку и разрешил лично связаться с «Королевым», он, узнав о том, что я ничего не выдумал, покумекал чуток, а потом сказал:

– Вот что, Глеб. Давай сделаем так. Тебе дали приказ доставить меня и моих ребят на «Королев»? Приказ ведь не отменен? Значит, вперед, к нашим. Там мы и потолкуем обо всем. Думаю, что сообща чего-нибудь придумаем. Ну, а насчет Венесуэлы, куда мы должны были идти на «Королеве», я полагаю, следует забыть. Работы нам и на Балтике будет

полно.

Вот бы закатить подрывной заряд под днище британского флагмана… Как, ты говоришь, адмирал Непир тут безобразничает? Значит, этому Непиру надо кирдык устроить. А потом на Черное море сгонять.

Я ведь, дружище, из Севастополя родом. Там про Крымскую войну каждая собака знает. Сочтемся за адмиралов Корнилова, Нахимова и Истомина. И хрена лысого этим британцам и французам, а не Малахов курган. Давай, Глеб, свяжись с «Королевым», уточни координаты и гони ему навстречу!

И я погнал…

14 (2) августа 1854 года.
Борт десантного катера «Денис Давыдов»
Командир группы водолазов-разведчиков
561-й ОМРП СпН капитан-лейтенант
Мишин Павел Ильич

Нас обычно называют боевыми пловцами, но это не совсем правильно. Правильнее будет такое название – водолазы-разведчики. И хотя нас считают людьми флотскими, но подчиняемся мы ГРУ Генерального штаба. Вот список задач, которые мы можем и должны выполнять: обеспечить морские десантные операции; провести минирование кораблей противника, его военно-морских баз и пунктов базирования, а также гидротехнических сооружений; вести поиск и уни-

чтожение мобильных оперативно-тактических средств ядерного нападения, поиск и уничтожение объектов оперативного управления, других важных целей в прибрежной зоне; выявлять сосредоточения войск противника, других важных целей в прибрежной зоне, наводить и корректировать удары авиации и корабельной артиллерии на выявленные цели.

В общем, мы мастера на все руки. И, видимо, поэтому наше начальство решило направить группу «парусников» в далекую заморскую страну Венесуэлу. Причем о том, что мы отправляемся именно туда, сообщили только мне одному. А о том, чем мы там будем конкретно заниматься, я должен буду узнать из пакета, который мне вручат на «Королеве». Последующие указания я буду получать от своего куратора из ГРУ, который находится сейчас на БДК.

Доставить на «Королев» нашу группу, состоящую из шестнадцати человек, должен был десантный катер проекта «Дюгонь», носящий имя знаменитого гусара и партизана Дениса Давыдова. Хотя этот «карабь» с виду и казался неказистым, но бегал он быстро, да и вместимость у него была солидная. Наши три «сирены» и десятка два ящиков со всякого рода нужным для нашей деликатной работы оборудованием туда поместились запросто. Даже для моих орлов еще место осталось.

Катером командовал молодой парень, старший мичман по имени Глеб. Я видел, что он просто изнывает от любопытства и вертится вокруг меня ужом, чтобы выведать – куда

лежит путь нашей группы. Но лишние знания не всегда идут на пользу. И я постарался аккуратно, чтобы не обидеть симпатичного командира ДК, разъяснить ему о том, что от многих знаний многие печали. Он, похоже, на это не обиделся. Ничего, пусть растет, делает карьеру – хотя он и старший мичман, но у него уже свой корабль. Да и экипаж имеется в наличии – правда, состоящий всего из пяти человек.

И вот смотрю я, выскакивает из рубки этот самый Глеб, а глаза у него – по девять копеек. И начинает мне рассказывать такое, что у меня у самого глаза стали как советский рубль, а челюсть отвисла до самой палубы.

В общем, по словам старшего мичмана получается, что мы сейчас находимся не в 2015 году от Рождества Христова, а в 1854 году. То есть мы, как какие-то лохи из книжных альтернативок по военной истории, оказались в далеком прошлом.

Честно скажу, поначалу я Глебу просто не поверил. На психа он не был похож, на человека, который таким способом прикалывается надо мной – тоже. К тому же над нами даже самые крутые приколисты остерегались шутить – ребята у нас сурьезные и могли не оценить юмора и уронить пару раз такого вот шутника.

В общем, отправился я вместе с командиром «Дениса Давыдова» в рубку и там сам связался с «Королевым». Мне вполне доступно объяснили, что факт перемещения во времени самый натуральный и сейчас на дворе 14 августа 1854 года. На Балтике идут военные действия, и учебный корабль

«Смольный» уже в них отличился – утопил не в меру наглый британский пароходофрегат.

Ну и ну! Это выходит, что мы сейчас оказались в одном времени с адмиралами Нахимовым и Корниловым, генералами Тотлебеном и Хрулевым. Еще не было высадки французов и британцев в Крыму, не было сражения при Альме, Балаклаве и Инкермане…

Я родился в Севастополе еще при советской власти и пацаном облазил весь Малахов курган. Был много раз в «Панораме обороны Севастополя», любовался памятником затопленным кораблям, раз в месяц обязательно посещал музей Черноморского флота. Сколько раз я мечтал оказаться в том времени и стать одним из защитников Севастополя! И вот моя мечта сбылась.

Правда, пока мы на Балтике. Но и здесь уже идет война. Нам надо двигаться к «Королеву», а то, встреться мы с британским или французским фрегатом, нам вряд ли удастся сделать с ним то, что сделал с его собратом «Смольный» На «Денисе Давыдове» всего-то две пулеметные установки с КПВТ. Против большого корабля они вряд ли что сделают. Есть еще восемь ПЗРК «Игла», только толку от них никакого – целей для них еще нет.

Ну, как только мы доберемся до «Королева» и обу-строимся, вот тогда можно будет сбацать кораблям английского адмирала Непира полную козью морду. Я даже зажмурился от удовольствия, представив, как собственноручно зака-

тываю под киль линейного корабля с этим самым Непиром на борту подрывной заряд. Бадабум будет такой, что его и в Кронштадте услышат!

Я прикинул, сколько разных гадостей можно устроить англичанам и французам с помощью моих ребят, и у меня просто ладони зачесались от удовольствия. Не, мистеры и мусью, здесь, в этом варианте истории, вам будет конкретный облом – не на тех нарвались!

Часть 2. Серебряный рубль

14 (2) августа 1854 года. Борт БДК «Королев».
К юго-западу от острова Руссаре
Командир отряда кораблей Балтийского флота
капитан 1-го ранга Кольцов Дмитрий Николаевич

Есть такая народная примета: если с самого начала что-то не заладится, то потом уж точно все пойдет наперекосяк. Это я понял, еще когда готовился выйти из своей холостяцкой квартире и, надевая китель, вдруг заметил, что зеркало в прихожей треснуло. Потом, уже внизу, на улице, обшарив карманы брюк, обнаружил, что забыл дома свой талисман, который был со мной во всех походах еще с курсантских времен.

Этим талисманом был серебряный рубль с профилем императора Николая I. Как мне рассказывала бабушка по линии матери, сию монету вручили еще моему пра-пра-пра… В общем, далекому предку. Служил он во время Крымской войны в 10-м Финляндском линейном батальоне. Этот батальон защищал на Аландских островах крепость Бомарзунд. Когда первый набег на крепость англичан был отбит, то император Николай I наградил всех нижних чинов, вручив каждому по серебряному рублю. Вот так монета с профилем государя-императора и оказалась у моего предка. Потом она переходила от старших младшим в нашем роду, пока не ока-

залась у моей бабушки. А та подарила его мне «на зубок», когда я появился на свет.

Я помню, как положил этот рубль «на счастье» в карман брюк, когда мне было всего шестнадцать. В тот день я отправился подавать документы в приемную комиссию тогдашнего высшего военно-морского училища имени Фрунзе. Все экзамены я сдал на «отлично», в училище поступил, о чем не жалею до сих пор.

И вот теперь я уходил в дальний поход без этого талисмана!

Извинившись перед приехавшим за мной водителем служебной автомашины, быстро поднялся наверх, открыл дверь квартиры, подошел к комоду и положил в карман заветный рубль, ласково погладив профиль самодержца. Взглянув в треснувшее зеркало, я снова закрыл дверь… и вдруг подумал – суждено ли мне вернуться снова сюда, в свою квартиру, куда давно уже не ступала женская ножка?

Так уж получилось, что за сорок с лишним лет я так и не обзавелся семьей. Да и какая может быть семья у человека, которого судьба и начальство гоняют по всем флотам, и который месяцами находится в море, не зная, когда вернется домой. Если вернется вообще…

Вот с таким настроением я и отправился в поход к берегам далекой Венесуэлы. Надо сказать, что в этот раз мне не придется стоять на капитанском мостике в качестве «первого после Бога». Меня назначили командиром отряда, состо-

ящего из трех кораблей. При этом вышесидящее начальство намекнуло, что по возвращении из похода мне, возможно, придется сменить погоны, и вместо трех больших звездочек у меня будет одна, но с якорьком в центре.

Задача моя в данном походе простая – довести в целости и сохранности отряд до Пуэрто-Кабельо – главной военно-морской базы Венесуэлы – или, как сейчас называют эту латиноамериканскую страну, Боливарианской Республики Венесуэла.

Еще при покойном президенте Уго Чавесе Венесуэла закупила в России немало военной техники. Вся она была своевременно поставлена и вызвала восторг у венесуэльского генералитета.

Поставки продолжились и при сменившем Чавеса президенте Мадуро. Правда, теперь венесуэльские военные стали более разборчивыми (да и средств у них стало поменьше – мировая цена на нефть упала) и выбирали из предложенного им самое «вкусное».

В Москву была прислана из Каракаса военно-техническая делегация, которая отобрала кое-что из последних новинок российского ВПК. Эти образцы на БДК «Королев» и отправили в Венесуэлу, чтобы испытать ее в местных условиях, после чего принять окончательное решение – закупать или не закупать.

Почему все это было отправлено на БДК, а не на обычном транспортном корабле? Дело в том, что наверху учли те-

кущую политическую ситуацию, когда с гражданским транспортом могут произойти непредвиденные случайности, в результате которых груз может и не попасть к месту назначения. Ну, а напасть на военный корабль России – это маловероятно, потому что чревато большими неприятностями. Да и трюмы у БДК проекта 775 просторные. В них много чего можно запихнуть. В том числе патрульный катер проекта 03160 «Раптор» и вертолет «Ансат 2-РЦ» производства Казанского вертолетного завода. Как я слышал, на эти изделия за рубежом большой спрос.

Для охраны БДК и его груза на «Королеве» следует усиленный взвод морских пехотинцев. В кубриках для десанта разместились также технические специалисты, сопровождающие свои изделия. Члены венесуэльской военно-технической делегации, следующие на родину, решили отправиться туда по воздуху чартерным рейсом.

Кроме «Королева» в Пуэрто-Кабельо шли еще два корабля: танкер «Кола» и сторожевой корабль – или, как теперь стало модным их называть, корвет проекта 20380 «Бойкий». Танкер должен был снабжать корабли топливом, а «Бойкий» – охранять БДК и танкер в походе. Впрочем, «Бойкий» был одновременно и выставочным образцом, потому что венесуэльские адмиралы, когда изучили его ТТХ, были сами не свои. Узнав, что такие корабли у нас строятся в том числе и на продажу за рубеж, они тоже захотели заказать хотя бы парочку таких красавцев.

Вышли мы из Кронштадта вполне благополучно, а вот дальше началось такое…

Для начала выяснилось, что кто-то слил информацию о нашем походе за бугор. Пресса прибалтийских «великих держав» завопила, словно уличная шалава, которую кинул клиент. Им-то что до Венесуэлы, которая расположена за десятки тысяч миль от Прибалтики?

А какие смачные заголовки были в СМИ: «Русские конкистадоры рвутся в Латинскую Америку!», «Кто остановит экспансию Путина?!». Похоже, что эту самую «экспансию» решили остановить «ма-а-а-ленькие, н-о-о-о го-о-о-рдые». Все флота прибалтов – вплоть до надувных спасательных кругов с пляжей Юрмалы и Паланги – были приведены в состояние полной боевой готовности. Они устроили игрища неподалеку от своих портов, дабы показать «всему цивилизованному миру», что «очень даже чего могут».

Не обошлось и без появления разведывательных самолетов Финляндии и Швеции над нашим отрядом. Наши соседи заинтересовались – не по их ли душу мы появились на Балтике. В общем, пришлось отдать приказ усилить бдительность и смотреть в оба.

А тут еще две телеграммы из штаба флота. Согласно первой, нам надо было встретиться с учебным судном «Смольный», следующим из Стокгольма в Хельсинки. С него нам передадут две группы тележурналистов, которые будут нас сопровождать и освещать наш поход и последующую встречу

российских кораблей в Венесуэле. Сверху сказали, это нужно для большой политики. Против подобного довода не попрешь.

Вторая телеграмма пришла не из штаба форта, а из другого ведомства. Без помпы и фанфар к нам из Балтийска вышел десантный катер «Денис Давыдов» с группой «узких специалистов широкого профиля» из ГРУ. Их тоже надо будет доставить в Венесуэлу. Правда, что именно они там будут делать, мне не сообщили. Ну и ладно – чем меньше знаешь, тем крепче спишь.

Потом случилось *это*… Ко мне в каюту (прилег немного отдохнуть) постучался донельзя взволнованный капитан 2-го ранга Сомов, командир БДК «Королев».

– Дмитрий Николаевич, связь напрочь пропала, да и ГЛОНАСС с GPS не пашут.

– А как на «Бойком» и «Коле»? – поинтересовался я, встав с койки и застегивая рубашку. – У них что, то же самое?

– И у них, и на «Смольном», – доложил Сомов. – И на танкере «Лена», который находится неподалеку. Она собралась идти в Средиземку с грузом топлива для нашей эскадры.

– Вот дела! – я озадаченно почесал голову, но не мог придумать никакого более или менее толкового объяснения произошедшему. – А с Москвой вы не пытались связаться по спутниковой связи?

– Пытались, – ответил Сомов, – результат тот же. Словно все радиостанции провалились в тартарары.

Мы бы еще долго с ним гадали на кофейной гуще, пытаясь решить, что произошло и что нам делать дальше, если бы не помощник Алексея Ивановича, капитан 3-го ранга Николаев. Он без стука влетел в мою каюту. Кап-три был бледен, а глаза у него бегали. Словом, он вел себя так, будто секунду назад увидел самого Дэви Джонса или Кракена, вынырнувшего из морской пучины.

– То-товарищ капитан 1-го ранга, – наконец заикаясь произнес он, – тут та-такое творится! В общем, мы по-попали в прошлое!

Не сговариваясь, мы с Сомовым переглянулись, и, наверное, каждый из нас подумал об одном и том же: приплыли, бедняга спятил.

Заметив нашу реакцию, Николаев обиделся и даже перестал заикаться.

– Товарищ капитан 1-го ранга, докладываю вам, что со «Смольного» получена радиограмма. В ней говорится, что в отношении российского военного корабля совершен акт агрессии: пароходофрегат британского флота «Валорос» обстрелял учебное судно. Капитан 1-го ранга Степаненко приказал открыть ответный огонь. После нескольких попаданий «Валорос» взорвался и затонул. Взяты пленные, которые сообщили о том, что сейчас 14 августа 1854 года, а сам пароходофрегат входил в состав британской эскадры, направленной королевой Викторией на Балтику. Сейчас корабли этой эскадры высадили десант и готовятся к захвату русской кре-

пости Бомарзунд на Аландских островах.

– А эти пленные – они ничего не придумали? – с робкой надеждой, что все же это какая-то дурная шутка, поинтересовался я. – Мало ли что бывает…

Впрочем, происходящее говорило скорее об обратном, и я начинал, наконец, понимать, что мы действительно непонятно каким образом оказались в прошлом.

– Товарищ капитан 1-го ранга, Дмитрий Николаевич, – снова заговорил замолчавший было Николаев, – каперанг Степаненко сообщил еще вот что.

В море, недалеко от места потопления британского пароходофрегата, была обнаружена рыбацкая лайба, в которой находились два человека. Один из них назвался ротмистром Шеншиным – личным посланцем императора Николая I. Он следовал из Бомарзунда в Санкт-Петербург для того, чтобы доложить императору о положении дел в крепости.

– Этого нам только не хватало, – упавшим голосом произнес я. – Впрочем… Геннадий Данилович, – обратился я к кавторангу Николаеву, – передайте на «Смольный» – ротмистра Шеншина срочно доставить сюда. А радисты пусть тщательно прочешут эфир – может быть еще кто-то вместе с нами оказался в XIX веке?

14 августа 1854 года, вечер.
К юго-западу от острова Руссаре.
Кают-компания БДК «Королев»

Командир отряда кораблей Балтийского флота капитан 1-го ранга Кольцов Дмитрий Николаевич

За большим столом в ярко освещенной кают-компании передо мной сидели командиры кораблей, неожиданно оказавшихся в прошлом, старшие групп морской пехоты и офицеры ФСБ и ГРУ. Я внимательно смотрел на них. Удивление, даже волнение – но никаких следов растерянности или паники. Молодцы, ребята.

На правах старшего по должности я открыл совещание:

– Товарищи офицеры! Давайте подведем итоги и посмотрим, что же у нас такое случилось. В сухом остатке на сегодняшний день мы можем констатировать следующее.

По непонятной причине, о которой мы можем только догадываться, нас занесло ровно на сто шестьдесят один год назад. Хочу отметить, что, насколько мне известно, кроме нас, никого из XXI века здесь больше нет. Военные и торговые корабли других государств не переместились во времени, хотя они и находились неподалеку. Почему так – остается только гадать.

Во всяком случае, точно установлено, что отряд кораблей Балтийского флота Российской Федерации, оказавшийся в прошлом, состоит из сторожевого корабля «Бойкий», БДК «Королев», учебного корабля «Смольный», МДК «Мордовия», ДК «Денис Давыдов», танкеров «Кола» и «Лена», а также корабля погранохраны ФСБ «Выборг».

Мы попали на Балтику, где уже идут боевые действия. Эс-

кадра англо-французских интервентов обстреливает города и крепости Российской империи на побережье Балтийского моря, а на Аландских островах высадился вражеский десант, который готовится к захвату русской крепости Бомарзунд. На Черном море, после разгрома турецкого флота в Синопской бухте, пока временное затишье. В Крыму интервентов еще нет. Пока нет…

Что же делать нам в этой ситуации? Для принятия решения я бы хотел выслушать всех здесь присутствующих. Хочу только напомнить, что мы присягали России, и сейчас она, хотя и носящая название Российской империи, а не Российской Федерации, ведет неравную борьбу с англичанами, французами и турками. Причем совсем недалеко от нас.

– Вон, Олег Дмитриевич, – я кивнул командиру «Смольного» капитану 1-го ранга Степаненко, – так тот уже открыл свой персональный счет – утопил британский пароходофрегат. Правда, лаймиз сами искали приключений на свою задницу. И нашли их. Олег Дмитриевич, ваши артиллеристы, наверное, уже нарисовали одну звездочку на артиллерийской башне?

Каперанг Степаненко кивнул, а я продолжил:

– Согласно принятой в русской армии и флоте традиции, я предлагаю высказаться всем. Давайте, Глеб Викторович, – я сделал приглашающий жест в сторону командира десантного катера «Денис Давыдов», старшего мичмана Максимова. – Первыми выскажутся самые младшие по званию.

– Товарищи офицеры, – сказал командир ДК, – я полагаю, что тут особо и говорить не о чем. Неужели мы бросим своих в беде? Надо выручать Бомарзунд, а потом гнать с Балтики все это НАТО… Товарищ капитан 1-го ранга, – обратился он ко мне, – я думаю, что все присутствующие согласятся со мной. Иного мнения просто быть не может.

Старший мичман сел, а офицеры одобрительно зашумели и закивали. В общем, было действительно все понятно. Но для проформы я дал слово всем командирам кораблей. Они согласились с тем, что сказал командир «Дениса Давыдова».

Потом я посмотрел на внимательно наблюдавших за происходящим морпехов. Мое внимание привлек командир разведроты с «Мордовии» капитан Сан-Хуан. Мне раньше не доводилось с ним встречаться, хотя такая редкая фамилия была у многих на слуху. Я ожидал увидеть маленького темноволосого испанца, но Сан-Хуан оказался широкоплечим, светловолосым гигантом с голубыми глазами. Как я узнал позже, среди его предков были и баски, и шведы. Он встал и просто, без изысков, произнес:

– Товарищ капитан 1-го ранга, моя рота готова выполнить ваш приказ. Россия – наша мать, а мать надо защищать, когда и где бы мы ни находились.

Взводный из 313-го отряда СпН и командир группы водолазов-разведчиков 561-го ОМПР СпН кивнули в знак согласия с капитаном Сан-Хуаном.

Майор ФСБ Игорь Смирнов и подполковник ГРУ Андрей

Березин, следовавшие на «Королеве» в Венесуэлу, речи толкать не стали, лишь лаконично заявили, что и они будут с нами.

И я решил подвести итог.

– Тогда, товарищи офицеры, я приказываю готовиться к разгрому британского флота и французского экспедиционного корпуса у Бомарзунда, а также сил союзников. Но нам необходима координация действий с нынешним руководством Российской империи. То есть с императором Николаем I.

В среднесрочной перспективе – мы должны оказать помощь Черноморскому флоту и русским войскам в Крыму. Флот англичан и французов в данный момент находится в Варне, где экипажи кораблей и вой-ска экспедиционного корпуса несут огромные потери от эпидемии холеры. Впрочем, о помощи нашим на юге давайте поговорим чуть позже. Пока нам и на Балтике хватит работы.

– Виктор Степанович, – обратился я к командиру сторожевого корабля «Бойкий» капитану 2-го ранга Егорову, – прикажите выслать ваш вертолет для разведки к Бомарзунду. А потом – к стоянке англо-французского флота у острова Мякилуото. Надо сверить информацию из нашей истории и то, что рассказал нам пленный британец – лейтенант Джонсон.

По предварительным данным, у Бомарзунда в данный момент находится двадцать четыре вражеских корабля, а в со-

ставе французского десантного корпуса – примерно двенадцать тысяч человек.

Данные об англо-французском флоте, находящемся у Мякилуото и блокирующем Свеаборг и Кронштадт, пока у нас отсутствуют. Известно только, что королева Виктория и император Наполеон III направили на Балтику примерно сорок боевых кораблей (практически все они паровые). А вот из сухопутных сил – лишь двенадцатитысячный французский отряд под командованием генерала Барагэ д'Илье.

Кроме того, нужно как можно скорее доставить ротмистра Шеншина в Петербург. Предлагаю это сделать с помощью десантного катера «Денис Давыдов».

Неожиданно дверь в кают-компанию отворилась. Вошел вахтенный офицер, держа в руках какую-то бумагу. Он обратился ко мне:

– Товарищ капитан 1-го ранга, получена радиограмма с танкера «Михаил Ульянов». Он следует из Приморска в Роттердам и находится в тридцати милях к югу от нас. Капитан танкера вышел на аварийных частотах и сообщил, что его преследует неизвестный парусно-паровой военный корабль под британским флагом. И не просто преследует, а ведет по танкеру огонь из орудий. Капитан просит помощи… Вот, почитайте сами.

И вахтенный протянул мне текст радиограммы.

Все ясно, подумал я, британцы продолжают хулиганить. А танкер нам был бы весьма кстати.

– Николай Михайлович, – обратился я к командиру ПСКР «Выборг» капитану 3-го ранга Борисову, – отправляйтесь на выручку «Михаилу Ульянову». А то ведь эти английские придурки могут запросто его поджечь. А на нем нефтепродукты, которые нам очень нужны. Кстати, а какой дедвейт у этого танкера?

– Он может взять до семидесяти тысяч тонн нефтепродуктов, товарищ капитан 1-го ранга, – ответил мне Борисов, – жаль будет потерять столько горючки. У него скорость – до шестнадцати узлов, только британцы могут запросто вкатить в него бомбу или ядро – цель-то огромная. Я немедленно выхожу на помощь «Михаилу Ульянову». А что с британцами-то делать – топить их или просто отпугнуть?

– Топите, – я решил больше не церемониться с интервентами, – ведь мы их сюда не звали, так что нечего жалеть. Жду вашего доклада, Николай Борисович. И желаю вам удачи.

14 августа 1854 года. Балтика.
Борт танкера «Михаил Ульянов»
Капитан Коваль Василий Васильевич

До сегодняшнего дня у нас все шло как обычно. Зашли в Приморск и загрузились там до упора светлыми и темными нефтепродуктами. Часть из них мы должны были сбросить в Роттердаме, а с остальными отправиться на Север, в Мурманск, где в Белокаменке сгрузить все. В общем, никаких особых трудностей не предвиделось.

А сегодня и началось все *это*. Где-то на траверзе Хельсинки у нас для начала вырубился ГЛОНАСС и GPS. Начисто, словно их никогда и не было. Потом накрылась радиосвязь. Спутниковая связь, кстати, тоже. Из кают-компании, ворча и чертыхаясь, выползли недовольные моряки, свободные от вахты – куда-то пропали все программы телевидения. Короче, оказались мы начисто отрезаны от всех благ цивилизации.

Но скучать не пришлось. Ближе к вечеру на экране радиолокатора было обнаружено судно, идущее нам навстречу. Вскоре его можно было уже разглядеть в бинокль. Увиденное меня весьма удивило. Протерев глаза и убедившись, что мне не мерещится, я вызвал на мостик своего старпома Лешу Сорокина и предложил ему посмотреть на это чудо. Тот глянул в бинокль и выругался.

– Васильич, – сказал он, – не нравится мне все это. Какое-то антикварное судно – под парусами, да еще и с гребными колесами. Как пить дать, это ушлепки из «Гринпис». Они обожают такие вот маскарады. Если их моторки попытаются к нам приблизиться, гони их всех в задницу. Они или к борту пришпандорят какую-нибудь тряпку, или распишут его всякой гадостью. Потом замаешься закрашивать их мазню.

– А мы-то им с какого перепугу? – удивился я. – Вроде танкер – не нефтяная платформа и не судно с ядерными отходами…

– Им заплатят – они будут хоть на банановоз кидаться, –

философски заметил Леха. – Васильич, все в этом мире продается и покупается. Даже борьба за экологию.

Пока мы с ним беседовали, смешной кораблик подошел поближе. С удивлением я увидел в бинокль британский военный флаг на его мачте, а на корме название: «Merlin».

– Еще сэра Ланселота здесь не хватает, – проворчал Леха. – Пусть катится ко всем чертям. Нам ты абсолютно не интересен.

Но как оказалось, этому самому «Мерлину» были интересны мы. Точнее, наш танкер. Борт кораблика окутало облачко дыма, а через несколько секунд до нас докатился звук выстрела. Я с удивлением увидел, как кабельтовых в трех от нашего борта в воду плюхнулось… ядро.

– Васильич, да они что, совсем рехнулись?! – воскликнул Леха, добавив к сказанному несколько крепких словечек. – Ведь мы горючкой набиты под завязку. Случись чего – вознесемся мы прямо к Господу, аки ангелы небесные.

– Полный вперед, – скомандовал я, – надо от этого придурка держаться подальше.

Но скорость такая махина, как наш танкер, набирала медленно. За это время «Мерлин» еще раз выпалил из носовой пушки в нашу сторону. Правда, ядра его ложились с недолетом. Но парни, которые находились на борту этого кораблика, похоже, были упрямы, как сто ишаков. Из его трубы повалил густой дым, и он прибавил ходу. Но наши пятнадцать узлов ему вытянуть, похоже, не удавалось. Видимо, у

него действительно стояли паровые машины. Но он продолжал шлепать вслед за нами, время от времени постреливая из пушки в нашу сторону.

– Слушай, Васильич, – сказал мне Леха, – а вдруг их несколько? Один, понимаешь, за нами гонится, а второй стоит в засаде. Потом зажмут нас в клещи, и тогда нам настанет полный кирдык.

– А как там со связью? – поинтересовался я, не отрываясь от бинокля. – Все так же – молчание?

– Ни одной радиостанции не слышно, – виновато развел руками Леха, будто он был персонально виноват в случившемся. – Я приказал выйти в эфир на аварийных частотах. Дадим сигнал бедствия. Может, кто и услышит…

Леха оказался прав. На частотах, предназначенных для передачи сигнала бедствия, на связь вышел десантный корабль «Королев». И сообщил нам такое, от чего у меня на голове остатки волос встали дыбом. Оказывается, мы находимся не в XXI веке, а в XIX! И попали в 1854 год, когда Россия воюет с вражеской коалицией, состоящей из Турции, Англии и Франции.

И этот «Мерлин», который пристал к нам, как банный лист к седалищу, оказывается, боевой корабль из эскадры британского адмирала Непира. Учебный корабль Балтфлота «Смольный» уже столкнулся с таким вот военно-морским антиквариатом и ухайдакал его, когда тот вот так же, как этот «Мерлин», попытался повоевать со «Смольным».

В общем, с «Королева» нам передали, что на выручку «Михаилу Ульянову» направлен пограничный сторожевой корабль «Выборг». Он сумеет обломать британского нахала и научить его приличным манерам. А потом погранцы отконвоируют наш – танкер к точке рандеву – неподалеку от Аландских островов. Там мы будем в полной безопасности. Да и спешить нам теперь вроде некуда – в нынешнем Роттердаме нет еще нефтяного терминала, а сама нефть мало кому нужна – если только для смазки осей тамошних карет и дилижансов.

Переговорив с «Королевым», мы стали ждать подмоги. И даже немного сбавили ход – все равно «Мерлину», если верить справочникам, не выжать более десяти узлов. Англичане же, увидев, что расстояние между нами перестало увеличиваться, воспряли духом и даже немного прибавили ходу.

Так продолжалось еще около часа. Наконец, мне сообщили, что на экране локатора появилась отметка корабля, движущегося в нашу сторону. Отметка приближалась довольно быстро, из чего я сделал вывод, что это «Выборг», направленный нам на помощь.

Так оно и оказалось. Ну, а дальше все было делом техники. С запредельной для британцев дистанции – около трех миль – «Выборг» первый же снаряд уложил на палубу «Мерлина». Да так удачно, что британский кораблик тут же сбавил ход и окутался паром. Следующий снаряд разбил кожух гребного колеса. Англичанин закрутился на месте, а потом

лег в дрейф и выбросил белый флаг. С «Выборга» спустили моторный баркас, в который погрузилась призовая партия.

Наши спасители тем временем связались с нами по радиостанции.

– Привет, ульяновцы, – из динамика раздался веселый мужской голос. – Как вы там – живы, здоровы?

– Живы, живы, – ответил Лешка. – Что бы мы делали без вас? Только британцы эти вряд ли бы нас догнали – уж очень тихоходное у них корыто. Хотя палили они по нам отчаянно. Запросто могли залепить, поганцы, шальным ядром. А у нас ведь полные танки.

– Сейчас мы англичан разоружим, возьмем их пароходик на буксир и отправимся к нашему флагману, – передали нам с «Выборга». – Ну, и вас сопроводим до кучи.

– Добро, – сказал Леха, увидев, что я утвердительно кивнул, – то-то радости будет – целый танкер горючего притащите, да еще трофей в придачу.

14 августа 1854 года, вечер.
К юго-западу от острова Руссаре.
Кают-компания БДК «Королев»
Командир отряда кораблей Балтийского флота
капитан 1-го ранга Кольцов Дмитрий Николаевич

Капитан 3-го ранга Борисов отправился на выручку «Михаилу Ульянову», за которым гнался упрямый британец, а мы в его отсутствие продолжили сове-щание.

– На чем мы остановились? – уточнил я. – Ага, на доставке в Петербург нашего делегата связи вместе с ротмистром Шеншиным. Кого персонально направим, это мы решим с Андреем Борисовичем, – я кивнул на подполковника ГРУ Березина, – а вот на чем доставить… Надо это сделать быстро и незаметно. Потому большие корабли отпадают.

– Разрешите, товарищ капитан 1-го ранга? – поднял руку старший мичман Максимов. – Может быть, вы пошлете в Петербург мой «Денис Давыдов»? Скорость у него подходящая, и он может доставить не только ротмистра и делегата связи, но и БТР на берег с экипажем. Ведь не пешком же им добираться до Петербурга. Да и с точки зрения безопасности стоит обеспечить их надежным эскортом.

Выгрузиться же можно где-нибудь неподалеку от Питера, скажем, в Копорском заливе. Это будет в тылу блокадных сил англо-французов. А оттуда рукой подать до Ораниенбаума. Я читал у историка Тарле, что император Николай I чуть ли не каждый день приезжал в Петергоф или на Красную горку, чтобы посмотреть на вражеский флот.

Что ж, старший мичман высказал здравую мысль. Действительно, неплохо было бы отправить на рандеву с государем-императором делегатов связи и отделение морпехов на бэтээре. И, пожалуй, не на одном обычном БТР-82, а на двух. Но вторым будет БТР – командно-штабная машина.

Я вспомнил, что в трюмах «Королева» в числе прочих образцов военной техники, которую мы должны были до-

ставить в Венесуэлу, есть одна интересная штука – Р-149 БМР «Кушетка-Б». Это командно-штабная машина на базе БТР-80. С помощью мощной радиостанции этой машины, из Питера можно связаться с нами и координировать дальнейшие боевые действия. Пусть они следуют на встречу с царем парой. К тому же трудно будет запихнуть в один БТР всю делегацию.

А старший мичман Максимов – похоже, толковый парень – тем временем продолжал развивать свою идею.

– Только вот в чем загвоздка, – рассуждал он, – горючего нам хватит только на дорогу до Копорского залива. Обратно мы сможем пройти менее одной трети пути. Следовательно, нам необходима или дозаправка, или буксир. Думаю, что танкерам лучше не соваться пока в зону боевых действий. А потому на обратном пути, в точке, назначенной для рандеву, нас возьмет на буксир один из кораблей отряда и доставит к танкеру, с которого мы и дозаправимся.

– Хорошо, – согласился я, – предложение ваше, товарищ старший мичман, толковое. Мы, скорее всего, так и поступим. Надо будет только продумать его в мелочах, и можно приступать к исполнению. А для начала вам следует перегрузить на «Королев» все имущество и вооружение группы капитан-лейтенанта Мишина.

Что же касается танкера и дозаправки…

– Кстати, – обратился я к командиру «Королева» капитану 1-го ранга Степаненко, – Олег Дмитриевич, вам ничего

не докладывали о том, как обстоят дела с «Михаилом Ульяновым»? Успел ли до него добраться «Выборг», и не повредили ли британцы танкер?

– Сейчас узнаю, Дмитрий Николаевич, – сказал Степаненко.

Но не успел он встать и подойти к двери, как по громкой связи с командного поста нам сообщили, что «Выборг» вовремя подоспел к обстреливаемому танкеру и, подбив вражеский пароходофрегат, заставил его спустить флаг. Сейчас они следуют к нам – танкер с горючим, а «Выборг» с боевым трофеем.

Если так и дальше пойдут дела, подумал я, то нам скоро понадобится лагерь для военнопленных. Да и кормить их всех надо. Следует побыстрее разобраться с Бомарзундом. Разобьем там вражескую эскадру и десант и сбагрим всех пленных генералу Бодиско. Пусть он с ними нянчится. А нам они и даром не – нужны.

– Все, товарищи, – сказал я, – наше совещание окончено. А подполковника Березина и майора Смирнова я попросил бы остаться.

14 августа 1854 года, вечер.
К юго-западу от острова Руссаре.
Кают-компания БДК «Королев»
Командир отряда кораблей Балтийского флота
капитан 1-го ранга Кольцов Дмитрий Николаевич

Когда кают-компания опустела, я попросил Смирнова и Березина подсесть ко мне поближе. Поначалу я даже не знал, с чего начать беседу. Ситуация была несколько необычной для «рыцарей плаща и кинжала». Фактически им придется все начинать с нуля. Ведь у них здесь нет ни разветвленной агентуры, ни спутников-шпионов, ни аналитических центров, которые обрабатывали и анализировали поступающую информацию.

Но с другой стороны, у них есть возможность заглянуть в прошлое и узнать то, о чем живущие в XIX веке люди даже и не подозревают. Кроме того, к их услугам компьютеры, специальная техника, а также силовая поддержка наших «спецов». Ну, и опыт, который, как известно, не пропьешь.

– Андрей Борисович, – обратился я к подполковнику Березину, – очень бы хотелось услышать ваше мнение по поводу происходящего.

Березин улыбнулся и развел руками.

– Дмитрий Николаевич, – сказал он, – у меня самого в голове не укладывается то, чему мы стали свидетелями: XIX век, Крымская война, сражения с кораблями британцев, осада крепости Бомарзунд… Нас ведь учили совершенно другому. Боюсь, что моих знаний будет явно не достаточно для того, чтобы досконально разобраться в сложившейся обстановке. Поверьте мне, хороший историк был бы в сто раз полезней. Хотя…

Подполковник Березин вопросительно посмотрел на май-

ора Смирнова, который сидел рядом с ним за столом и внимательно слушал наш разговор.

– Товарищ капитан 1-го ранга, – обратился ко мне майор, – я присоединяюсь к тому, что только что сказал подполковник Березин. В реалиях XIX века я разбираюсь тоже недостаточно хорошо. Может быть, стоит бросить клич – чтобы все порылись в судовых и личных библиотеках и поделились с нами на время литературой и информацией из ноутбуков о событиях, касающихся времен Крымской войны, а также лиц, живших в это время – как на территории Российской империи, так и в других странах. Кто знает, вдруг нам придется иметь дело с гражданами той же Франции, или, скажем, с подданным гавайского короля Камеамеа…

– Толковое предложение, – кивнул Березин. – Только Гавайи для нас пока не актуальны. А вот – настроения и обстановку в Санкт-Петербурге в августе 1854 года нам знать бы не мешало.

Вы попросили меня найти человека для отправки в Питер вместе с ротмистром Шеншиным, чтобы установить контакт с императором Николаем I. Я предлагаю послать моего заместителя – майора Копылова Ивана Викторовича. Он имеет военный опыт – на срочной воевал во Вторую чеченскую. Был ранен, награжден орденом Мужества.

А уже во время службы в нашей конторе, он неплохо погонял по горам Южной Осетии грузин во время «войны трех восьмерок». К тому же майор умен и инициативен. И еще –

в свободное время он изучал историю Кавказской войны. То есть именно тот самый XIX век, в который нас угораздило попасть.

– Что ж, достойная кандидатура, – сказал я. – Думаю, что с императором Николаем Павловичем майор найдет общий язык. А вы, Игорь Николаевич, – обратился я к майору Смирнову, – кого отправите вместе с ротмистром Шеншиным? Кстати, я тут порылся в литературе и узнал, что Николай Васильевич Шеншин, вместе с которым наши люди отправятся в путь-дорогу, тоже не лыком шит. Он, можно сказать, ваш коллега. И даже не знаю, чей именно. Или ваш, Игорь Николаевич, – в бытность адъютантом военного министра Чернышева он не раз направлялся в командировки, дабы выяснить уровень коррупции и казнокрадства некоторых высоких интендантских чинов. А перед самым началом войны Чернышев послал ротмистра в Валахию, чтобы тот своими глазами увидел и оценил степень готовности к боевым действиям расквартированных там русских войск. Или ваш, Андрей Борисович, – ротмистр несколько лет назад побывал на Балканах с одной деликатной миссией, о которой дипломаты предпочитают помалкивать.

Так что не забывайте о том, что ваши люди будут иметь дело с опытным разведчиком. Да и император вряд ли послал бы другого офицера в осажденный Бомарзунд.

– Все ясно, Дмитрий Николаевич, – сказал майор Смирнов. – Я предлагаю вместе с майором Копыловым отправить

в Петербург капитана Васильева Евгения Максимовича. Боевой опыт у него, конечно, чуть поменьше – он неплохо поработал в Поти во время вой-ны 2008 года в Абхазии, но у него на счету несколько серьезных командировок на Ближний Восток. Капитан Васильев знает несколько европейских и восточных языков, неплохо разбирается в людях. В общем, если что, он не подведет.

– Хорошо, – сказал я, – с кандидатурами наших представителей мы определились. Теперь следует подумать, о чем нам нужно будет говорить с Николаем. Впрочем, перед тем как обсудить этот вопрос, следует побеседовать с ротмистром Шеншиным. А уже с учетом того, что мы узнаем от него, мы и будем строить наши дальнейшие планы…

14 августа 1854 года. Борт БДК «Королев»
Командир отряда кораблей Балтийского флота
капитан 1-го ранга Кольцов Дмитрий Николаевич

В ожидании ротмистра Шеншина я еще раз перечитал справку, в которой в основных чертах излагалась биография человека, который станет своего рода мостом между нами и императором Николаем I.

Итак, что мы имеем? Шеншин Николай Васильевич. Родился в Петербурге в 1827 году. Значит, на сей момент ему двадцать семь лет. Отец – Василий Никанорович Шеншин, генерал-адъютант, герой сражения под Лейпцигом в 1813 году. В 1814 году, при входе русских войск в Париж, он был на-

значен императором Александром I комендантом французской столицы. Портрет генерала Шеншина среди прочих находится в «Галерее 1812 года» в Зимнем дворце.

Его сын, Николай Васильевич, был крещен в дворцовой церкви, а воспреемниками Шеншина-младшего стали сам император Николай Павлович и его супруга Мария Федоровна. Так, значит, наш ротмистр – крестник самого царя! Любопытно…

Закончил Пажеский корпус и оттуда был выпущен корнетом в лейб-гвардии гусарский полк. Что же Николай Васильевич поскромничал, когда назвался просто ротмистром? Ведь гвардейский ротмистр равен обычному армейскому подполковнику, или флотскому капитану 2-го ранга.

Похоже, что Николай Васильевич не просто отменный служака, но и человек, которому не чуждо прекрасное. Он дружен с Самариным и Хомяковым – известными славянофилами. Ну, про то, что Шеншин выполнял секретные поручения военного министра Чернышева и самого императора, мне уже известно.

Ротмистр в 1850 году женился на внучке бывшего Курляндского генерал-губернатора, действительного статского советника Николая Ивановича Арсентьева – девице Евгении Сергеевне. Сейчас ей двадцать один год. Детей пока нет.

После двукратного вояжа в Бомарзунд в нашей истории Николай Васильевич был пожалован во флигель-адъютанты и стал порученцем императора Николая I. Он трижды ездил

в осажденный Севастополь для того, чтобы своими глазами увидеть происходящее и без прикрас доложить царю. Николай Васильевич дослужился до чина полковника гвардии, продолжал выполнять не менее деликатные поручения уже нового императора Александра II, но не намного пережил своего крестного отца – летом 1858 года он сильно простудился и умер в возрасте тридцати двух лет.

Кстати, Николай Васильевич был родственником известному русскому поэту Афанасию Фету (Шеншину).

Я закончил изучение биографии ротмистра и положил листок на стол. В этом момент в дверь постучали, и в кают-компанию вошел сам Николай Васильевич.

– Добрый вечер, господин капитан 1-го ранга, – приветствовал он меня. – Мне передали, что вы желаете со мной побеседовать. Это так?

– Именно так, господин ротмистр, – ответил я. – Присаживайтесь. – Я указал рукой на кресло, стоявшее в углу кают-компании. – И для начала я прошу вас не обращать внимания на чины и звания и общаться со мной по имени и отчеству. Меня зовут Дмитрием Николаевичем, фамилия же моя – Кольцов.

– Хорошо, Дмитрий Николаевич, – согласился Шеншин. – Я весь во внимании.

– Вы – умный человек, Николай Васильевич, – сказал я. – И вы уже, наверное, заметили, что мы и наши корабли сильно

отличаемся от тех кораблей и морских служителей, которые вам хорошо знакомы.

– Да, Дмитрий Николаевич, я это заметил. И просто теряюсь в догадках, куда я попал и с кем имею дело, – ответил Шеншин. – Может быть, вы раскроете эту тайну?

– Хорошо, Николай Васильевич. – Я встал и прошелся по кают-компании. – Тайна нашего появления в вашем мире нам и самим до конца не понятна…

– В нашем мире? – удивленно поднял брови Шеншин. – Значит, вы…

– Именно так, Николай Васильевич, – сказал я, внимательно наблюдая за реакцией ротмистра на мои слова. – Мы действительно не от мира сего. Отряд кораблей, над которым я принял командование, находился в море 14 августа 2015 года неподалеку от полуострова Ханко – в вашем времени его называют Гангутом.

Заметив удивление, мелькнувшее в глазах ротмистра, я повторил:

– Да-да, именно 14 августа 2015 года. То есть мы попали в ваш мир из будущего. Как это произошло и по чьей воле – мы не знаем. Но факт остается фактом – отряд кораблей из 2015 года находится в 1854 году, когда на Балтике идут боевые действия между Россией и союзными Англией и Францией. Эта война в нашей историей получила название Крымской.

– А почему именно Крымской?! – удивленно воскликнул Шеншин. – В Крыму пока все спокойно, корабли англичан

и французов хоть и вошли в конце прошлого года в Черное море, но сейчас стоят на рейде Варны и вроде бы никуда отплывать в ближайшее время не собираются.

– Дело в том, – сказал я, – что в начале сентября этого года англичане и французы все же высадятся в Евпатории. Разбив русскую армию в сражении у реки Альма, войска союзников осадят Севастополь…

– Не может такого быть! – воскликнул ротмистр. – По-вашему, Черноморский флот позволит врагу высадиться в Крыму, а русская армия потерпит поражение от англичан и французов?! Это просто невероятно!

– К сожалению, в нашей истории все было именно так, – ответил я. – Не буду вам рассказывать, что произошло дальше. Мы – русские люди, и готовы сделать все, чтобы произошедшее в нашей истории в вашей не повторилось. Поверьте, Николай Васильевич, у нас достаточно сил и возможностей для этого.

– Да, теперь мне все стало понятно, – задумчиво произнес ротмистр. – Ваши корабли движутся без парусов с огромной скоростью, они могут вести огонь из орудий на большие расстояния с удивительной точностью. Да и многие другие странные и непонятные вещи…

– Николай Васильевич, – сказал я, – это всего лишь малая часть того, что мы можем. Но главное наше оружие – знание того, что должно произойти в будущем, потому что ваше будущее – это наше прошлое.

– Дмитрий Николаевич, – Шеншин вскочил с кресла и подошел ко мне, – мне надо срочно попасть в Петербург и доложить обо всем государю! Вы поможете мне добраться туда?

– Поможем, Николай Васильевич. Мы сами уже об этом думали. Можно доставить вас в Петербург по воздуху… – Заметив изумление на лице ротмистра, я повторил: – Да-да, именно по воздуху, аки птицы небесные. У нас есть аппараты, которые умеют летать по небу и при этом перевозить людей и грузы. Но мы боимся, что при виде подобных аппаратов, спускающихся на землю с небес, в городе может начаться паника. Поэтому мы отправим вас в Петербург по морю.

Вместе с вами на встречу с императором Николаем Павловичем отправятся несколько человек – два моих личных посланника и их охрана. Кроме того, мы отправим устройство, с помощью которого можно разговаривать с человеком, находящимся за сотни верст от Петербурга.

– Это что-то вроде телеграфа? О таких приборах писал в своей фантастической повести «4338 год» князь Владимир Федорович Одоевский.

– Можно сказать, что да, – ответил я. – Только разговор будет передаваться без помощи проводов, и можно переговариваться голосом, словно беседуете через перегородку. А князь Одоевский много чего предвосхитил из того, что есть у нас. Хотелось бы его увидеть в Петербурге. Впрочем, это будет уже после того, как мы победим англичан и французов.

– Интересно, – с удивлением произнес Шеншин. – Если это все так, то ваши люди и подобное устройство были бы очень нам полезны. Когда вы собираетесь отправить меня в Петербург?

– Это надо сделать как можно быстрее, – сказал я. – Как вы, Николай Васильевич, относитесь к ночным путешествиям?

14 августа 1854 года.
Букингемский дворец, Лондон
Александрина Виктория, королева Англии

Виктория сидела в мягком кресле в своем личном кабинете в Букингемском дворце. Перед ней на белом, инкрустированном перламутром столике лежали бумаги. Но она на них даже не смотрела. Через полчаса у нее назначена встреча с премьер-министром Джорджем Гамильтоном-Гордоном, лордом Абердином, первым лордом Адмиралтейства баронетом сэром Джеймсом Грэмом и министром иностранных дел Джорджем Вильерсом, лордом Кларендоном.

Темой разговора, естественно, будет Восточная вой-на, в которой Британию пока преследуют одни неудачи. Поэтому Виктория решила не приглашать на сегодняшнее совещание архитектора этой войны, Генри Джона Темпля, виконта Пальмерстона – ведь именно он сделал все, чтобы втянуть их в эту, пока столь малоуспешную войну.

Не так давно сэр Грэм пообещал Виктории, что череда

неудач вот-вот закончится и будут одержаны первые победы. Вчера пришла телеграмма из Копенгагена, в которой говорилось о том, что в балтийской крепости русских Бомарзунде захвачена одна из башен, и что падение русской твердыни – всего лишь вопрос времени. А вскоре корабли флота её величества нападут на другой русский порт на далекой Камчатке. Сэр Грэм утверждает, что и там русская крепость будет захвачена за считаные дни.

Королева не раз слышала, что эта война необходима Англии, чтобы обезопасить Европу от русской угрозы. Но сама она не сразу согласилась ее начать, хотя Пальмерстон и его единомышленники давно ее уговаривали, а Флит Стрит буквально билась в истерике по поводу России.

Конечно, слишком сильная Россия – однозначно угроза Британской колониальной империи. Но Россия в этом веке всегда была другом Англии – и когда она отказалась примкнуть к Континентальной блокаде, и когда она сломала хребет Наполеону – да, это замалчивала английская пресса, выпячивая адмирала Нельсона и называя Ватерлоо единственным поражением корсиканца. Но Виктория знала, что это не так.

Да и после этого Россия вела себе вполне достойно, чего нельзя сказать о новых союзничках – ничтожестве Луи-Наполеоне и кровавом турецком султане – Абдул-Меджиде. Весь мир содрогнулся после массовых убийств христиан в Константинополе, Миссолонги, на Хиосе… Что бы ни

говорил теперешний британский посол о том, что турки теперь, дескать, стали хорошими, а русские – сущими бестиями, Виктории было понятно, что все это ложь. А вот простые англичане взахлеб читали газеты, где со всеми подробностями рассказывалось о кровожадном русском медведе, готовившемся растерзать своих кротких и беззащитных соседей.

Конечно, у Луи-Наполеона, этого самопровозглашенного императора, есть не одна причина точить зуб на Россию и лично на императора Николая. Тут дело не только в реванше за поражение его дяди, но и уязвленное самолюбие. Когда Луи короновался, Николай направил ему – и то с большой задержкой – поздравление, начинающееся словами «cher ami» – «дорогой друг», а не «cher frre» – «дорогой брат», что подчеркивало, что Николай его не признавал равным себе. А вот лорд Пальмерстон – на тот момент он был министром иностранных дел – немедленно послал подобострастное поздравление от имени Англии без согласования не только с королевой, но даже с премьер-министром.

Викторию, конечно, поставили перед фактом – вой-на будет, с Англией или без нее. Да и общественное мнение под влиянием прессы требовало военного решения восточного вопроса. Вообще-то она раньше любила Россию, тем более что ее крестным отцом был покойный русский император Александр I. Ведь назвали ее Александриной в его честь.

Когда-то давно, когда Виктория была еще совсем юной девицей, Лондон навестил Александр, сын нынешнего русско-

го императора Николая. Александр и Виктория страстно полюбили друг друга. Молодой принц даже готов был отказаться от русского престола и жениться на Виктории, став английским принцем-консортом, то есть мужем королевы. Но когда он написал об этом отцу в Петербург, тот запретил ему даже думать об этом. И Александр, со слезами на глазах распрощавшись с Викторией, вернулся в ставшую ей ненавистной Россию.

В конце концов Виктория вскоре вышла замуж за своего Альберта, и брак их был счастлив – в том числе и в постели. Но нередко Виктория, закрыв глаза во время любовных утех, представляла себе, что лежит в объятиях не с Альбертом, а с прекрасным русским принцем. Любовь к нему в ее сердце так и не погасла.

Королева получила неплохое классическое образование. И она не раз вспоминала фразу из пьесы Вильяма Конгрива «Скорбящая невеста»: «В самом аду нет фурии страшней, чем женщина, которую отвергли».

Когда-то в детстве она обиделась на Конгрива, решив, что тот гнусно клевещет на всех женщин мира. Теперь же она была с ним абсолютно согласна. Она могла понять, почему Александр предал ее любовь, но простить – нет, никогда она ему этого не простит. А папочку Александра, сурового и строгого русского императора Николая, который запретил ему жениться на ней – тем более.

Поэтому-то она согласилась на войну с русскими с затаен-

ной радостью – королева наконец-то отомстит за все и Александру, и Николаю.

Историческая справка. Королева Виктория

Эпоха ее царствования совпала с расцветом Британской империи. В семейной жизни королеве тоже повезло – от своего мужа, герцога Альберта Саксен-Кобург-Готского, она родила девять детей.

Будущая королева-долгожительница родилась в Лондоне 24 мая 1819 года. Крестным отцом Виктории был российский император Александр I, и даже имя, данное ей при крещении, изначально было Александрина. Но уже в детстве девочке сменили его на Виктория.

Отцом ее был Эдуард Август, герцог Кентский, четвертый сын короля Георга III. Матерью Виктории была Виктория Саксен-Кобург-Заальфельдская, герцогиня Кентская. Отец Виктории умер от воспаления легких, когда дочери было всего восемь месяцев. Викторию воспитывала мать-немка, потому первые годы жизни будущая королева Великобритании говорила только на немецком языке. Позднее Виктория получила хорошее образование и – владела несколькими языками: английским, немецким, французским, итальянским.

Виктория никогда бы не стала королевой, будь многочисленное потомство больного Георга III более плодовитым. Из шести дочерей и шести сыновей короля кто-то был бездет-

ным, а кто-то просто отказывался связать себя узами брака. Пытаясь спасти династию, трое последних сыновей короля уже в преклонных годах рискнули жениться. В один и тот же 1818 год они срочно обзавелись второй половиной, но повезло лишь одному – герцогу Кентскому, у которого родилась-таки дочь.

Мать воспитывала будущую королеву в строгости. Она должна была спать в одной комнате с матерью, соблюдать режим, ей не разрешалось говорить с незнакомыми людьми, плакать на людях.

Двадцатого июня 1837 года в пять часов утра восемнадцатилетнюю принцессу разбудила мать и сообщила, что ее желают видеть первый камергер Англии и архиепископ Кентерберийский. Как только Виктория вошла в большой зал, первый камергер опустился на колени. Она сразу поняла, что король Георг III умер.

Виктория в молодости тоже была весьма привлекательна. Вот что писала о ней княгиня Ливен, супруга русского посланника в Лондоне: «Королева Виктория – очаровательная синеглазая красавица, с безукоризненными манерами и необычайно глубоким для ее возраста умом».

Ее любовный роман с русским принцем закончился, не начавшись. По английскому придворному этикету королеве нельзя сделать предложение, только она сама могла предложить разделить супружеское ложе претенденту на ее руку и сердце. Но Виктория узнала, что император Николай не

разрешит своему сыну стать супругом британской королевы. Ведь при этом он получит титул принца-консорта (принца-супруга). То есть он будет присутствовать на приемах рядом с королевой, будет отцом ее детей, но права на престол не получит и к руководству государством не будет допущен. К тому же, став супругом Виктории, Александр потеряет право на российский престол.

Виктория в 1840 году вышла замуж за Альберта Саксен-Кобург-Готского. Надо сказать, что Виктория оказалась верной супругой. Даже после его смерти она ложилась в постель, положив на подушку его портрет и прижимая к себе ночную рубашку покойного.

14 августа 1854 года.
Борт ДК «Денис Давыдов»
Командир десантного катера
старший мичман Максимов Глеб Викторович

И опять мы отправились в поход. Только на этот раз не в учебный, а в боевой. Каперанг Кольцов дал отмашку, и мой катер двинулся в Копорскую губу. За ночь на полной скорости мы должны добежать до места назначения и там высадить два бэтээра, а также посланца царя и его сопровождающих. Рискованно, конечно, но зато будет, что в старости вспомнить.

Перед выходом мы пришвартовались к борту БДК «Королев» и с помощью грузовой стрелы подняли на его палубу

снаряжение и «сирены» бойцов капитан-лейтенанта Мишина. «Парусники» с плохо скрываемым сожалением перебирались на БДК. Им очень хотелось повоевать с британцами, которые добрались аж до Кронштадта и беспредельничают в Финском заливе.

– Ничего, ластоногие, – сказал я им, – и до вас дойдет черед. А пока я погляжу на то, как живут наши предки. Хотя, конечно, ничего толком и не увижу: высажу гостей – и назад.

– Слушай, Глеб, – с надеждой спросил меня Степа Чернов, мичман из команды «ихтиандров», – может быть, тебе стрелки нужны? Вот, гляжу, ты свои страшенные пулеметы на тумбы выставил. Мне такие штуки знакомы – это же пулемет Владимирова калибра 14,5 мм. Кстати, зажигательная пуля мгновенного действия, выпущенная из этого пулемета, делает в обшивке самолета дыру диаметром сорок сантиметров. Интересно, что будет с бортом корабля, в который угодит очередь из таких пуль?

– Ладно, Степа, – сказал я подводному диверсанту, – сами как-нибудь управимся. К тому же с нами в Рамбов пойдут морпехи, а они тоже знают, как обращаться с КПВ, или, как его у нас называют на флоте, МТПУ.

Попрощавшись с «парусниками», мы отошли от БДК и стали ждать, когда с «Королева» и с «Мордовии» на отмель у расположенного неподалеку островка сгрузят по бэтээру. С «Мордовии» – обычный БТР-82, с «Королева» – КШМ «Кушетка-Б» на базе БТР-80. Потом я подвел «Дениса Давыдо-

ва» к отмели, опустил аппарель и подождал, пока оба бэтээра заедут к нам на палубу.

Вместе с бэтээрами на «Денис Давыдов» зашли те, ради кого, собственно, и готовилась вся эта экспедиция. Старший из них лаконично представился мне:

– Майор Копылов, ГРУ.

Вторым путешественником оказался капитан ФСБ Васильев, а вот третий, одетый в необычный синий мундир, назвался ротмистром Шеншиным. Я понял, что это человек XIX века. И фамилия вроде бы знакомая.

Я вспомнил, что читал о нем в книге Тарле о Крымской войне. Ротмистр с риском для жизни дважды выбирался из осажденного Бомарзунда и на рыбачьих лодках добирался до Петербурга, чтобы доложить о происходящем в крепости лично императору. Ого! Выходит, что капитан и майор скоро увидят самого Николая I.

Ну, и вместе с тремя главными действующими лицами на «Денис Давыдов» перебрались десятка два морских пехотинцев, которые сразу же начали помогать моим ребятам крепить по-походному бэтээры.

Аппарель закрылась, с борта «Королева» мне на прощанье помахал рукой капитан 1-го ранга Кольцов. Я направился в рубку, пригласив проследовать за мной ротмистра, майора и капитана.

В рубке ротмистр Шеншин сразу стал с любопытством осматривать приборы управления катером, панели, усеян-

ные кнопками, датчиками и экранами. Я дал команду, и под ногами задрожала палуба – заработали оба дизеля, и катер стал медленно разворачиваться в сторону моря. Потом я скомандовал полный ход, и за кормой катера забил гейзер. «Денис Давыдов» рванул с места, словно пришпоренный жеребец. И мы помчались…

– А что вы будете делать, Глеб Викторович, – спросил у меня майор Копылов, – если вам повстречаются британцы? Ведь ваш кораблик, мягко говоря, слабо вооружен…

– Зато мы бегаем быстро, товарищ майор, – улыбнулся я, – тридцать пять узлов дадим запросто, а если поднажать, то и все сорок сможем.

– Ну, смотрите, – сказал майор, – кстати, меня по имени и отчеству – Иван Викторович.

– А меня – Евгений Максимович, – протянул мне руку капитан.

Ротмистр, посмотрев на нас, немного помедлил, а потом тоже протянул мне руку:

– А меня – Николай Васильевич.

– Ну, вот и познакомились, – сказал Копылов. – Глеб, я знаю, что у флотских это не принято, но как по-вашему, мы успеем за ночь добраться до Копорской губы? И где вы хотите высадить нас?

Я почесал затылок. В принципе, «Денис Давыдов» мог добраться хоть до самого Кронштадта. И даже блокирующая крепость и базу Балтийского флота англо-французская эс-

кадра вряд ли нам помешала бы. Но по ходу мы могли неслабо огрести от своих же. Для начала катер пропорол бы днище о ряжевые заграждения, загодя установленные на подходах к Кронштадту. Потом у нас появился бы шанс подорваться на минах, которые выставили у северного и южного фарватеров. Там были оставлены проходы для своих кораблей, но карт этих проходов у нас не было, а ротмистр, как человек сугубо сухопутный, честно признался, что они – проходы – ему неизвестны.

Ну, а на десерт мы получили бы залп ядер и бомб с батарей и фортов Кронштадтской крепости. Ведь артиллеристы не знают, что мы их союзники и потомки. В общем, к Кронштадту соваться нам явно было противопоказано.

Высадимся же мы в Копорской губе. Помню, есть там одно симпатичное местечко со смешным названием – Систо-Палкино. Не знаю, как в прошлом, но в нашем времени там неплохая дорога, по которой можно выбраться на трассу, ведущую в Ораниенбаум.

Ротмистр подтвердил мне, что дорога там есть и сейчас, и что по ней можно проехать. На том и порешили. Катер глотал милю за милей, авторулевой «Агат-М3» вел его к цели кратчайшим путем. Капитан, майор и ротмистр о чем-то тихо беседовали. Небо на востоке начало потихоньку светлеть. До прибытия на место высадки оставалось совсем всего ничего…

15 августа 1854 года, раннее утро.
Копорский залив.
Борт десантного катера «Дмитрий Донской»
Капитан ФСБ Васильев Евгений Максимович

Мы выбрались из внутренних помещений «Дениса Давыдова» на открытую всем балтийским ветрам палубу. Солнце еще не взошло, но на востоке небо уже окрасилось в нежно-розовые тона. По броне бэтээра стекали капли воды. Я улыбнулся и шутливо сказал:

– Господин ротмистр, карета подана!

Ротмистр задумчиво посмотрел на БТР, вокруг которых уже суетились морские пехотинцы и моряки десантного катера, разнайтовывая их. Несколько морпехов по-хозяйски укладывали в боевые машины какие-то ящики и мешки. Шеншин улыбнулся и неожиданно продекламировал мне по-английски:

Three wise men of Gotham
Went to sea in a bowl:
And if the bowl had been stronger
My song would have been longer[1].

– Николай Васильевич, не бойтесь, – я улыбнулся, заметив, что ротмистр заметно нервничает. – Эти, как вы гово-

[1] В переводе Самуила Маршака, который тогда еще не был написан:Три мудреца в одном тазуПустились по морю в грозу,Будь попрочнее старый таз,Длиннее был бы мой рассказ.

рите, «тазы» достаточно прочны и неплохо плавают – уж поверьте мне. Иначе моя песня[2] сегодня не прозвучала бы. Да и наш БТР пойдет вторым по счету. К тому же у вас было намного больше шансов утонуть в той чухонской лайбе, на которой вы пытались удрать от англичан.

– Вы правы, – с кривой усмешкой заметил он. – Только вот та чухонская лайба, знаете ли, была деревянная… На ней можно было перевернуться, но не утонуть. А вот насчет вашего – как вы его там назвали – бэтэ… ну, в общем, чего-то там я не столь уверен. Ну да ладно, помирать, так с музыкой, – и он, перекрестившись, забрался в десантный отсек через откинутую дверь бэтээра.

Вслед за ним туда же влез и Ваня Копылов. Мы закрыли все люки, водитель завел двигатель, и все стали ждать, когда десантный катер приблизится к берегу. Потом опустилась аппарель, и наша машина легко скользнула в воду, подняв столб брызг. Шеншин опять перекрестился, но увидев через смотровые приборы, что мы не тонем, а бэтээр уверенно движется в сторону берега, успокоился. Когда же он почувствовал, что колеса зацепили твердую землю, то и вовсе повеселел.

– Да, Евгений Максимович, – сказал он, – а вы были правы, ваш «тазик» попрочнее будет…

Когда боевая машина окончательно выбралась на берег, мы открыли люки и осмотрелись. На берегу нас уже ждала

[2] В оригинале это именно песня, а не рассказ.

«кушетка» – такое название носила командно-штабная машина Р-149БМР. С помощью установленной на ней радиостанции мы будем поддерживать связь с кораблями отряда.

Сориентировавшись по карте и компасу, мы двинулись по довольно неплохой проселочной дороге на восток, в сторону Красной Горки. Оттуда мы намеревались добраться до Ораниенбаума, или, как его издавна называют моряки – Рамбова.

Я высунулся из люка и стал наблюдать за тем, что мне удалось рассмотреть сквозь предрассветную полумглу. Мимо нас проносились деревья и полянки, кое-где на них возвышались стога сена. По дороге мы проскочили несколько деревень, самой большой из которых была Устья, которая в наше время стала городом Сосновый Бор, и в которой была построена атомная электростанция. Встречавшиеся по пути крестьяне шарахались от наших машин и испуганно крестились.

Где-то часа через два в районе Красной Горки мы обнаружили казачий разъезд. Кони станичников, напуганные ревом двигателей бэтээров, заржали и прянули в сторону. Казачки с трудом успокоили их. Мы остановились и заглушили движки. Ротмистр Шеншин выбрался из БТР, подошел к настороженно наблюдавшим за нами казакам и переговорил о чем-то с хорунжим, который командовал этим разъездом. Похоже, о Шеншине того уже предупредили, или они просто когда-то раньше встречались.

Во всяком случае, хорунжий, закончив беседу, козырнул ротмистру, Шеншин лихо взобрался на броню, и наши бэтээры тронулись в сторону Ораниенбаума, сопровождаемые одним из казаков.

К воротам Большого, или, как его еще называли, Меншиковского дворца мы подъехали со стороны главного фасада. Было уже около половины шестого утра. Шеншин о чем-то переговорил с вышедшим ему навстречу начальником караула, после чего мы въехали мимо Картинного дома прямиком в Нижний сад, где и остановились. Морпехи выбрались из бронетранспортеров и с любопытством огляделись по сторонам. Некоторые уже были здесь в XXI веке и теперь сравнивали внешний вид дворца, который был в пропавшем неизвестно куда будущем, с тем, который сейчас был перед ними. Надо сказать, различия были не такие уж большие. Во время войны немцам так и не удалось ворваться в Ораниенбаум, и от вражеских обстрелов пострадали лишь Китайский дворец и Катальная горка.

– Господа, – сказал подошедший к нам подпоручик, опасливо поглядывая на наши боевые машины и стоящих рядом с ними морпехов. – Я попрошу вас и ваших людей немного обождать здесь. А вам, господин майор, и вам, господин капитан, я предлагаю пройти со мной.

Мы вчетвером отправились в сторону восточного флигеля дворца, где, как оказалось, находилось караульное помещение.

– Господа, – улыбнувшись, произнес ротмистр, когда мы вошли в караулку, – позвольте вам представить моего кузена, подпоручика лейб-гвардии Волынского полка Ивана Тимофеевича Алексеева.

Мы поздоровались с подпоручиком и представились. Тот с удивлением посмотрел на нас, а потом на ротмистра.

– О своих приключениях я расскажу тебе чуть позже, – сказал ему Шеншин. – А пока попрошу проводить меня на станцию телеграфа. Надо срочно передать государю важные сведения. Ты же распорядись, чтобы боевые машины, на которых мы приехали, убрали подальше от лишних глаз. И еще господ офицеров и их людей неплохо бы накормить.

Подпоручик кивнул и скомандовал караульным солдатам:

– Блохин, Варварин – определите эти самодвижущиеся повозки в каретный сарай, если что, скажете – я приказал. Там есть свободные места, они должны поместиться. А ты, Голубев, проводи господина ротмистра на телеграфную станцию.

Ну, а вы, господа, – обратился к нам подпоручик, – пройдемте со мной. Я распоряжусь, чтобы вашим людям принесли поесть. Господа, попрошу вас быть моими гостями.

Мы вышли из караульного помещения и проследовали за подпоручиком. Краем глаза я заметил, как в одном из окон дворца на мгновение мелькнул чей-то силуэт. Как мне показалось, это была женщина.

В комнате для дежурных офицеров нас усадили за боль-

шой стол, и денщик подпоручика Алексеева с – удивительным проворством выставил на столешницу глиняные блюда с нарезанной ветчиной, сыром, копченой рыбой, кусками холодной курицы и ломтями хлеба.

– Угощайтесь, господа, – гостеприимно потчевал нас подпоручик, – как говорится, чем богаты, тем и рады. Извините, что еда не столь разнообразна и весьма проста – вы приехали очень рано, и повара не успели приготовить ничего более достойного. А Василий, – подпоручик кивнул в сторону своего денщика, – пока разогреет самовар.

Мы с удовольствием стали есть, поглядывая на подпоручика. Вообще-то я был, если сказать честно, немного прибалдевший – ведь подпоручик этот был, вероятнее всего, моим пра-пра-пра-пра-прадедом. В моем генеалогическом древе имелся некий подполковник Иван Тимофеевич Алексеев, про которого мне было известно лишь то, что родился он в 1833 году, а погиб под Плевной во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов.

Впрочем, кого у меня только не было в предках – даже Голицыны и Оболенские, – когда я впервые услышал «Поручика Голицына», то подумал, что героями этой песни могли быть и мои родственники. Кстати, в моих пращурах числились и Шеншины – надо будет потом наедине поговорить с Николаем Васильичем. Было бы весьма занятно найти общего с ним предка.

Мой прапрадед, подпоручик Алексей Андреевич Сапож-

ников, погиб в Первую мировую, защищая крепость Осовец. Потом разразилась Февральская революция, а за ней и Октябрьская. В Москве стало голодно, и прапрабабушкина служанка Алевтина Ивановна Васильева отвезла моего двухлетнего прадеда Евгения и его годовалую сестру Елену к своей семье в подмосковную деревню. Вскоре из Москвы пришла ужасная весть. В дом вломились налетчики – то ли бандитствующие революционеры, то ли уголовники с «идейной мотивацией». Как бы то ни было, но они убили мою прапрабабушку.

У самой же Алевтины Ивановны было двое своих детей, примерно того же возраста, что и мой прадед. Но в страшном 1919 году вспыхнула эпидемия тифа, и оба они умерли. А прадед с сестрой каким-то чудом выжили. И Алевтина Ивановна заменила им мать.

Потом, когда Аристарх Федорович, муж Алевтины Ивановны, вернулся домой с Гражданской войны, семья переехала обратно в Москву, объявив прадеда с сестрой своими родными детьми. Так мой прадед стал Евгением Аристарховичем Васильевым и в графе «происхождение» писал «из крестьян», что в будущем ему очень пригодилось.

Уже после Великой Отечественной, когда прадед вернулся с фронта, Алевтина Ивановна наконец решилась и рассказала ему и его сестре про их настоящих родителей, а также передала им кое-какие бумаги и немногие семейные реликвии, которые прапрабабка сунула ей, когда Алевтина Ива-

новна уезжала в деревню. В числе них был лист, на котором было изображено наше генеалогическое древо.

В перестроечные годы многие из нашей родни поменяли фамилии и вступили во вновь созданные дворянские собрания. Впрочем, тогда в них лезли все кому не лень. «Месье Журденов» развелось видимо-невидимо. Например, родители одного моего школьного приятеля вступили в дворянское собрание одними из первых. И с тех пор парень больше ничего не делал по дому – как говорила его мать, «он, в отличие от вас – голубых кровей», – не подозревая, что мы с – братьями как раз и были обладателями этой самой «голубой крови». Потом, конечно, обнаружилось, что предки его были не дворянами, а купцами, и из собрания их с позором выставили…

А когда я спросил отца, почему он не спешит вступать в собрание, хотя имеет на это неоспоримые права, он, внимательно посмотрев мне в глаза, сказал:

– Женя, фамилию я менять не собираюсь. Ведь именно Аристарх Федорович и Алевтина Ивановна спасли от смерти и вырастили моего деда, а твоего прадеда. И он всю жизнь считал их своими родителями. А собрание… Что мне там делать? Мы должны гордиться всем тем, чего мы достигли сами. Предков же своих мы чтить будем и безо всякого собрания.

Лист с генеалогическим древом хранился у старшего брата отца – у дяди Алексея. Он подарил мне на двадцать пер-

вый день рождения его цветную ксерокопию в красивой рамке. Она так и осталось в моей питерской квартире, а вот ноутбук, с помощью которого я недавно начал заниматься генеалогическими исследованиями, я зачем-то взял с собой в Венесуэлу. И теперь вся эта информация может мне пригодиться…

Ваня Копылов выпил крепкого чаю, заедая большими кусками белого хлеба, потянулся и сказал:

– Лепота! Давно я так вкусно и плотно не завтракал.

Хоть мы и принадлежали к ведомствам, интересы которых порой пересекались, с ним мы были знакомы давно, еще с войны 2008 года. Тогда я был прапорщиком. Когда наши заняли Поти, мы тормознули там грузинскую разведывательно-диверсионную группу на пяти американских «Хаммерах». «Храбрые грузины» и не подумали оказать сопротивление, по нашей команде послушно подняв руки вверх.

Сами по себе они нам были мало интересны, а вот «Хаммеры»… Точнее, даже не сами заморские «пепелацы», а их секретная начинка. Когда мы показали свои трофеи высокому начальству, то оно пришло в восторг. Оказалось, что нам попала в руки аппаратура связи с американскими разведывательными спутниками, причем со всеми сопутствующими сверхсекретными документами, которые грузинские супермены так и не удосужились уничтожить.

Естественно, нам поручили охранять свои сверхценные трофеи, и в качестве усиления руководство прислало коман-

ду, в которой был и Ваня Копылов, тогда еще лейтенант. Так мы и познакомились.

Что потом произошло с той аппаратурой – тайна, покрытая мраком. Известно только, что американцы еще долго слезно просили нас вернуть ее, а мы сокрушенно разводили руками и делали вид, что не понимаем, о чем, собственно, идет речь. Нас всех потом наградили – подозреваю, в том числе и за это. Вскоре мы с Ваней расстались, и снова встретились лишь на борту БДК «Королев».

Я посмотрел на него, улыбнулся и сказал:

– Ну, зоб вроде набили. А где же наш ротмистр?

И, как часто бывает в таких случаях, после этих слов открылась дверь, и в помещение вошел Шеншин.

– Господа, я послал государю императору по телеграфу донесение о моем прибытии и о том, что со мной следуют офицеры из дружественной России эскадры. Пока я жду ответа. Возможно, что или мне одному, или всем нам предстоит поездка в Петербург.

А может случиться и так, что император сам решит прибыть в Ораниенбаум. Как только по телеграфу придет ответ, меня сразу о нем оповестят. Пока же, господа, выкажем свое почтение – великой княгине Елене Павловне – она уже проснулась и прислала весточку о том, что хотела бы поближе познакомиться с офицерами, прибывшими в ее дворец на столь необычных железных каретах.

15 августа 1854 года. Большой дворец
в Ораниенбауме, покои ее высочества
великой княгини Елены Павловны, урожденной принцессы
Фредерики Шарлотты Марии Вюртембергской
Капитан ФСБ Евгений Максимович Васильев

Так как мы надеялись на то, что предстоит личная встреча с императором, то перед отплытием в путь-дорогу из своих кают на БДК «Королев» забрали парадную форму, которую прихватили с собой в Венесуэлу, рассчитывая, что нам ее, возможно, придется надеть на какой-нибудь официальный прием. До кучи мы нацепили на кители все свои ордена и медали. И если у Вани их было несколько, то у меня из боевых наград была всего одна: «За боевые заслуги». И еще одна, так называемая общественная, «За принуждение к миру». Но думаю, император должен оценить наш вклад в вой-ну с англо-французами и, как говорится в Священном писании, «да не оскудеет рука дающего». Будут у нас ордена и медали и Российской империи. Я всегда мечтал заслужить орден Святого великомученика Георгия – награда настоящего офицера, показавшего свою доблесть на поле боя.

Слуги провели нас в небольшую комнату с голубыми шелковыми обоями, с наборными полами из ценных пород дерева и с удобной мебелью в стиле ампир. Через несколько минуты в комнату вошла симпатичная женщина лет сорока пяти в вышитом золотом черном бархатном платье. Я вспомнил, что после смерти своего супруга, великого князя Ми-

хаила Павловича, младшего брата императора, она до самой своей смерти не снимала траурных одежд.

Ротмистр низко поклонился ей, и мы последовали его примеру.

– Ваше высочество, – сказал Шеншин, – позвольте мне представить вам тех офицеров, про которых я вам только что говорил. Майор Иван Викторович Копылов, – и он показал на моего коллегу.

Ваня подошел к великой княгине, поклонился и поцеловал ей руку.

– И капитан Евгений Максимович Васильев.

Теперь настал и мой черед знакомиться с великой княгиней. Я поклонился, поцеловал ее руку и сказал по-немецки:

– Ваше высочество, это большая честь для меня.

Она приветливо улыбнулась и ответила мне на том же языке:

– Капитан, вы говорите по-немецки? И даже со швабским акцентом?

– Видите ли, ваше высочество, – сказал я ей, – мне приходилось бывать в Эсслингене. Какое-то время я даже жил там.

Елена Павловна снова перешла на русский язык.

– Расскажете мне потом о впечатлениях, которые получили на моей родине, господин капитан. Но это когда у вас будет на то время. А пока… Мне кажется, что вы решили заглянуть в Ораниенбаум совсем не для того, чтобы нанести визит старой вюртембергской принцессе. Скажите, капитан,

как вы там живете, в вашем далеком будущем?

– Ваше высочество, а почему вы решили, что мы из будущего? – осторожно поинтересовался у нее Ваня.

– Господин майор, – рассмеялась Елена Павловна, – я хоть и женщина, которая плохо разбирается в вооружении и армейских механизмах, но даже мне понятно, что те чудесные самобеглые повозки, на которых вы приехали сюда, сделаны не в нашем мире. И еще ваша форма, и ваши медали – с надписями на русском языке, но совершенно мне неизвестные. Да и держитесь вы совершенно не так, как это принято у нас. Ну, а самое главное, – великая княгиня снова рассмеялась, – ротмистр Шеншин не удержался и шепнул мне, кто вы и откуда. Как видите, майор, и мужчины порой бывают излишне болтливы.

Видимо, заметив досаду на наших лицах, Елена Павловна успокаивающе подняла руку:

– Господа, я все прекрасно понимаю. И о том, кто вы на самом деле, больше никому не расскажу. К тому же я здесь одна. Секреты секретами, но скажите мне лишь одно – из какого года вы прибыли сюда?

– Из две тысячи пятнадцатого года, – ответил Ваня.

– Понятно, – задумчиво произнесла великая княгиня. – А как там живет-поживает наша Россия?

– Россия по-прежнему великая страна, ваше высочество, – сказал Иван. – Она остается ею даже после всех войн и потрясений, которые ей пришлось пережить.

– А мой Вюртемберг? – не удержавшись, спросила Елена Павловна.

– Увы, ваше высочество, – настала моя очередь отвечать на вопрос великой княгини, – несмотря на все усилия королевы Ольги Николаевны, он вскоре растворится в Германской империи, которую соберет вокруг себя Прусское королевство. Или теперь, быть может, не растворится? Мы надеемся, что с нашим появлением здесь нам удастся и послужить России и изменить ход мировой истории.

– В этой новой истории, возможно, повезет и моей маленькой родине, – вздохнула великая княгиня. – Господа офицеры, я очень рада вашему визиту, но я знаю, что вы прибыли сюда по весьма важному делу. Обещайте мне, что после победы над супостатами – а я верю, что вы победите этих несносных англичан и французов – вы еще раз посетите мой скромный дом и расскажете мне тогда все, что сочтете нужным.

В дверь постучали. Получив разрешение, в комнату вошел подпоручик Алексеев. Он поклонился великой княгине и, после ее ответного кивка, сказал:

– Господин ротмистр, пришло телеграфное сообщение из Петербурга от государя! Он скоро будет здесь.

Часть 3. Здравия желаю, ваше величество!

15 (3) августа 1854 года.
Санкт-Петербург. Зимний дворец
Император Николай I

Самодержец проснулся, как обычно, ровно в пять утра. Поспать ему удалось всего лишь пару часов – вчера ему сообщили, что неприятель вернулся под Бомарзунд, да не тремя кораблями, как это было в первый раз, а десятком или более. Строй кораблей рано утром тридцать первого июля случайно увидел финский рыбак, сумевший потом проскочить мимо вражеских дозорных кораблей в Або. С эстафетой эта новость дошла до императора лишь вчера вечером.

Сон же ему не шел почти всю ночь – одолевали тяжкие мысли.

«Да, – думал он, – у проклятых англичан имеется телеграфный кабель и в Копенгаген, и даже в Америку. А у нас – лишь в Кронштадт, Ораниенбаум и Москву… И новости мы узнаем много позже, чем они. Это очень скверно, тем более во время войны. Одна надежда на гонцов и на почтовых голубей».

То, что Бомарзунд падет, Николай не сомневался. Крепость так и не была достроена, артиллерии в ней мало, гарнизон храбрый, но его слишком мало для того, чтобы суметь

отбиться от противника. Разведчики из Франции доложили царю, что в Булони и в Кале на британские транспортные суда погрузили десятитысячный французский десантный корпус.

Все было так, как и думал император – флот будет английским, а пушечное мясо – французское. И как бы храбро ни дрался гарнизон крепости, британская корабельная артиллерия почти в десять раз превосходила количественно и качественно крепостную. От недостроенных бастионов на берегу моря останутся рожки да ножки. А генерал Бодиско – верный служака, но у него напрочь отсутствует то, что его крестник Николя Шеншин называет авантюрной жилкой. И воевать он будет именно так, как предписано уставами, а следовательно, как от него ожидает враг.

Да, нужно было форсировать строительство крепости, усилить ее гарнизон, увеличить количество пушек… Но в казне хронически не хватало денег, а в армии – обученных солдат и современного оружия. Можно было, конечно, подобрать более решительного и инициативного коменданта крепости. Но где их найти столько, чтобы заткнуть все дыры? К тому же Бомарзунд был второстепенной крепостью, а его возможное падение могло стать лишь неприятным эпизодом в кампании 1854 года на Балтике. Вряд ли англичане или французы захотят оставить его себе. Ну, а шведы побоятся забрать Аланды, даже если им их предложат – после поражения в 1808–1809 годах они предпочитают не связываться

с Россией.

К тому же нынешний король Швеции Оскар I, несмотря на свою нелюбовь к России, хорошо помнит слова отца, бывшего маршала Франции Жана-Батиста Бернадота, который не раз говорил ему: «Швеция должна быть нейтральной и никогда не ссориться со своим великим соседом».

К тому же быть союзником Британии – себе дороже. Сколько раз коварный Альбион уже обманывал и предавал своих союзников! Похоже, что шведы кое-чему научились…

Когда император, наконец, заснул, ему приснился очень странный сон. Ему снилось, что он стоит в дворцовом храме Зимнего дворца и снова держит на руках младенца, сына Василия Никаноровича Шеншина. Тогда он всего два года как стал самодержцем и был полон сил и энергии.

– Как давно это было, – вздохнул император.

А потом его крестник вырос и стал самым дерзким и смышленым порученцем своего крестного. Николай его любил, как сына. Тем более что крестное родство церковь считает столь же близким, как кровные узы, и для глубоко верующего Николая это не было пустым звуком. Теперь же он там, в осажденном Бомарзунде, можно сказать, что в мышеловке, откуда даже Николя (так император называл его про себя) выбраться будет нелегко. Царю оставалось лишь молить Господа, чтобы тот сохранил жизнь его крестнику, пусть даже в английском или французском плену.

Перед завтраком император прочитал последние донесе-

ния – про Бомарзунд, как и ожидалось, не было никаких новостей. Но, как говорят эти канальи англичане, no news is good news – отсутствие новостей – хорошая новость. Другие же сведения были еще менее радостными – неприятельские дозорные корабли продолжали стоять у Красной Горки, а из Турина сообщили: итальянцы, возможно, в скором времени вступят во вражескую коалицию, Австрия, наверное, все же останется нейтральна, но с ноткой враждебности. Впрочем, дипломатия ее всячески поддерживает Англию и Францию, демонстрируя свою явную недоброжелательность к России…

«Да, – подумал он, – зря я послал Николя в Бомарзунд во второй раз… Когда я его еще увижу, если увижу вообще?»

В этот самый момент в дверь царского кабинета постучал флигель-адъютант, который принес телеграфическое донесение из Кронштадта, которое, в свою очередь, было получено из Ораниенбаума. В нем сообщалось, что ротмистр Шеншин благополучно прорвался через вражеские кордоны и прибыл в Ораниенбаум в сопровождении двух офицеров из союзной России эскадры с важным донесением. Он ждет дальнейших инструкций – то ли ему лично приехать в Петербург, то ли оставаться в Ораниенбауме.

«Какая еще союзная России эскадра? – удивился Николай. – Разве у Российской империи остались еще союзники? И что это еще за важное донесение? От генерала Бодиско?»

Вслух же он приказал:

– Срочно телеграфируйте ротмистру Шеншину, чтобы он ждал меня в Ораниенбауме. Я выезжаю туда немедленно. И велите подать курьерскую тройку к Салтыковскому подъезду.

15 (3) августа 1854 года.
Ораниенбаум. Большой дворец
Император Николай I

В девять часов утра император Николай I въехал на запыленной от быстрой езды тройке во двор Ораниенбаумского дворца. Подъезжая, он заметил странный след на дороге – словно по ней проползло несколько огромных змей. Решив подробнее потом расспросить об этом следе ротмистра Шеншина, он вылез из тройки и внимательно осмотрелся.

Во дворе его уже ждал Николя Шеншин, и с ним двое офицеров в странной зеленой форме без золотого шитья и без каких-либо прочих изысков, зато с неизвестными медалями на груди.

– Ваше величество, – почтительно козырнув, доложил ему Шеншин, – позвольте вам представить майора Копылова Ивана Викторовича и капитана Васильева Евгения Максимовича.

Те учтиво поклонились царю. Потом они прошли в один из покоев дворца. После того как лакей почтительно закрыл за ними дверь, император внимательно посмотрел на Шеншина:

– Ротмистр, вы обещали сообщить мне о чем-то весьма важном. Докладывайте.

– Ваше величество, – начал Шеншин, – Бомарзунд я покинул рано утром тринадцатого августа. Он был полностью блокирован неприятелем с моря, а на самом острове высадился французский экспедиционный корпус. Но форт пока держался. Мы с фельдфебелем Гродом – он сейчас находится в Свеаборге – шли на финской лайбе через шхеры. Четырнадцатого августа, недалеко от Гангута, мы имели несчастье попасться на глаза английскому пароходофрегату «Валорос», который погнался за нами, но был уничтожен артиллерийским огнем внезапно появившегося корабля «Смольный»…

У императора была отменная память, и он прекрасно знал большинство армейских и флотских офицеров, а также названия кораблей Балтийского и Черноморского флота. Но корабль с названием «Смольный» в Российском императорском флоте ему известен не был. Однако он не стал перебивать ротмистра излишними вопросами и лишь кивнул. Шеншин же тем временем продолжил:

– Учебный корабль «Смольный» принадлежал к отряду кораблей, в котором служат майор Копылов и капитан Васильев. Они доставили нас в Копорскую губу на борту корабля «Денис Давыдов», откуда мы и добрались до Ораниенбаума.

– Ротмистр, – удивился Николай, – но вы же только что мне сказали, что еще вчера были у Гангута?! А сегодня в

половину шестого утра вы уже прибыли в Ораниенбаум…

Копылов неожиданно вступил в разговор:

– Ваше величество, разрешите обратиться?

– Разрешаю, – с удивлением от нестандартного обращения к царю ответил Николай. Впрочем, ему понравилось то, как держались эти два офицера – спокойно, с почтением, но в то же время с чувством собственного достоинства и без тени подобострастия.

– Ваше величество, десантный катер «Денис Давыдов» способен развивать до сорока узлов. Крейсерская скорость – тридцать пять узлов. Дорога от селения Систо-Палкино, что находится на берегу Копорской губы, до Ораниенбаума заняла у нас чуть менее двух часов. У нас есть бронированные самодвижущиеся повозки, способные передвигаться и с намного большей скоростью, особенно по хорошим дорогам.

– Понятно, – озадаченно сказал император. – Значит, следы колес у ворот – от ваших повозок?

– Да, ваше величество, они сейчас стоят в каретном сарае, – ответил майор Копылов. – Чтобы предвосхитить ваш вопрос, скажу вам, ваше величество, что у нас техника из будущего – из две тысячи пятнадцатого года. Именно из этого года мы и прибыли в ваше время. И у меня с собой послание к вам от нашего командующего, капитана 1-го ранга Дмитрия Николаевича Кольцова.

Копылов с поклоном протянул императору странного вида конверт. Лицо Николая выражало крайнее изумление. Он

хотел было что-то спросить, но потом передумал, вскрыл конверт и впился глазами в лист бумаги, читая написанное в нем.

Прочитав, он потряс головой, словно пытаясь проснуться, еще раз посмотрел на офицеров и вдруг произнес:

– Все-таки похоже, что это не сон… Если б не присутствие ротмистра, не следы от ваших колес и не некоторые другие моменты, то я б подумал, что это все весьма глупый розыгрыш… Получается, что вы – наши потомки.

Господа офицеры, потом вы мне подробно расскажете о том, как вы живете в вашем будущем. Но не сейчас. В своем письме капитан 1-го ранга Кольцов пишет, что его отряд окажет нам всю посильную помощь, и что сегодня он намерен уничтожить вражескую эскадру и экспедиционный корпус у Бомарзунда. Может ли такое быть?

На этот раз императору ответил капитан Васильев.

– Ваше величество, все так и будет. Нам поручено, в случае вашего высочайшего соизволения, наладить связь между вами и капитаном 1-го ранга Кольцовым.

– У вас есть телеграфный аппарат? – опять удивился император. – Но как же вы свяжетесь с вашим командиром без телеграфной линии?

– У нас есть беспроволочный телеграф, – ответил капитан Васильев. – С его помощью можно разговаривать с человеком, находящимся за сотни верст отсюда. Наши связисты уже подготовили станцию к работе. Вот, ваше величество,

смотрите.

Васильев достал из кармана маленькую черную коробочку, нажал на какие-то кнопки и сказал, поднеся эту коробочку к лицу:

– Я Копылов, прием. Соедините меня с капитаном 1-го ранга Кольцовым. Здесь император России Николай Первый. Прием.

Он подождал немного, пока из коробочки не раздалось шуршание, и мужской голос, к огромному изумлению царя, произнес:

– Майор Копылов, здесь капитан 1-го ранга Кольцов. Прием.

– Боже милостивый! – воскликнул удивленный Николай. – Слышно так, словно человек находится в нескольких шагах от меня! Это просто чудо!

– Ваше величество, – Васильев повернулся к царю, – никаких чудес в этом нет. Просто у нас такая вот техника. И она будет теперь служить России.

– Майор, вы меня слышите?! Почему вы не отвечаете? – немного раздраженно повторил мужской голос из коробочки.

– Да, товарищ капитан 1-го ранга, прошу прощения, – ответил Васильев. – Сейчас с вами будет разговаривать император Николай Первый.

Капитан поднес коробочку к лицу самодержца и жестом показал ему, что надо говорить в нее.

Николай вздохнул и неуверенно произнес в коробочку:

– Здравствуйте, господин капитан 1-го ранга…

– Здравия желаю, ваше величество, – прозвучало из коробочки, – мне хотелось бы согласовать с вами план дальнейших совместных действий.

– Как я понял из вашего письма, господин капитан 1-го ранга, – уже смелее сказал в чудо-коробочку Николай, – вы намерены сегодня попытаться уничтожить англо-французский флот у Бомарзунда и деблокировать крепость?

– Именно так, ваше величество, – раздался голос из коробочки. – Сперва мы нанесем удар по флоту противника, уничтожим несколько кораблей и попытаемся принудить оставшиеся спустить флаги. А вот с высадившимися у Бомарзунда сухопутными силами англо-французов придется повозиться. Все же их там как-никак около двенадцати тысяч человек. И командует ими храбрый француз – генерал Барагэ д'Илье, потерявший руку в 1813 году, когда сражался под командованием маршала Мормона. Я сомневаюсь, что он захочет сложить оружие, он будет сопротивляться до конца.

На борту наших кораблей есть десантники, но их слишком мало, чтобы уничтожить и пленить весь англо-французский десант. Было бы неплохо, чтобы в ходе сражения из крепости Бомарзунд была бы сделана вылазка. Удара с двух сторон противник точно не выдержит. Только вот как сообщить генералу Бодиско об этом? И поверит ли он нашим посланцам?

– Я понимаю вас, господин капитан 1-го ранга, – немно-

го подумав, произнес император, – можно, конечно, послать ротмистра Шеншина, которого генерал Бодиско знает лично и не будет сомневаться в том, что приказ совершить вылазку передал именно я. Но как ротмистр доберется до Бомарзунда и передаст пакет с моим приказом? Может быть, вы поможете это сделать?

– Есть такая возможность, ваше величество, – ответил капитан 1-го ранга Кольцов. – На борту одного из наших кораблей находится вертолет – аппарат, способный летать по воздуху. Он сможет долететь, скажем, до Красной Горки. Там на его борт поднимется ротмистр Шеншин с вашим приказом, и вертолет доставит его прямиком в Бомарзунд. Думаю, что завтра утром он уже будет разговаривать с генералом Бодиско.

– Удивительно! – воскликнул император. – Но если такое возможно, то следует поступить подобным образом. Я немедленно напишу приказ генералу Бодиско. А вы, ротмистр, – он повернулся к Шеншину, – собирайтесь в дорогу. Вы станете первым из моих подданных, которые совершат такое удивительное путешествие! Прямо как на ковре-самолете…

– Ваше величество, – капитан 1-го ранга Кольцов продолжил свой разговор с императором по радиостанции, – после разгрома вражеского войска и флота при Бомарзунде мы намерены покончить и со всей объединенной англо-французской эскадрой. Она должна навсегда остаться на Балтике.

Корабли отряда атакуют основные силы противника, стоящие у Свеаборга. При этом неплохо было бы, если бы к нам присоединилась эскадра вице-адмирала Василия Ивановича Румянцева. Я полагаю, что такой опытный и храбрый флотоводец сумеет воспользоваться ситуацией и примет участие в сражении. Кроме того, следует уничтожить дозорные корабли, которые блокируют Кронштадт. В будущем морском сражении смогут поучаствовать корабли Балтийского флота, находящиеся в Ревеле. Мы поможем и им.

– Это было бы просто великолепно! – воскликнул император. – Британцы должны навсегда забыть дорогу в Балтийское море. К тому же, как я полагаю, после разгрома их флота здесь, на подступах к Петербургу, у них отпадет охота нападать на наши причерноморские владения и Крым.

Да и остальные наши недруги, которые сейчас поддерживают наглые притязания британцев и французов, тоже задумаются, стоит ли доводить дело до открытой войны с Российской империей.

Господин капитан 1-го ранга, я желал бы встретиться с вами лично. Понимаю, что у вас сейчас нет ни времени, ни возможности на подобную встречу. Но после деблокирования Бомарзунда вы, как я понял, направитесь в сторону Свеаборга. К тому времени я надеюсь тоже быть там и стану с нетерпением ждать вас, чтобы поздравить со славной победой.

– Ваше величество, – ответил капитан 1-го ранга Коль-

цов, – пусть у вас в качестве наших представителей остаются майор Копылов и капитан Васильев, которые будут поддерживать постоянную связь с моим отрядом. В свою очередь от них вы станете регулярно получать информацию о положении дел и о наших дальнейших планах.

А насчет нашей с вами возможной встречи – она просто необходима, потому что помимо могучего оружия, о котором никто в мире даже и не подозревает, мы обладаем знаниями о вашем будущем. Наши же люди могут поделиться со своими предками сведениями об изобретениях и открытиях, которые еще не сделаны.

Ваше величество, сторожевой корабль «Бойкий» уже вышел в сторону Гангута. Там он поднимет в воздух вертолет и будет ждать его возвращения. К моменту его появления у Красной Горки ротмистр Шеншин и наши представители должны быть там и обозначить свое присутствие. Вертолет заберет ротмистра и письмо от вас, после чего отправится в обратный путь. Чем быстрее мы установим связь с генералом Бодиско, тем успешней будет его вылазка, и тем меньше прольется русской крови.

– Да, господин капитан 1-го ранга, – ответил император, – я немедленно напишу письмо генералу Бодиско и отправлю к вам ротмистра Шеншина. Желаю вам удачи и надеюсь на благополучное завершение всего, что вы задумали. До свидания!

– До свидания, ваше величество, – прозвучал из черной

коробочки голос капитана 1-го ранга Кольцова.

Император с благодарностью кивнул майору Копылову, который все это время держал у лица Николая удивительное изобретение людей из будущего, и задумался. Ему было о чем подумать.

15 (3) августа 1854 года.
Ораниенбаум. Большой дворец
Майор Копылов Иван Викторович

Когда сеанс связи закончился, император какое-то время молчал, погрузившись в свои мысли. Молчание изрядно затянулось, и ротмистр, дабы привести Николая в чувство, тихо прокашлялся. Император вздрогнул, взгляд его стал осмысленным. Он подошел к нам. Лицо его снова приняло жесткое и волевое выражение.

– Так вот вы какие, наши потомки, – произнес Николай, – скорые в мыслях и решительные в делах. Скажите, как быстро этот ваш, как вы его называете, верто… верта…

– Вертолет, – подсказал я.

– Да-да, вертолет, – повторил император, – какое смешное название… Так вот, когда вертолет будет у Красной Горки?

– Думаю, что часа через три-четыре, ваше величество, – ответил я. – Точное время мне позднее сообщат по рации.

– Часа три-четыре, – задумался Николай. – Хорошо, пусть будет так. Тогда есть еще немного времени, чтобы обсудить наши планы. Я сейчас же напишу письмо генералу Бодиско.

В нем велю согласовать все его дальнейшие действия с капитаном 1-го ранга Кольцовым. Генерал – старый служака, и мой приказ он выполнит беспрекословно. Я предупрежу его, чтобы он выполнял все указания командующего вашим отрядом как мои собственные. К тому же с вами рядом будет ротмистр Шеншин, который с сего дня становится моим флигель-адъютантом.

– Я знал, Николя, – обратился он к ротмистру, который слегка опешил от такого приятного сюрприза, – что мой крестник не подведет меня. Я рад за тебя. Надеюсь дожить до того времени, когда смогу поздравить тебя генералом.

– Ваше величество, – напомнил я, – необходимо согласовать наши действия не только с гарнизоном Бомарзунда, но и с командующими российской императорской армией и флотом. Кроме того, необходим ваш указ о союзной России эскадре и о том, чтобы все военные и статские чиновники Российской империи оказывали нам всяческое содействие.

– Хорошо, – кивнул император. – Кроме того, я полагаю, что необходимо будет взять ваш отряд на довольствие.

– Да, ваше величество, мы хотели просить вас об этом, – сказал я. – Действительно, мы оказались оторванными от своих баз, и без снабжения нас продовольствием нам придется очень трудно.

Император, спохватившись, приказал принести нам чаю, а ему – бумагу, чернильницу и перо. Подумав немного, он четким, почти каллиграфическим почерком начал писать при-

каз генералу Бодиско. Закончив свое послание, Николай размашисто подписался, положил перо, посыпал бумагу песком и повернулся к нам.

– Господа, теперь надо решить еще один важный вопрос – как перевезти через Финский залив ваши боевые повозки. Ведь мы направимся в Свеаборг именно на них?

Я кивнул, подтверждая его слова. Николай озабоченно покачал головой.

– Но чтобы отправиться в Гельсингфорс, а оттуда в Свеаборг, надо оказаться на том берегу залива. А мне не хочется, чтобы ваши, как вы их называете, бронетранспортеры видели те, кому их видеть пока совершенно ни к чему. Потому мы должны попасть на дорогу, ведущую в Гельсингфорс, минуя Петербург. Я должен лично быть в Свеаборге, чтобы отдать приказ вице-адмиралу Румянцеву выступить навстречу вражескому флоту. Кстати, никто из вас не бывал в Свеаборге?

– Я там побывал, ваше величество, только в Свеаборгской крепости теперь музей, – улыбнулся я, вспомнив, как подростком ездил к своему дальнему родственнику, чей прадед, брат моего прапрадеда, еще в царские времена обосновался в Хельсинки.

В советско-финскую войну его дед угодил за решетку по подозрению в симпатиях к Советской России и просидел там до сорок четвертого года, когда Финляндия заключила перемирие с СССР.

Его правнук был первым в семье, кто женился на финке,

но дети все равно были крещены в православие и гордились своим казачьим происхождением. И первое, куда его дочери меня тогда повезли, была именно Суоменлинна – так в Финляндии теперь называется Свеаборг.

Я хорошо помню крепостные стены, а также небольшой заливчик у их подножия. Когда я сказал им, что хотел бы искупаться, да только вот не взял с собой плавок, мои финские родственницы захихикали и ответили, что, дескать, в Финляндии можно купаться и без них.

Послушавшись их, я разделся и нырнул в воду, неожиданно для меня оказавшуюся теплой. И тут с другой стороны заливчика, в двух-трех сотнях метров от того места, где я погрузился в воду, меня начали подбадривать бодрыми криками какие-то финские девушки.

И я поплыл туда – они побежали со мной знакомиться. Но узнав, что я по-фински ни бельмеса, девицы довольно быстро потеряли ко мне интерес. Я вернулся к своим родственницам, которые стояли бледные, думая, что я столько не проплыву и утону по дороге.

– Ваше величество, – сказал Женя, – наши боевые повозки неплохо плавают по воде и смогли бы отсюда своим ходом добраться до Кронштадта, а оттуда – до Лисьего Носа. Только это привлекло бы к ним лишнее внимание.

Поэтому было бы лучше, если бы сюда, к дворцу, из Кронштадта пароход привел бы баржу или плашкоут. Надо также захватить два старых паруса. Мы бы погрузили на баржи на-

ши бронетранспортеры, накрыли парусами, чтобы их не было видно, и переправились через залив.

Николай на мгновение задумался, а потом написал несколько строк на другом листе бумаги.

– Это будет немедленно передано по телеграфу в Кронштадт, – произнес он. – Оттуда вышлют баржу и пароход-буксир, с помощью которых мы попадем в Лисий Нос. А вот это, – он протянул другую бумагу ротмитстру Шеншину, – приказ генералу Бодиско. Указ относительно вашего отряда я подготовлю позже, равно как и инструкции для интендантов, – и император велел позвать сопровождавшего его офицера.

Штабс-капитану с аксельбантами флигель-адъютанта император велел отправиться на телеграфную станцию и оттуда передать в Кронштадт приказ о плавсредствах для наших бронетранспортеров. Кроме того, Николай дал команду держать в готовности курьерскую тройку для ротмистра Шеншина.

Потом он повернулся к нам.

– Господа, нужно ли что-то особое для прибытия вашего вертолета? – поинтересовался он.

– Ваше величество, – я в уме прикинул, как доходчиво объяснить императору о вещах, которые в нашем времени были известны даже пацану. – В первую очередь для посадки вертолета необходима ровная поляна, желательно побольше. Примерно футов триста-четыреста в диаметре.

– Господа, до Красной Горки примерно тридцать верст, – сказал император, – для курьерской тройки – чуть менее часа езды. И еще – сможем ли мы связаться с ротмистром, пока он будет находиться в вертолете?

– Так точно, ваше величество, сможем, – ответил я.

– Тогда, ротмистр, отправляйтесь немедленно, – скомандовал Николай. – С Богом, крестник! – император перекрестил Шеншина.

Тот поклонился, взял приказ для генерала Бодиско, отдал честь царю и, повернувшись через левое плечо, отправился во двор.

Я, с разрешения царя, вышел вместе с ротмистром из дворца и приказал одному из морпехов проехать с Шеншиным до Красной Горки, где подыскать подходящую поляну для приземления вертолета. При появлении «вертушки» он должен запалить сигнальную шашку и потом вместе с Шеншиным отправиться к Бомарзунду. Я незаметно передал морпеху карту памяти с миниатюрного диктофона, на которую записал наш разговор с императором. Полагаю, что капернгу Кольцову будет любопытно прослушать, о чем мы беседовали с Николаем.

Когда я вернулся во дворец, прибывший почти одновременно со мной флигель-адъютант царя передал Николаю телеграмму, полученную из Кронштадта. Император прочитал ее, поднял голову, посмотрел на нас и сказал:

– Господа, мне сообщают, что баржа и пароход прибудут

примерно через полтора часа. Как много вам понадобится времени, чтобы загрузить на баржу ваши бронетранспортеры?

– Если соорудить мостки, ваше величество, – прикинул я, – то не более получаса.

– Тогда у нас есть немного времени, – кивнул Николай. – Обстоятельно мы поговорим с вами во время перехода через залив. А пока не могли бы вы рассказать мне, как именно проходила война с англичанами и французами в вашем времени?

Женя поклонился царю:

– Вкратце, ваше величество, мы вам расскажем о войне, которую в нашей истории называют Крымской. А более подробно она описана в этой книге. Там есть и карты боевых действий.

И он достал из своего кейса книгу военного историка-эмигранта Антона Керсновского «История русской армии». Одна из ее глав была посвящена Восточной (Крымской) войне.

2 (14) августа 1854 года, вечер.
Борт БДК «Королев»
Командир отряда кораблей Балтийского флота
капитан 1-го ранга Кольцов Дмитрий Николаевич

Отправив ротмистра Шеншина на «Денисе Давыдове», я порылся в исторической литературе, чтобы узнать, какие силы англо-французского флота поддерживают десантный

корпус генерала Барагэ д'Илье, высадившийся на острове. Так вот, оказалось, что эскадра союзников была наполовину французской. Поддержку своему генералу оказывал отряд вице-адмирала Александра-Фердинанда Парсеваля-Дешена. Многие линейные корабли, стоявшие под стенами Бомарзунда и громившие крепость своей артиллерией, были французскими. Среди них оказались и такие гиганты, как стопушечный винтовой линейный корабль «Аустерлиц».

Наличие паровых кораблей позволило вражеской эскадре пройти узким проливом в так называемое Лимпартское озеро, и из тыла защитников Бомарзунда безнаказанно обстреливать их.

Завтра, в день именин императора Наполеона III, генерал Барагэ д'Илье и адмирал Парсеваль-Дешен решили предпринять генеральный штурм крепости. Точнее, даже не штурм, а массированную бомбардировку Бомарзунда, чтобы под градом бомб и ядер принудить ее гарнизон к капитуляции. Так, во всяком случае, и произошло в нашей истории. В этой истории мы подобного развития событий допустить не должны.

Я прикинул план действий. Первый удар необходимо нанести по вражеским кораблям, которые будут вести обстрел самой крепости. Это были паровые корабли, самые маневренные, а потому самые опасные. Разнести их в щепки огнем корабельной артиллерии – дело нехитрое. Мы можем, как на мишенях, расстреливать их с огромной по здешним

временам дистанции, не боясь получить обратку. Но нам надо беречь боеприпасы – на эскадре Парсеваля-Дешена не закончится флот интервентов. А воевать нам, похоже, придется еще много. Надо было придумать какой-то финт ушами, чтобы и врага победить, и боезапас не израсходовать.

Я еще раз посмотрел на карту. Итак, что мы имеем в наличии? Англо-французская эскадра разделена на две примерно равные по численности части. Одна из них, состоящая из кораблей с паровыми двигателями, завтра войдет через пролив в Лимпартское озеро, чтобы вести огонь по крепости. Пролив этот, между прочим, довольно узок и сложен в навигационном отношении. Если бы не толковый гидрограф британского флота Бартоломью Салливан, который, получив информацию от местных жителей, сумел исследовать этот пролив, промерить фарватер и поставить на нем вехи, то британцы, а за ними и французы, ни за что бы не нашли дорогу в Лимпартское озеро. А это значит…

Я вызвал вахтенного и приказал найти и направить ко мне капитан-лейтенанта Мишина – командира группы водолазов-разведчиков. По моему разумению, для наших «ихтиандров» нашлась подходящая работа.

Там же
Командир группы подводных пловцов
561-й ОМРП СпН Балтийского флота
капитан-лейтенант Мишин Павел Ильич

Перебравшись с «Дениса Давыдова» на БДК, я приказал своим ребятам перетащить наше имущество на «Королев». Работать надо было аккуратно, и присланных нам на помощь моряков десантного корабля мы вежливо поблагодарили и отправили восвояси. Ведь среди нашей снаряги есть такие девайсы, как УПМ (удлиненная прилипающая мина), в которой худо-бедно семь килограммов взрывчатки. Если бабахнет одна такая – мало не покажется. А у нас таких УПМ десятка три. Я прикинул, что будет с деревянным фрегатом, или даже линейным кораблем, если такой вот подарок из будущего рванет у него под днищем. К примеру, в стальном днище корабля толщиной пять-семь миллиметров она делает пробоину размером в пять квадратных метров.

Правда, может возникнуть некоторая сложность в закреплении этой мины, так как корабли в том времени, куда занесла нас нелегкая, были деревянными. Но если надо, то мы придумаем, как ее закрепить. А потом выдернул чеку в обоих взрывателях, и ходу. Время можно установить заранее. И снять ее, если даже инглизы обнаружат подобный сюрприз, невозможно – УПМ с двумя взведенными взрывателями неизвлекаема, сразу рванет, как только ее попробуют сдвинуть с места.

Были в нашем арсенале и другие хитрые штучки. Это, кстати, не только автоматы АДС и пистолеты СПП-1М для подводной стрельбы, ножи «Катран» и прочие вещи из арсенала «морских дьяволов».

Ну, а закончатся эти мины, сварганим что-нибудь сами. Ребята у меня в этом деле продвинутые – умеют не только стрелять и кости ломать.

В общем, подняли мы «сирены», «протеи» и прочее наше снаряжение, бережно уложили все в одном из уголков трюма БДК, а сами отправились по кубрикам, чтобы немного отдохнуть от трудов праведных. Но не тут-то было.

Только я собрался чуток прикемарить, как прибежал вахтенный, который передал мне распоряжение: прибыть к нашему, сегодня самому главному командиру – каперангу Кольцову. Зачем, для чего, он не знал.

Делать нечего – отправился я к новому начальству. И услышал от него такое, что у меня сон как рукой сняло. В общем, каперанг пояснил мне, что у моей братвы появилась работа по профилю. А именно заминировать и взорвать несколько вражеских кораблей. Сколько – неважно.

Главное же, чтобы взрыв произошел в тот самый момент, когда эти корабли будут проходить через пролив, ведущий в Лимпартское озеро. При этом взорвать корабли англо-французской эскадры – или один, самый крупный из них – надо так, чтобы он затонул в этом самом проливе, закупорив, как в бутылке, уже находящиеся в Лимпартском озере и обстреливающие крепость корабли. Было бы неплохо, если бы взлетело на воздух и несколько парусных линкоров, которые стоят на якорях у острова. И самое главное – все надо сделать к завтрашнему утру, когда враги начнут генеральный штурм

крепости.

Да, непростую задачку мне задал каперанг Кольцов. Только мы что – не русские, не сумеем сделать козью морду лягушатникам и инглизам?!

Собрал я своих хлопцев, рассказал им о поставленной перед нами задаче, и стали мы кумекать. Думали-думали и вроде придумали. Ну, а желающих закатить несколько УПМ под днища вражеских парусных линкоров оказалось предостаточно. Так что завтра мы оторвемся по полной. Держись, француз и британец!

Ночь со второго на третье (с четырнадцатого на пятнадцатое) августа 1854 года.
Борт БДК «Королев»
Командир группы водолазов-разведчиков
561-й ОМРП СпН Балтийского флота
капитан-лейтенант Мишин Павел Ильич

До самой полуночи мы обсуждали с ребятами в кубрике план завтрашней операции. А потом я пошел к каперангу Кольцову и рассказал ему о том, что мы надумали. Он просмотрел мои записи, похмыкал и вызвал по трансляции командира «Королева» капитана 1-го ранга Степаненко и капитана морпехов Сан-Хуана.

Увидев мой удивленный взгляд, Кольцов подмигнул мне:

– Павел, ты пойми, твои орлы – штучные бойцы, лучше них никто не сможет работать под водой и делать разные га-

дости англичанам и французам. Они еще не раз могут нам понадобиться. Тем более что для них на завтра основная работа – заминировать вражеские корабли, стоящие на рейде и обстреливающие крепость со стороны моря. Я знаю, что твои бойцы умеют воевать и на суше, но от них этого сейчас не требуется. Разведчики-морпехи смогут справиться с заданием не хуже твоих «ихтиандров».

Тут пришли капитан 1-го ранга Степаненко и дон Алехандро – так мои острословы, решив, что отчество «Хулиович» слишком уж неприлично, окрестили капитана Сан-Хуана. Командира «Королева» Кольцов сразу же озадачил, дав ему список необходимого для завтрашней операции снаряжения.

– Если что, – велел Кольцов, – вскрывайте контейнеры, которые предназначены для Венесуэлы. Чует мое сердце, что туда мы если даже и попадем когда-нибудь, то всяко не в качестве поставщиков современного вооружения. Да, пусть спустят на воду и катерок, который вы везете. Его пятьдесят узлов нам тоже могут весьма пригодиться.

Степаненко ушел, а мы с Кольцовым и доном Алехандро стали обсуждать план завтрашней баталии. Самое интересное, что капитан Сан-Хуан, разобравшись в моих набросках и выслушав меня, сразу же оживился и сказал, что все придуманное мною вполне выполнимо, и что его бойцы все сделают тип-топ. Только успеть бы подготовиться к бою, чтобы завтра утром быть уже на месте.

А диспозиция моя выглядела примерно так. Завтра, точнее уже сегодня, группа морпехов должна высадиться на острове Престэ. Судя по информации, полученной с беспилотника, французов и англичан на нем нет. Возможно, что его побережье патрулируют небольшие группы противника. Но надеюсь, они нам не помешают.

А вот наши на острове есть. У входа в пролив расположена башня, вооруженная двадцатью одним орудием и с гарнизоном из ста сорока человек. Командовал им поручик Шателен. Союзники пытались было высадить на острове десант и захватить башню, но ее гарнизон успешно отбил все атаки.

Башня находится в изоляции от главных русских сил. Сам остров практически необитаем. Дома и здание госпиталя, построенные на нем, были по приказу Бодиско сожжены еще в самом начале осады. Остров зарос густым лесом и кустарником, имеет скалистые берега, так что на нем можно было бы легко найти места для обстрела проходивших через пролив французских и британских кораблей. Причем обстрел можно было вести почти безнаказанно – сверху вниз, так что корабельные орудия вряд ли смогут на него ответить.

Однако мы не собирались долго возиться с вражескими кораблями. Наша основная задача – закупорить пролив, утопив в нем самый крупный из направлявшихся в Лимпартское озеро кораблей. Конечно, это как повезет. Но если все произойдет именно так, как мы спланировали, то затонувший корабль наглухо запечатает оставшиеся в этом озере ко-

рабли. Озеро, правда, соединяется с Балтийским морем протоками, но они неглубокие и полны опасных каменных банок и мелей. Без знания фарватера через них практически невозможно провести даже рыбачью лайбу. А спокойно промерять его мы, естественно, попавшим в ловушку вражеским кораблям не позволим.

Огонь по кораблю, который мы решим утопить в проливе, будут вести морпехи дона Алехандро. Из дальнобойных снайперских винтовок необходимо будет вывести из строя рулевых и корабельных офицеров, открыто стоящих на палубе. С учетом узости фарватера, убитый рулевой наверняка повернет резко штурвал, и корабль, рыскнув в сторону, выскочит на мель. Снайпера уложат и тех, кто сможет организовать снятие корабля с мели – командиров и старших офицеров. Ну, а потом практически в упор по вражескому кораблю отработают морпехи, вооруженные РПО «Шмель». Ведь не все они стреляют термобарическими боеприпасами (хотя и те, попав в борт деревянного корабля, наломают немало дров – как в прямом, так и в переносном смысле). Есть и такая жуткая вещь, как РПО-З, снаряженный зажигательным боеприпасом. А это покруче здешнего брандскугеля. Три-четыре выстрела в борт – и стопушечный линкор запылает, как пионерский костер.

Кроме «Шмеля» я еще хотел бы попробовать ПТРК «Корнет» и зафигачить в борт вражеского корабля пару ракет с тандемно-кумулятивной, фугасной и термобарической БЧ.

Дальность стрельбы позволит, а с танками нам все равно вряд ли придется здесь воевать. В общем, потренируемся на франках и инглизах.

Стрельбами на суше займутся морпехи дона Алехандро. То-то он сидит такой довольный. Это не беззащитные фанерные мишени на полигоне на атомы разносить. Азартный этот Сан-Хуан, прямо настоящий тореадор… или матадор… Я плохо в этих испанских тонкостях разбираюсь.

Для моих же ребят основная задача – уничтожение кораблей, стоящих на рейде. Я выделил для минирования три группы. Выбирать следует самые крупные и оснащенные винтами. И надо обязательно помножить на ноль стопушечный «Аустерлиц». Нефиг лягушатникам иметь в составе своего флота корабль с таким именем!

Лично я и мой напарник – лейтенант Олег Веселов – займемся очисткой берега острова Престэ перед высадкой там группы морпехов капитана Сан-Хуана. Беспилотник обнаружил на острове засаду из десятка то ли французов, то ли англичан, которые затаились среди деревьев у протоки. Опасался я только одного – встречи с нашими, ведь с башни вполне могут выслать казачков для несения сторожевой службы. А в темноте их можно легко перепутать с врагами. Или они, увидев наши раскрашенные тактическим макияжем рожи и маскировочные костюмы «Кикимора», перепугаются да и шум поднимут. Хорошо бы к этому времени вернулся ротмистр Шеншин. Но, как я понял, он вряд ли успеет

это сделать.

Мы подвели итог нашему совещанию, и я машинально посмотрел на часы. Времени до начала операции оставалось всего ничего. Так что все придется делать в спешке.

Я попрощался с каперангом Кольцовым и вышел на палубу «Королева». У борта БДК уже был отшвартован патрульный катер проекта 03160, именуемый в узких кругах «Раптором». Вот на нем-то мы и отправимся к острову Престэ, чтобы начать истребление вражеского флота, нагло запорошегося к нам на Балтику. Ишь чего надумали эти франко-бритты – на русских переть! Надо их отучить от таких хулиганских замашек.

Ночь со второго на третье (с четырнадцатого на пятнадцатое) августа 1854 года.
Балтика. Контейнеровоз «Надежда»
Капитан Никольский Виктор Юрьевич

Ну не люблю я, когда все делается впопыхах. Как известно, спешка нужна лишь в двух случаях – при ловле блох и при поносе. А в этот раз мое начальство словно поголовно все больно диареей и педикулезом. Оно выпихивало меня в море чуть ли не пинками, невзирая ни на какие возражения. Якобы наш груз с нетерпением ждут на Севере, и без него не будет полностью выполнен план по Северному завозу. О чем эти умники раньше думали-то?!

В общем, загрузили нас в Усть-Луге контейнерами и ска-

зали, что нам еще надо будет зайти по дороге в Калининград и взять там десятка два контейнеров для строящихся в Заполярье – наших военных объектов. Это в довесок к тому армейскому грузу, который мы уже погрузили в Усть-Луге. Учитывая, что мы взяли на борт всего четыре сотни контейнеров, какие-то два десятка для нас просто пустяк. «Надежда» легко поднимает и больше. Мой грузовой помощник, Лева Зайдерман, сказал, что все будет нормально. Вот только меня немного озадачило, что для охраны военных контейнеров в Калининграде мне придется взять охрану ценного и секретного груза – отделение морпехов. Хотя для них мы тоже найдем место.

Но до Калининграда нам дойти было не суждено.

Началось все с того, что буквально накануне выхода в море с приступом аппендицита загремел в больницу наш судовой радист. Нового найти нам было просто некогда. Начальство успокоило меня, сказав, что радиста нам дадут в Калининграде, а пока мы должны обойтись своими силами.

– Виктор Юрьевич, – сказали мне, – ваш старший электромеханик, если что, вполне справится с радиостанцией. Да и нужна ли вам она сейчас – ведь можно в крайнем случае воспользоваться спутниковой связью. А в Калининграде у вас будет новый радист, с которым вы и отправитесь в Мурманск. Так что все будет хорошо.

Ага, хорошо… Накаркали, такие разэтакие! На траверзе Таллина у нас неожиданно вырубилась радиостанция. А

также все прочие виды связи, и ГЛОНАСС с GPS в придачу. И что удивительно – вся остальная электронная аппаратура работала нормально. Авторулевые рулили, на экране проложен маршрут, на телеграфе выставлена скорость. Алармы, как и положено, звонили, если корабль отклонялся от курса. Старший электромеханик Федя Борисов лишь разводил руками – дескать, и рад бы я помочь, да не могу. Радиостанция – это не моя стихия.

Озадачило меня и то, что встречные корабли все словно куда-то подевались. Балтийское море – место оживленное, тут только смотри по сторонам, как бы с кем не столкнуться. А тут словно шаром покати. Даже как-то стало не по себе.

Во избежание неприятностей я приказал сбавить ход, идти осторожно и вести визуальное наблюдение. Кто знает, если вдруг сдохли средства связи, то вслед за ними могут вырубиться и прочие электронные девайсы.

Наблюдатели проглядели все глаза, обшаривая окружающее с помощью бинокля, но никаких кораблей на горизонте так и не было обнаружено. Лишь один из них заметил на горизонте что-то вроде паруса. Причем паруса не прогулочной яхты, а полноценного трехмачтового корабля. Странно это все…

Старший электромеханик тем временем пытался наладить радиостанцию, но у него это что-то очень плохо получалось. На выделенных нам диапазонах мы слышали лишь шипение и треск.

К тому времени уже начало смеркаться, и я решил стать на якорь. Ведь говорят, что утро вечера мудренее. А пока я собрал в кают-компании совещание всего нашего комсостава. Люди они опытные, много чего повидавшие в жизни, и вполне вероятно, они наверняка могут подсказать мне что-то толковое.

Мой старший помощник Михаил Иванович Гордеев сказал, что его тоже очень беспокоит происходящее.

– Знаешь, Юрьич, – он почесал небритый подбородок, – боюсь, что в мире произошло что-то нехорошее, из-за чего и связь пропала, и корабли куда-то все попрятались. Ведь посмотри, что вокруг творится такое…

– А что именно творится? – поинтересовался грузовой помощник капитана Лева Зайдерман. – Вот у нас сейчас в Одессе, после всех этих бандеровских скачек, полный бардак. А в России пока вроде нормально. Прибалтийская же мелюзга, которая устроила тут на днях военные игрища, вроде бы уже расползлась по своим шконкам.

– Все это так, – ответил я. – Только что-то на душе у меня неспокойно. Действительно, что произошло? Куда пропала связь – ведь если допустить, что судовая радиостанция накрылась медным тазом, то спутниковая связь должна работать. Ну не может быть такое по теории вероятности!

– Возможно, стоит попробовать полазать по всем радиодиапазонам? – подал идею старший электромеханик. – Мне почему-то кажется, что радиостанция в полной исправности.

Надо выйти на частоты, предназначенные для военных и для экстренных сообщений. Может быть, неподалеку есть такие же, как и мы, бедолаги. Глядишь, они объяснят, что произошло.

Мы еще посидели, посовещались и разошлись по своим каютам. Но поспать мне не удалось, тем более что от разных нехороших мыслей у меня весь сон куда-то пропал. Через час в мою каюту без стука влетел ошарашенный Федя Борисов.

– Товарищ капитан, Виктор Юрьевич! – заорал он. – Тут, оказывается, такое творится!.. Такое!..

– Да не кричи ты, – остановил я его, – можешь толком объяснить, что удалось узнать?

Я налил в стакан воды и протянул его взволнованному старшему электромеханику. Тот выпил ее в два глотка и, немного отдышавшись, начал свой рассказ.

Вернувшись в радиорубку, Федя включил радиостанцию и, как он и говорил, начал тщательно прочесывать все диапазоны. На одном из них он услышал русскую речь. Оказалось, что в эфире находится радист с учебного корабля Балтийского флота «Смольный». И не только он один. Но самое главное, удалось узнать от «смолянина», что каким-то невероятным образом произошел провал во времени, и в прошлом оказалось несколько наших боевых и вспомогательных кораблей, а также танкер «Михаил Ульянов».

– А в каком хоть веке мы оказались? – не выдержав, пе-

ребил я рассказ электромеханика. – Надеюсь, не в Средние века попали, и к нашему борту сей момент не причаливают дракары с облопавшимися мухоморами викингами?

– Нет, Виктор Юрьевич, – ответил мне уже успевший прийти в себя Федор, – оказались мы в одна тысяча восемьсот пятьдесят четвертом году от Рождества Христова. Россия воюет с Англией, Францией и Турцией. Ну, в общем, идет Крымская война. И на Балтике вместо дракаров разбойничают английские и французские линейные корабли, фрегаты и корветы.

– Вот как? – удивился я. – Значит, нам несказанно повезло в том, что мы случайно не напоролись на вражеские корабли. Хотя, учитывая нашу скорость, мы бы от них сумели уйти. Но все равно хорошего мало.

– Это да, – Федя криво ухмыльнулся и взглянул в иллюминатор. – Вы, товарищ капитан, приказали бы потушить все наружные огни и задраить иллюминаторы. А то на свет приползет к нам какой-нибудь британский фрегат, да и устроит тарарам. Вон, «Михаил Ульянов» от такого разбойника заморского еле-еле спасся бегством. Хорошо, подоспел пограничный сторожевик «Выборг» и дал британцу укорот.

– Надо бы мне с командиром «Смольного» переговорить, – сказал я. – Пусть он пришлет к нам какой-нибудь боевой корабль, чтобы тот взял нас под охрану. Ведь наш ценный груз теперь стал вообще бесценным. У нас в контейнерах имущество и оборудование для Северного завоза, а это и

дизель-генераторы, и транспорт, и разные приборы, станки – словом то, чего нет в XIX веке, и вряд ли в ближайшее время появится. Надо будет попросить Леву Зайдермана просмотреть все коносаменты и составить список грузов, которые у нас на борту. А пока пойдем в радиорубку. Я хочу лично переговорить с командиром «Смольного».

15 (3) августа 1854 года, утро. Остров Престэ
Капитан морской пехоты
Александр Хулиович Сан-Хуан

Высоко над головой у меня чирикала какая-то лесная птичка. Пахло сосновой хвоей, грибами и вереском. На востоке, за грядой каменных лбов и небольших рощиц, в бинокль можно было увидеть силуэт башни «Z», или, как ее еще называли, башни Престэ. Солнце уже появилось на небосклоне. Было тихо и спокойно, словно люди еще вчера не стреляли и не убивали друг друга. Но скоро опять загрохочут пушки и ружья, польется кровь, и для кого-то этот день станет последним.

Когда-то давно я с родителями ездил в Карелию, на Онежское озеро, и там все было почти так же – и прозрачный душистый воздух, и августовский рассвет, и пение птиц… Вот только вид был совсем другой – бескрайние онежские просторы и силуэты деревянных церквей, срубленных без единого гвоздя.

Сейчас же передо мной была мутная протока между дву-

мя островами. Справа, если посмотреть в сильный бинокль, можно было увидеть вражеские корабли, стоящие на рейде у крепости Бомарзунд. Как ни странно, среди них было несколько изящных яхт с английскими штандартами. На палубе некоторых военных кораблей я заметил суету. Из длинных труб повалил черный дымок – видимо, механики готовили к походу паровые машины. Похоже, что они скоро начнут выдвижение к проливу, чтобы проникнуть в так называемое Лимпартское озеро, чтобы с тылу громить цитадель и башню «U», или башню Нотвик, где держал оборону поручик Яков Зверев. А с сухопутья французы, захватившие башню «C», или башню Бреннклинт, устанавливают сейчас осадную батарею, которая начнет с тыла громить цитадель. Так, во всяком случае, произошло в нашей истории.

Но с нашим появлением здесь все пойдет несколько подругому. Мы покажем этим хвастливым лимонникам и лягушатникам, что на каждую хитрую тетку с резьбою найдется дядька с винтом. Они ведь даже не подозревают, что из охотников, приехавших из-за моря на увлекательное сафари, их уже превратили в дичь.

Высадилось нас здесь всего три десятка. Но вооружены мы, как говорится, до зубов. Согласно диспозиции, десяток моих бойцов со «шмелями» и бесшумными крупнокалиберными снайперскими винтовками «Выхлоп» разместились на берегу, спрятавшись за огромными каменными валунами. Пулеметчики и группы, вооруженные ПТРК «Корнет», рас-

положились повыше, оборудовав позиции, с которых можно уверенно расстреливать проходящие мимо корабли. А на самых высоких точках острова расположились снайперы с винтовками 6С8. Их задача – хорошенько почистить палубы вражеских кораблей. Я же буду командовать всем этим оркестром и в случае чего вызывать подмогу.

Катер, высадивший нас на рассвете на этом острове, уже, наверное, причалил к борту «Королева» и стоит, готовый принять группу поддержки и отправиться с нею к нам. А равно снять нас с острова после выполнения поставленной перед нами задачи. Вряд ли мне придется пострелять самому. Задача командира – командовать, а не отстреливать вражеских солдат. Но на всякий пожарный рядом с радиостанцией передо мной лежал «калаш» с подствольником.

Когда-то давно родители моего приятеля привезли мультисистемный телевизор и мультисистемный же видак, а также кучу англоязычных кассет. Приятель мой в английском почти ничего не понимал, зато довольно быстро отобрал те фильмы, где мелькали голые женские задницы и сиськи. Время от времени, когда его родители были в отъезде, он приглашал нас на просмотр того или иного фильма. Сиськи я уже тогда предпочитал рассматривать вживую, а вот свой английский попрактиковать всегда было интересно.

И однажды я увидел ленту под названием «Kentucky Fried Movie», первый фильм авторов «Самолета» и «Голого пистолета». Большая часть этого фильма была откровенной па-

родией на фильмы с участием Брюса Ли. К главному герою приходят двое чуваков из английского правительства и просят его исполнить одно задание, присовокупив, что его правительство будет ему за это очень благодарно. На это тот отвечает, дескать, он не признает правительства и служит высшему существу. «Да, но вы сможете убить не менее двадцати человек!» – говорят ему британцы. После чего тот с радостью согласился выполнить задание.

Убивать как самоцель – это не для меня, а вот первое боевое задание – очень даже для меня. Ведь ни в Чечне, ни в Грузии мне повоевать не удалось. Год назад я попробовал отпроситься «в отпуск», чтобы съездить на Донбасс к «кузену». Но мне доступно, на «командном матерном» разъяснили, чтобы я не лез туда, куда кобель свои причиндалы не совал, и что откуда у помеси испанцев с кубинцами может быть кузен на Донбассе. Мне еще присовокупили, что если я отправлюсь туда в самоволку, то могу уже оттуда не возвращаться. И моя карьера в качестве командира морской пехоты дважды Краснознаменного Балтфлота накроется медным тазом.

Никогда я бы и не подумал, что мое боевое крещение состоится здесь, на Балтике, на Аландах, да еще в XIX веке.

А на остров Престэ мы высадились, как только начало светать. «Раптор», выгрузив нас, забрал двух «ихтиандров» со всей их снарягой. Как я и просил, Паша Мишин оставил в живых одного из обнаруженных им французов – мне

хотелось попрактиковать французский, ну, и заодно узнать, вдруг у лягушатников появились какие-то еще неизвестные нам планы.

Увы, но сержант, который командовал французским секретом, к тому времени уже превратился в «груз двести». Ну, тут все понятно – разбираться с лягушатниками нашим «ластоногим» пришлось ночью, в спешке, и у них просто не было ни времени, ни возможности спрашивать у каждого из них: «Ты носорога?» Тут требовалась ловкость рук и быстрота. Так что трофеем, который они оставили мне, оказался рядовой, ожидавший меня спеленатый, как младенец, с ужасом на лице, скотчем на пасти и, судя по запаху, как младенец же, наложивший полные памперсы «повидла».

Оказалось, что рядовой сей по-французски говорит намного хуже, чем я. Но акцент его показался мне смутно знакомым. Дело в том, что моя прабабушка была из басков и с моим дедом говорила в разные дни по-испански и по-баскски. Мой дед делал то же самое со своими сыновьями, и мой отец точно так же заставлял меня говорить по-баскски хотя бы раз в неделю. А когда я ездил к деду, так тот вообще переходил на баскский.

Может быть, именно поэтому мне так легко даются языки – ведь я с детства знал не только русский, но и испанский, баскский и даже немного шведский – у моей мамы были и шведские корни. И детей своих, когда они у меня появятся, я тоже буду учить всем этим языкам. Но сейчас я поблагодарил

Господа за знание именно баскского.

Я спросил у вонючки:

– Zara euskal? – Ты баск?

Тот встрепенулся и затараторил на этом языке. Оказалось, что звали его Арратс Эзкибел, и происходил он из провинции Лапурди во французской части баскского региона. Он попросил меня как земляка спасти его от этих страшных русских, которые на его глазах убили всех его товарищей.

Он честно рассказал мне все, что слышал и что знал. Но, увы, ничего интересного я от него не узнал. Разве только то, что других секретов у французов, по его словам, на острове не было – после неудачной атаки на башню Престэ здесь оставили только его отделение, а остальных отправили обратно, на ту сторону пролива. И он так жалостливо смотрел на меня, что я решил не убивать беднягу, сказав ему, чтобы сидел тихо и не рыпался. Я снова заклеил ему рот скотчем и привязал его к дереву у места нашей высадки.

Теперь мне оставалось только ждать, когда вражеские корабли войдут в пролив и подставят под наш огонь свои борта. А потом начнут взрываться корабли на рейде. Пашины «ихтиандры», наверное, уже заминировали какие-то из них. Про один Паша мне сказал – это был стопушечный «Аустерлиц». Сказать честно, и мне не нравилось его название. Наполеон III специально направил его на Балтику, чтобы продемонстрировать нам свое превосходство. Дескать, мы вам, варвары, устроим новый Аустерлиц! Сидите там в вашей ди-

кой Московии и не рыпайтесь!

Тем временем корабли, которые должны были войти в пролив, снялись с якоря и начали движение. Я не знал, кто есть ху, и рассматривал их в бинокль, стараясь прочитать названия. Но расстояние было пока слишком большим, а названия обычно писали на корме. Первым шел небольшой колесный пароход. Двигался он тихо – фарватер хотя и провешен, но был очень узким, и малейшее уклонение в сторону грозило посадкой на мель.

Этот корабль я велел пропустить. Нашими целями должны были стать два последних корабля.

Один из них был фрегат «Леопольд» под английским флагом. Второй – винтовой линейный корабль «Амфион», который тоже шел под тем же флагом. Я решил – начнем с британцев. А по французам – по остаточному принципу. Дождавшись, когда последний в колонне корабль вошел в пролив, я произнес в микрофон радиостанции: «Внимание!» – а потом, спустя секунд десять: «Начали!»

Первыми заработали снайперы. Сначала были убиты рулевые и сигнальщики, сидевшие на марсах и наблюдавшие за берегом. Последние были опасны для нас тем, что они сверху могли обнаружить наши огневые точки и сообщить о них командирам кораблей.

Крупнокалиберные пули разрывали тела людей на части. Шум паровых двигателей заглушал выстрелы обычных снайперских винтовок, «выхлопы» же работали бесшумно. На

«Амфионе» рулевой, которому пулей разнесло голову – в бинокль мне хорошо были видны подробности, – упал, резко повернув при этом штурвал. Фрегат рыскнул в сторону и выскочил носом на мель. От удара несколько человек упали за борт, а оставшиеся на палубе повалились с ног.

В этот момент двое морпехов со «шмелями» высунулись из-за камней и с расстояния каких-то ста метров выстрелили по фрегату. Термобарическая ракета влетела в открытый пушечный порт «Амфиона» и взорвалась там. Похоже, что вслед на БЧ сработали и лежавшие у корабельных пушек пороховые заряды. Палуба «Амфиона» вспучилась от внутреннего взрыва. Вторая ракета – зажигательная, попала в борт корабля. Полуразбитый корабль охватило пламя.

Не жилец, подумал я. Потушить его команде вряд ли удастся. Если что, добавим по нему еще из «Корнетов».

– А теперь по следующему! – скомандовал я в микрофон.

«Леопольд», которому пока доставалось лишь от снайперов, попытался оказать сопротивление. К его штурвалу подбегали все новые и новые матросы. Их убивали, но к рулю корабля, разъезжаясь ногами по скользкой от крови палубе, бежали очередные смертники. Я даже немного зауважал лаймиз. Впрочем, я их понимал. Потеряв управление, фрегат превратится в плавучую – мишень, которая в этом проливе будет гарантированно уничтожена. Наглядным примером тому стал горящий «Амфион». Надо было побыстрее уконтропупить этого «кота Леопольда».

– Ну-ка, ребята, – скомандовал я, – зафигачьте ему пару «корнетов» в бок!

Операторы взяли на сопровождение фрегат, а потом произвели два пуска. Ракеты, вылетев из пускового контейнера, развернули свои четыре складных руля и по наведенному на борт «Леопольда» лазерному лучу помчались к цели. Первая ракета с тандемной боевой частью воткнулась в борт фрегата. Лидирующий заряд проломил борт корабля, а основной кумулятивный заряд взорвался на пушечной палубе «Леопольда». В отличие от «Амфиона», внутренний взрыв оказался не таким мощным, но начавшийся внутри фрегата пожар не оставил британцам никаких надежд на спасение. Вторая ракета, стартовавшая секунд на пять позже, была оснащена термобарической боевой частью. Она попала в борт корабля и, взорвавшись, проломила в борте «Леопольда» огромную дыру. Пожар усилился, и вскоре два огромных костра пылали у входа в – пролив.

Ну, вот, вроде и все. Финита ля комедия…

Но, как оказалось, был отыгран лишь первый акт спектакля «Гибель эскадры».

15 (3) августа 1854 года, утро.
Остров Престэ
Эрик Сигурдссон, охотник команды гарнизона
российской крепости Бомарзунд

Никогда я не думал, что стану воевать за русских. Нет, я

ничего против них не имею – люди как люди, не хуже некоторых шведов, живущих в Скарпансе. Ни они нас не трогают, ни мы их. Правда, дед мой с ними воевал. Давно это было, когда меня еще не было на свете. Тогда старый король нами правил, Карл XIII.

Много шведы воевали с русскими, но та война между ними стала последней. Мой дед дрался храбро. В 1809 году, при Гриссегаме, отряд его был разбит русским генералом Кульневым. Дед попал в плен. Он – думал, что ему настал конец и русские загонят его в Сибирь, где, как говорят, волки величиной с медведей, а медведи – со слонов. Только все оказалось все по-другому. – Отпустили моего деда домой. Отпустил лично генерал Кульнев. Дед рассказывал, что на вид этот русский был страшный, как тролль из горной пещеры. Но на деле оказался добрым. Как узнал он, что деда на Аландах жена ждет с маленьким сыном, так и сказал ему: «Ступай, Юхан, домой к супруге, больше с русскими не воюй, все равно от войны шведов с Россией ничего хорошего не получится». А еще на прощанье подарил деду серебряную чарку, добавив при этом: «Придешь домой – выпей за мое здоровье».

Вот так все и случилось. Пришел дед домой, выпил на радостях «аквавиту», поднял тост и за русского генерала Кульнева. А потом Россия и Швеция мир заключили, и острова наши стали российскими. Дед рыбачил, сына вырастил – отца моего. Потом и я родился. На острове нашем русские ста-

ли крепость строить. Город рядом с ним рос, русским требовалось продовольствие, материалы – в общем, много чего.

Так продолжалось пару десятков лет. Однажды, когда мне было уже двадцать, отец мой на рыбачьей лайбе вышел в море и не вернулся. Как раз в это время сильные штормы были на Балтике. И старшим мужчиной в семье стал я. На скопленные отцом деньги я купил баркас, сеть, стал ловить рыбу и продавать ее в Скарпансе.

Так продолжалось до начала этой проклятой вой-ны. Поначалу, как мне сначала показалось, меня война не должна была касаться. Русские пусть сражаются с кем они хотят, а мы, шведы, будем нейтральными. Мы уже навоевались – от викингов до сумасшедшего короля Карла XIII.

Но вышло все не так. Англичане и французы, которые вошли в Балтийское море, сперва говорили, что они пришли освободить нас – шведов и финнов – от русских угнетателей. Так, во всяком случае, писали в газетах, которые выходили в Стокгольме. Но нас-то они не спросили – хотим ли мы освобождения или нет?

А пока они начали освобождать наши карманы от денег. Мой баркас в море остановил патрульный паровой корабль под британским флагом. Матросы забрали всю пойманную мною рыбу, отняли кошельки у меня и двух моих матросов. А один англичанин, противный такой, рыжий, со сломанным носом и шрамом на левой щеке, забрал и серебряную чарку моего деда – подарок генерала Кульнева. И еще нагло рас-

смеялся мне прямо в лицо, дескать, ни к чему шведской деревенщине такие дорогие вещи, водку хлестать можно и из глиняной кружки.

Ох, и разозлился я тогда. Готов был того британского наглеца на куски разорвать. Спасибо, мои матросы удержали, а то пристрелили бы меня те сволочи прямо в моем же баркасе.

Вернулся я домой, посидел, подумал, взял старое охотничье ружье, пороховницу, мешочек с пулями, ножик, попрощался с матерью и отправился в русскую крепость проситься, чтобы они разрешили мне вместе с ними воевать против англичан. И таких, как я, набралось с полторы сотни. Видно, многим стали поперек горла эти заморские «освободители».

Направили меня и еще трех «охотников» – так русские называли волонтеров, которые служат у них – в каменную башню на острове Престэ. Командовал там поручик Шателен. Несколько раз французы и британцы пытались высадиться рядом с башней, но мы им не дали это сделать. И мне пришлось по ним пострелять. Скажу честно, поначалу не очень-то хотелось убивать людей, которых я и знать-то не знал. Но тут вспомнил я наглую рожу того рыжего подонка, который у меня чарку дедову забрал, и такая злость меня взяла… В общем, несколько французов (или британцев – бог знает, кто это был) я застрелил.

А потом подошли вражеские корабли с десантом. И понял я, что крепости нам не удержать. Слишком мало нас, и слиш-

ком много неприятеля. Были у нас и пушки, только некому было стрелять из них. Но мы, шведы, не сбежали, не бросили русских. За эти дни мы стали с ними почти как родные.

Вчера же вечером вызвал меня и двух моих земляков поручик Шателен. И сказал он нам:

– Ребята, надо сходить на разведку. Чувствую, что на завтра французы что-то готовят. Может быть, они снова попытаются высадиться на острове. А кто, как не вы, знает в округе каждую тропинку, каждый камень!

И еще велел поручик, чтобы мы зазря не рисковали, больше смотрели и запоминали. Ежели увидим неприятеля – в бой не вступать, а тут же бежать в башню и обо всем ему доложить.

Отправились мы в разведку глубокой ночью. Хотя и темно было – хоть выколи глаз, только действительно знали мы остров Престэ, как деревенский пьяница дорогу в корчме. Выбрались мы из башни и пошли на юг. Знал я там одно место, с которого утром можно будет увидеть все, что происходит на острове. Если кто и высадится, то мы непременно увидим.

Забрались мы на эту горушку и сидим – ждем, когда начнет светать. Дремлем по очереди, чтобы нас враги не захватили врасплох.

И вот, как только небо на востоке зарозовело, начал я выглядывать все вокруг, пытаясь разобраться в предрассветном тумане, что к чему.

Показалось мне, что у самого берега моря что-то вроде движется. Решил я подойти поближе, посмотреть. Разбудил я своего приятеля – соседа Карла, который вместе со мной пошел в охотники – и сказал ему, что надо бы спуститься и осмотреть, что там внизу шевелится. А второму земляку – Гуннару – велел на месте оставаться и за всем вокруг наблюдать. Если же что с нами случится, то сразу же бежать со всех ног в башню и рассказать обо всем поручику Шателену.

В общем, стали мы с Карлом тихо, будто кабанов скрадываем, спускаться к морю по тропке. Оружие, как положено, мы зарядили, так что эти проклятые британцы нас так просто не возьмут. Спустились мы и в предрассветных сумерках увидели такое, что у меня даже волосы на голове зашевелились от ужаса.

А увидели мы, что тени, которые я заметил в предрассветном тумане, были не тенями, а живыми людьми. Тогда еще живыми людьми. Сейчас же они все были уже мертвые. Кто-то безжалостно прикончил их – кому перерезали глотку, кому всадили пулю в лоб. Причем все было сделано так тихо, что ни я, ни мои спутники ничего не услышали. Ни стона, ни выстрела. А слух у меня с детства был хорошим.

Мы с Карлом переглянулись. Я увидел, что он был бледен, как бумага, и руки у него тряслись, как у столетней старухи. Да и меня, если сказать честно, била дрожь, а по спине ручьем тек холодный пот.

Не сговариваясь, мы стали пятиться, желая побыстрее уй-

ти с этого страшного места. Я так и не разобрал, кто это сделал. Ясно было лишь то, что убитые – французы, это я понял по их красным штанам и синим мундирам.

Вот так, едва живые от ужаса, мы добрались до того места, где нас ждал Гуннар, который тоже был перепуган до смерти. Пока мы отсутствовали, он заметил две странные фигуры, промелькнувшие мимо него ярдах а семидесяти. По словам Гуннара, выглядели они как сказочные тролли – на них были как бы – мохнатые шкуры, лица разрисованы черными и зелеными полосами, а в руках эти чудовища держали какое-то странное оружие. Они тихо переговаривались между собой, и как успел расслышать Гуннар, вроде бы на русском языке.

У меня на поясе висела заветная медная манерка со шведской картофельной водкой. Я дал своим приятелям сделать по глотку, потом выпил сам. Водка огненным шаром провалилась мне в желудок. Меня перестало трясти, и мысли стали более-менее связными. Мы спрятались за камнями и стали внимательно смотреть за тем, что происходило на острове. А происходило там много чего интересного.

«Троллей» – так я стал называть людей в шкурах, было не более тридцати. Правда, потом, когда я их как следует рассмотрел, оказалось, что они одеты не в звериные шкуры, а в просторные балахоны, к которым были пришиты какие-то тряпочки и веревочки. Эти «тролли», посовещавшись о чем-то, разбрелись по острову и стали устраиваться вдоль берегов пролива, отделявшего Большой Аланд от острова Пре-

стэ.

Как мы поняли, они готовились дожидаться, когда в пролив, как обычно, войдут английские и французские корабли, чтобы громить из орудий русские укрепления со стороны Лимпартского озера. Вот только чем эти «тролли» собирались воевать с многопушечными вражескими кораблями? Неужели своими странными ружьями, или трубами, которые таскали за спиной и устанавливали на треногах?

На кораблях французской и английской эскадры уже сыграли подъем. Матросы быстро позавтракали, после чего стали готовиться к походу. Задымили трубы паровых машин, засвистели боцманские дудки, а матросы стали с дружным уханьем вращать брашпили, выбирая якоря. Как я понял, в пролив собрались проследовать пять паровых кораблей, в том числе два больших, стопушечных. Мы знали, что башня Нотвик уже который день подвергается сильному обстрелу. Она уже почти вся разрушена, а у ее защитников кончался порох, да и большинство орудий было подбито. Похоже, что защитникам этой башни сегодня придется нелегко.

Первым к входу в пролив отправился небольшой колесный пароход. За ним еще два. Последними же шли два больших винтовых корабля, как мне показалось – фрегат и линейный корабль. «Тролли», за которыми мы наблюдали из-за укрытия, насторожились, словно охотничьи собаки, почуявшие дичь. Видимо, они каким-то образом получали команды от своего командира, хотя мы их и не слышали.

Вскоре все пять вражеских кораблей вошли в пролив. Это было красивое зрелище. Они шли, нет, даже скорее плыли, как лебеди по глади моря, без парусов, движимые только своими машинами. Шли они медленно, ориентируясь по вехам, которые установили британцы в проливе на фарватере недели три назад. Первый пароход осторожно подошел к входу в пролив, сделал поворот и пошел в сторону Лимпартского озера. За ним в пролив свернул второй пароход, потом третий, четвертый…

И вот тогда-то все и началось. Неподалеку от того места, где мы сидели, раздался странный звук – словно кто-то негромко хлопнул в ладоши. Повернув голову, я заметил шагах в тридцати от нас лежавшего на земле «тролля». Он глядел в какую-то трубку, прижимая к плечу странное оружие, ствол которого напоминал трубу самовара. Вот он дернулся – видимо, снова выстрелил – что-то сделал правой рукой и потом выстрелил еще раз. Он стрелял не перезаряжая свое оружие! Удивительно…

Карл дернул меня за полу морской куртки и указал рукой на пролив. Я посмотрел на концевой английский военный корабль. Палуба его на корме была залита кровью. Рядом со штурвалом валялось несколько растерзанных трупов. Неуправляемый корабль резко свернул с фарватера и ткнулся носом в прибрежную отмель. И тут из-за камней у самой кромки воды поднялись двое «троллей», которые вскинули к плечу свои трубы.

Вших! – из труб вылетели огненные клубки и по-мчались к британскому кораблю. Бабах! – корабль, в который попали два огненных клубка, взорвался изнутри. Во все стороны полетели обломки корпуса и куски человеческих тел. То, что осталось от красавца фрегата, вспыхнуло, словно стог сухого сена.

Пших! – странный звук раздался ниже и чуть правее нас. Там на треноге стояла большая труба, разукрашенная пестрыми, желто-зелеными узорами. Из этой трубы вылетело что-то похожее на огромную морковку, превратившуюся на лету в огненный клубок, который помчался к борту второго британского корабля. Откуда-то слева от нас вылетел второй такой же огненный клубок. Они воткнулись в борт фрегата. Прогремело два сильных взрыва, и вот уже этот британец пылает рядом со своим товарищем по несчастью. Я был ошеломлен – три десятка человек какими-то трубами уничтожили два могучих военных корабля. А оставшиеся будут теперь, как в бочке, запечатаны в Лимпартском озере.

Похоже, что «тролли» больше не собирались сражаться с вражескими военными кораблями. Они встали со своих лёжек и стали спешно собираться, словно намереваясь куда-то уйти. Но они, видимо, не разглядели, что три уцелевших корабля остановились и стали спускать на воду шлюпки. Похоже, что британцы заметили, откуда были выпущены смертоносные огненные шары, и теперь решили захватить или уничтожить тех, кто поджег их корабли.

Несколько десятков мощных гребков, и носы корабельных шлюпок ткнулись в берег острова Престэ. Всего высадилось десятка три английских матросов в своих смешных шляпках с ленточками, в синих куртках и белых брюках. С ружьями наперевес они бросились к камням и приготовились открыть огонь. Только вот в кого именно, они не видели. «Тролли» затаились среди камней, и со стороны пролива их видно не было.

Все это происходило не так уж далеко от нас. В одном из англичан я узнал того кривоносого рыжего грабителя, который совсем недавно отобрал у меня дедову серебряную чарку.

Ну, сволочь, подумал я, сейчас ты у меня получишь за все сразу. Прикинув, что со своего места, пожалуй, попаду в него, я вскинул ружье и стал целиться. И тут кто-то остановил меня. Это был один из «троллей», незаметно подобравшийся к нам сзади. Как позднее выяснилось, они давно уже заметили нас, но не стали тревожить, опасаясь, что мы начнем стрелять и выстрелы насторожат англичан.

– Не надо, приятель, не стреляй, – сказал он по-русски, – пусть их побольше выберется на берег. Чем гуще трава, тем лучше ее косить.

Я немного знал русский, но не понял последней части предложения, после чего «тролль» вдруг повторил то же самое на неплохом шведском, похоже, даже с гётеборгским акцентом. Я обалдело кивнул.

Пока я приходил в себя, рядом с нами на землю плюхнулись еще два «тролля» и стали готовить к бою новое свое оружие – большое ружье с двумя ножками впереди и какой-то металлической коробкой внизу.

Пока мы втроем с удивлением смотрели на происходящее, англичане на шлюпках успели подвезти на остров подкрепление. Теперь там, у кромки воды, скопилось уже около сотни вооруженных моряков. Среди них я заметил двух офицеров, отличавшихся от простых матросов темно-синими мундирами и фуражками.

– Сейчас они полезут, – сказал мне «тролль». – Если вы, ребята, боитесь, то можете идти в башню Престэ – ведь вы оттуда пришли?

Я утвердительно кивнул, но чтобы «тролль» не подумал, что мы струсили, сказал ему, что мы не бросим их и будем сражаться вместе с его товарищами.

«Тролль», усмехнувшись, осмотрел наше вооружение, покачал головой.

– Мы и без вас с ними управимся. Но я вижу, что вы ребята храбрые. Сейчас мы их сбросим в воду. А потом этим британцам будет не до нас.

Как и предполагал «тролль», английские моряки получили от своих командиров приказ, выстроились цепью и осторожно, озираясь по сторонам, пошли вверх, в нашу сторону.

Тут «тролль» негромко сказал в небольшую черную коробочку:

– Внимание! Открывать огонь только по моей команде!

Я понял, что наш собеседник и является главным у «троллей».

Британцы успели пройти по берегу лишь ярдов двадцать-тридцать. Тут главный «тролль» скомандовал: «Огонь!», и сразу из нескольких мест начали стрелять остальные «тролли». Это был даже не бой, а избиение. Выстрелы гремели непрерывно, и британские матросы падали, так и не поняв, откуда и кто в них стреляет. Все они были перебиты в течение минуты-двух. Особенно удивило меня чудо-ружье «троллей» с ножками и коробкой внизу. Оно стреляло так, что выстрелы сливались в одну непрерывную трель.

Я вскинул свое ружье, желая пристрелить того наглого рыжего британца с перебитым носом. Но он уже недвижимо лежал на песке. Вся его рубаха была залита кровью.

– А теперь, ребята, – сказал главный «тролль», – пора уносить отсюда ноги. Джентльмены начнут обрабатывать остров из пушек. Хотя, – тут он посмотрел на часы, прикрепленные у него на запястье, – сейчас начнется новый бадабум.

Я хотел было спросить у «тролля», что такое бадабум, но тут со стороны рейда донесся сильный взрыв. Над одним из больших кораблей под французским флагом, стоявших там на якоре, поднялся в небо огромный столб красно-черного дыма. Когда дым рассеялся, лишь обломки корпуса и мачт плавали на том месте, где еще совсем недавно находился

красавец корабль. Потом взорвался еще один военный корабль, потом еще один и еще…

– Ну что, парень, – сказал мне старший «тролль», – вот мы вражеский флот и подсократили маленько. Ладно, давай знакомиться. Меня зовут Александр. А как тебя?

– Эрик, – ответил я. – Нас ночью отправил сюда на разведку поручик Шателен. А откуда вы здесь такие взялись?

– Потерпи, парень, – хлопнул меня по плечу Александр, – придет время, и ты все узнаешь.

15 (3) августа 1854 года.
Неподалеку от Бомарзунда. Шлюп 2-го класса «Гекла»
Джеремайя Джонсон, лейтенант Флота ее величества

Я стоял на палубе «Геклы» и думал о том, как мне надоел этот проклятый Бомарзунд. Какие-то бесконечные и тесные шхеры, море мелкое, как ванна, полное опасных подводных камней – не чета морям, окружавшим нашу старую добрую Англию. И, наконец, эта крепость русских дикарей, который день маячившая на горизонте.

Двадцать первого июня наш корабль в сопровождении двух паровых фрегатов попытался было атаковать русское укрепление. Приказа адмирала Непира на это не было, и, как я понял, наш командир, коммодор Холл решил показать всему британскому флоту свою храбрость и лихость. Он подвел нашу «Геклу» к самому главному форту русских и начал его обстрел. К нему присоединились и пушки сопровождавших

нас фрегатов. Неприятельское укрепление обстреливали девяносто шесть орудий, находившихся на палубах наших кораблей.

Поначалу русские молчали. Но, как я потом понял, это была чисто азиатская хитрость. Когда мы подошли поближе, по нам с берега открыла меткий огонь хорошо замаскированная батарея. Мало того, по нам палили из ружей стрелки с береговых укреплений, причем стреляли они очень метко.

Сражение продолжалось почти три часа и закончилось лишь тогда, когда мы расстреляли почти все наши боеприпасы – более двух тысяч ядер и бомб. Батарея противника была подавлена, русские, должно быть, понесли немалые потери. Но и нам тоже от них досталось. На одном из фрегатов начался пожар, на другом была подбита корма и повреждено гребное колесо.

На «Гекле» отличился помощник командира Чарльз Лукас. Одна из русских бомб упала на палубу нашего корабля. Чарльз не растерялся, схватил ее и, прежде чем она успела взорваться, выкинул за борт. Лукас в награду получил чин лейтенанта, а коммодор Холл – строгий выговор за самовольство от адмирала Непира и поток грязи, вылитой на него британскими газетами. А за что, ведь наши потери были сравнительно небольшими – всего пятнадцать человек убитыми и ранеными!

После того боя и мне захотелось отличиться. Для этого нужно было взять эту чертову крепость побыстрее, лишь то-

гда можно будет сконцентрировать все силы на основной нашей задаче – захвате их главной военно-морской базы Кронштадта и русской столицы, Петербурга. Говорят, что живущие там русские бояре очень богаты, и после захвата этого города каждый из нас вернется в Англию с хорошей добычей.

Я вспомнил, как в конце мая все мы радовались, когда нам объявили, что наш флот отправится в Балтийское море, чтобы наказать русских варваров за их неслыханную дерзость. Тогда я и мой старший брат Джосайя, тоже лейтенант, служивший на «Валоросе», пошли в паб и начали обсуждать там, как мы разобьем русский флот, высадимся на набережной Невы и как победители пройдем парадным шагом по улицам столицы царя Николая. Помнится, мы еще тогда поспорили с братом, есть ли там хоть одна мощеная мостовая и все ли дома в Петербурге построены из бревен. Брат говорил, что там есть и каменные дома, я же считал, что из камня в Петербурге построены только дворцы царя и его бояр. Остальные же больше похожи на хижины дикарей и изготовлены из соломы и глины.

Как это часто случается, пьяный спор у нас перерос в настоящую ссору, и больше мы с братом с той поры не разговаривали. Хорошо, что до дуэли дело не дошло. Теперь же дела здесь шли столь успешно, что «Валорос» был послан на восток, прямиком к русской морской крепость Кронштадт. Кто знает, уныло подумал я, может, мой брат уже громит Крон-

штадт из всех орудий и высаживает наших морских пехотинцев в Петербурге. А я тем временем умираю от скуки в этой глуши. Хотя, конечно, русская крепость построена из камня и кирпичей, а это значит, что все же эти проклятые московиты наконец-то научились строить здания такие, какие принято строить в Европе.

Я знал, что часы русской крепости уже сочтены. Позавчера вечером был взят ее первый бастион, который русские не успели взорвать при отступлении, и в котором французы теперь оборудуют свою осадную батарею. Сегодня или завтра они начнут обстреливать цитадель из этой башни. Еще два-три дня, и, наверное, начнется решающий штурм цитадели. Тем более что не так давно был провешен проход в залив рядом с цитаделью, и туда время от времени заходят наши корабли, чтобы обстреливать русские укрепления с тыла. Вот и сегодня в путь собралось несколько наших кораблей, включая два стопушечных винтовых красавца.

И действительно, на пятерке кораблей повалил дым из труб, и первый из них – какой-то француз – направился в пролив. Традиция в таких случаях – начинать с французов, как нам объяснил коммодор Холл, была не лишена смысла: если там вдруг окажутся чертовы русские адские машинки – мины, то лучше уж мы потеряем сотню-другую лягушатников, чем матросов ее величества. Хотя я думаю, что русские вряд ли успели поставить в проливе мины. Но, как у нас говорится, Бог помогает лишь тем, кто помогает сам себе.

Увидев, как француз, а за ним кто-то из наших, потом еще один француз, прошли через пролив, я расслабился – мин нет! Одно дело знать, что их там быть не может, другое – быть в этом уверенным. Ничего, сейчас в пролив войдут «Леопольд» и «Амфион» – стопушечные могучие боевые машины. И по числу пушек, и по их калибрам, и по весу бортового залпа они превосходят все, что на данный момент имеется в Балтике. И сравниться с ними может разве что французский «Аустерлиц», гордо стоящий на рейде.

Эх, как я завидовал тем, кому довелось служить на этих современных красавцах, самой черной завистью – а мне и моему сволочному братцу приходится тянуть лямку на старомодных корытах…

Чтобы отвлечься от подобных мыслей, я достал из кармана кителя золотые часы, подаренные мне отцом перед тем, как я отправился на эту войну. Так-так. Половина восьмого утра – самое время для завтрака. Ведь война войной, а обед (а также завтрак и ужин) по расписанию.

Но только я собрался спуститься в кают-компанию, где должны были уже накрыть стол, как краем глаза я увидел вспышку в проливе, после чего оттуда донесся страшный грохот. Я повернулся и обомлел – «Леопольд» пылал, как костер, а «Амфион», окутанный густым дымом, неуклюже приткнулся носом в берег. Не иначе это мины, подумал я. Вот же эти русские скоты, и когда они только успели поставить свои чертовы мины на такой глубине, чтобы корабли

поменьше прошли, а корабли с большей осадкой напоролись на них…

Через минуту или две «Амфион» тоже вспыхнул. В проливе ярко полыхали два первоклассных военных корабля, совсем недавно бывшие гордостью британского флота.

Все, подумал я, те три корабля, которые оказались в этом Лимпартском озере, теперь в ловушке. Ведь войти или выйти из этого озера можно будет лишь тогда, когда из пролива вытащат обломки «Амфиона» и «Леопольда». А пока фарватер перекрыт их полуразрушенными остовами. Те же корабли, которые остались запертыми в озере, после того как расстреляют все свои ядра и бомбы, смогут лишь наблюдать за тем, как французская пехота заставит капитулировать русскую крепость. А где-то в подсознании у меня крутилась одна и та же мысль: как же мне повезло, что довелось служить на небольшой и невзрачной «Гекле», а не на гордых гигантах, которые догорают сейчас в проливе…

Три оставшихся корабля почему-то пошли не к русской башне на мысу или цитадели на Большом Аланде, а к острову напротив, с итальянским названием, смутно знакомым мне по урокам музыки в детстве, то ли Аллегро, то ли Престо – в общем, что-то в этом роде. В подзорную трубу я разглядел, как шлюпки отходили от кораблей и причаливали зачем-то к этому «итальянскому» острову. Потом я услышал треск ружейных выстрелов, причем палили так, словно на острове окопался батальон или даже полк русских. Откуда

они там взялись, с удивлением подумал я. Мины я объяснить еще смог бы, но это!

И вдруг со страшным грохотом взлетел на воздух стопушечный «Аустерлиц», только что мирно стоявший на рейде. Похоже, что у него взорвалась крюйт-камера. Пылающие обломки обрушились на соседний французский корабль, кажется «Тулон». Его команда заметалась по палубе, гася очаги пожара. Через несколько секунд взлетели на воздух еще два стоявших на якорях корабля – французский «Ла Корс» и, увы, корабль ее величества «Дайвер».

Вакханалия смерти и разрушений тем временем продолжалась. Проклятые русские… Они не собираются сдаваться. Погибших французов мне было не жалко – эти лягушатники, заклятые враги старой доброй Англии, только на какое-то время стали нашими союзниками. Они были для нас лишь пушечным мясом. Но что за исчадия ада помогают русским? Иначе как можно объяснить то, что мне довелось только что увидеть!

Тут подбежал перепуганный насмерть матрос и сообщил:

– Лейтенант Джонсон, вас срочно вызывает к себе командир!

– Спасибо, как там тебя… Передай, что я уже иду, только проведу рекогносцировку.

Матрос быстро сбежал вниз по трапу, а я в последний раз оглядел крепость и море. Где-то на юге из туманной дымки выходили странные силуэты. Я подумал, что Адмиралтей-

ство прислало нам подкрепление, но когда навел туда подзорную трубу, то – действительно увидел корабли – но ни один из них не был похож на ранее виденные мною. Во-первых, у них вообще не было парусов, а также мачт, на которых те можно было бы поднять. Во-вторых, они двигались раза в два быстрее, чем любой из наших самых быстроходных кораблей. В-третьих, я не заметил у них длинных труб, из которых, при движении с помощью паровой машины, валил бы густой черный дым.

Этого просто не могло быть, но это было! Я почувствовал, что волосы у меня на голове зашевелились. Быстро приближающиеся к Бомарзунду корабли пока не выказывали враждебных намерений, но я каким-то внутренним чувством понял, что они несут нам страшную опасность.

Я помчался вниз, в каюту капитана. Все офицеры «Геклы» были уже там. Коммодор Холл бросил на меня испепеляющий взгляд:

– Лейтенант Джонсон, если вы не способны являться по первому требованию вашего командира, то тогда вам следует поискать другое место службы. Таким, как вы, не место на корабле ее величества!

– Сэр, – тихо сказал я, – посмотрите в иллюминатор – там происходит нечто странное.

Коммодор взял подзорную трубу, подошел к иллюминатору, взглянул и воскликнул:

– Боже праведный! Что это?! Откуда здесь взялись эти

странные корабли?! Господа, срочно всем по своим местам! – И коммодор, забыв про свою вошедшую в поговорку чопорность, выбежал из каюты. Мы, конечно, побежали вслед за ним.

Поднявшись на палубу, мы стали разглядывать корабли, которые подошли к нам на расстояние примерно трех миль. Их было пять – два больших, размером с линейный корабль; один чуть поменьше; один небольшой – примерно как наша «Гекла»; и один совсем крохотный. Коммодор Холл навел на них свою подзорную трубу.

– Какие-то странные у них флаги, – удивленно произнес он. – Флаг на носу – красный, как у кораблей нашего торгового флота. А какой это, простите, торговый флот?

– Или как боевой гюйс у русских, сэр, – ответил я, почувствовав, как у меня по спине пробежали мурашки.

Вдруг один из кораблей выстрелил из пушки, хотя расстояние от него до наших кораблей было явно больше дальности стрельбы из наших корабельных орудий. Но выпущенное неизвестным кораблем ядро или бомба легло с небольшим перелетом за строем нашей эскадры.

На мачтах нашего флагманского линейного корабля появились сигнальные флажки «Приготовиться к бою». Засвистела боцманская дудка, послышался топот ног. Я отправился на пушечную палубу – командовать огнем орудий «Геклы». Но добежать туда я не успел – рядом с нами взлетел на воздух паровой фрегат «Коссит». Похоже, что вражеская

бомба угодила прямо в его пороховой погреб.

Потом окутался густым облаком пара «Эдинбург». Ядра неприятеля пробили его борт в районе машинного отделения и разрушили паровой котел. Через пару минут на «Эдинбурге» начался пожар. Команда спешно спускала на воду шлюпки, а многие бросались с палубы в море, надеясь доплыть до берега раньше, чем корабль взорвется. Эти проклятые русские расстреливали наши корабли, словно мишени. Мы же не могли добить до них из своих пушек!

Тем временем второй корабль русских начал стрелять по бедной нашей «Гекле». Первая бомба со страшным грохотом разорвалась на мостике, убив командира и всех, кто стоял рядом с ним. Вторая бомба взорвалась на пушечной палубе. К счастью, мои доблестные матросы приняли на себя все осколки – я даже не был ранен. Но взрывной волной меня вынесло за борт через пушечный порт вместе с несколькими изуродованными трупами моих подчиненных. Барахтаясь в воде, я, сжав зубы от ярости, беспомощно наблюдал за тем, как в нашу несчастную «Геклу» попал еще один снаряд, и корабль вспыхнул, словно костер.

Я сумел ухватиться за обломок реи и, плавая в воде, с ненавистью и отчаянием наблюдал, как подобная же участь постигла французский «Страсбург», после чего на уцелевших кораблях союзного англо-французского флота поползли вниз британские «юнион-джеки» и французские триколоры. Какой позор – почти два десятка кораблей сдались всего

пяти кораблям русских варваров! Я закрыл глаза, чтобы не видеть этот ужас…

15 (3) августа 1854 года.
Ораниенбаум. Большой дворец
Капитан Васильев Евгений Михайлович

Самодержец вышел из дворца и был сразу же оглушен молодецким приветствием:

– Здравия желаем, ваше императорское величество!

Николай с удовольствием оглядел строй молодцов-морпехов, стоящих по стойке смирно у каретного сарая в своих камуфляжках и лихо заломленных на ухо черных беретах. Он приосанился и громко произнес:

– Вольно, молодцы!

Я повернулся лицом к строю и скомандовал:

– Товарищи бойцы, сейчас мы отправимся в Свеаборг. С маршрутом движения я лично ознакомлю старших машин. А пока никому не расходиться.

И, повернувшись к императору, спросил:

– Ваше величество, вы говорили, что должен подойти батюшка, который благословит наше предприятие. Я не ошибся?

– Да, господин капитан, – Николай, улыбнувшись, посмотрел на меня, – сейчас придет настоятель церкви Святого Великомученика Пантелеймона. Этот храм расположен в Церковном флигеле дворца.

Минут через пять на аллее показался пожилой батюшка, неспешно шествующий к нам. За ним шел такой же пожилой дьячок, несший серебряную кропильницу со святой водой и кропилом. Я посмотрел на морпехов, которые оживленно переговаривались в строю, и скомандовал:

– Равняйсь, смирно! Головные уборы снять!

Батюшка благословил императора, почтенно склонившего перед ним голову, а потом подошел к шеренге морских пехотинцев.

Сержант Ринат Хабибулин, единственный татарин в отделении, улыбнулся и сказал мне:

– Товарищ капитан, а мне как быть? Ведь я же мусульманин.

– Ринат, – спросил я, – а в бой ты как пойдешь, вместе со всеми?

– Конечно, товарищ капитан, – даже немного обиделся Ринат, – как же мне без своих ребят-то быть? Только к кресту я подходить не буду. Вы уж извините меня, – и он развел руками.

Батюшка быстро прочитал молитву Архистратигу Архангелу Михаилу, предводителю небесного воинства:

– Святый и великий Архистратиже Божий Михаиле, ниспровергий с небесе диавола и воинство его! К тебе с верою прибегаем и тебе с любовию молимся, буди щит несокрушим и забрало твердо Святей Церкви и православному Отечествию нашему, ограждая их молниеносным мечем твоим от

всех враг видимых и невидимых. Буди Ангел хранитель, наставник премудр и споспешник предводителем нашим. Буди вождь и соратай непобедимь христолюбивому воинству нашему, венчая его славою и победами над супостаты, да познают вси противляющиися нам, яко с нами Бог и святии Ангелы Его. Аминь.

Потом батюшка окропил морпехов святой водой и перекрестил их наперсным крестом. Под благословение батюшки подошли все, исключая Хабибулина и еще одного морпеха, который слыл у нас атеистом. Ну, это у него до первого боя, подумал я. Когда человек увидит первую кровь и услышит свист пуль над своей головой, он сразу почему-то вспоминает о Боге и о душе.

Морпехи, надев черные береты, ушли к своим железным коням. Дежурный офицер, который пришел со стороны пристани, сказал, что через десять минут баржа и буксир – небольшой колесный пароход «Невка», подойдут к берегу, и можно будет начать грузить наши машины. Еще минут двадцать, прикинул я, уйдет на их закрепление и маскировку, а также посадку на баржу десятка казаков. И тогда мы уже точно отчалим.

Николай, с любопытством наблюдая за тем, как морпехи достают из бэтээров тросы и крепления, обратился ко мне и Ване Копылову:

– Господа офицеры, не обращайте внимания на мое немногословие. Вы должны меня понять: не каждый день

мне приходится встречаться со своими потомками из будущего. Давайте подойдем поближе к барже. Постоим в сторонке, чтобы не мешать вашим людям заниматься своим делом.

Когда баржа с надежно принайтованными к ее палубе и закутанными старыми парусами бэтээрами отошла от берега, радист Хабибулин подошел ко мне и сказал:

– Товарищ капитан, капитан 1-го ранга Кольцов на связи.

Он протянул мне гарнитуру радиостанции. Я доложился и услышал из наушников:

– Капитан Васильев, передайте, пожалуйста, трубку императору Николаю Павловичу.

Я с поклоном протянул гарнитуру императору. Тот несколько неуверенно произнес в микрофон:

– День добрый, господин капитан 1-го ранга.

– Здравия желаю, ваше императорское величество! – раздался из динамика голос каперанга Кольцова. – Спешу сообщить вам радостную весть: англо-французский флот у Бомарзунда разгромлен. Часть кораблей потоплена, остальные спустили флаги и сдались на милость победителя. Уничтожено девять кораблей, остальные пятнадцать мы хотели бы передать Российскому императорскому флоту. Но для этого нам нужны призовые команды. Наши люди не смогут справиться с таким количеством трофейных кораблей. И заодно не мешало бы заранее подготовить призовые команды для вражеских кораблей, которые мы с Божьей помощью пленим

у Мякилуото и у Красной Горки.

Император был поражен известием о такой славной виктории и долго не мог найти слов, чтобы хоть что-то ответить Кольцову. Наконец он собрался с мыслями и произнес:

– Господин капитан 1-го ранга! Вы сняли камень с моего сердца. Враг потерпел полное и сокрушительное поражение, и Петербург с сегодняшнего дня в полной безопасности. Вас, Дмитрий Николаевич, отныне все будут называть спасителем града Петрова! Я даже не могу сейчас придумать, чем наградить вас за сделанное. И не только вас, но и всех ваших славных офицеров и храбрых матросов.

– Ваше величество, – голос капераига был спокоен и ровен, – надеюсь, что в течение дня я смогу сообщить вам о полном и окончательном разгроме французского экспедиционного корпуса у Бомарзунда. Сухопутная операция начнется вскоре после прибытия флигель-адьютанта Шеншина и после того, как мы установим связь с генералом Бодиско. Я уже докладывал вам о плане операции.

– Да-да, Дмитрий Николаевич, – ответил император, – я все помню. Призовые команды будут собраны в Ревеле и в Кронштадте. Вопросы о тыловом обеспечении вашей эскадры тоже будут вскоре разрешены.

– Ваше величество, – сказал Кольцов, – тогда позвольте на этом прервать нашу беседу. Как только появятся свежие новости, я с вами немедленно свяжусь.

– Всего вам доброго, Дмитрий Николаевич, – Николай

расчувствовался, голос его дрогнул. – Еще раз от имени всех русских людей хочу поблагодарить вас. Да поможет вам Господь!

Император протянул гарнитуру мне. Я передал ее Хабибулину, велев быть все время на связи. Тот козырнул и отошел к бэтээрам. Николай блестящим от волнения взглядом посмотрел на меня и Копылова, после чего произнес:

– Господа, а теперь расскажите мне подробно о том, что ожидает Россию во время моего правления, да и после него тоже.

Ваня Копылов ответил самодержцу:

– Ваше императорское величество, мы можем рассказать вам лишь то, что мы знаем из нашей истории. Но в ней не было кораблей из будущего, и полагаю, что теперь все будет совсем иначе.

В книге, переданной вам капитаном 1-го ранга Кольцовым, описываются боевые действия. Возможно, что некоторые – суждения могут быть для вас жесткими, а порой и не совсем справедливыми и нелицеприятными.

– Господин майор, – нахмурился император, – я не барышня, которая падает в обморок, услышав грубое слово. Поверьте, мне много чего довелось увидеть и услышать за мою долгую жизнь. Так что не бойтесь и говорите мне все, как оно есть.

– Ваше величество, – ответил Копылов, – на Балтике мы победим, причем в самое ближайшее время. Кроме того, ни

один неприятельский солдат, высадившийся у Бомарзунда, не будет воевать с нами на других театрах боевых действий. А их корабли если и будут воевать, то уже под русскими флагами. Да и веры в скорую победу у противника заметно поубавится.

Ведь именно захват Бомарзунда стал первой значительной победой неприятеля в этой войне. На других театрах боевых действий у них особых успехов на данном этапе не было. В Петропавловском порту на Камчатке справятся и без нас – адмирал Завойко и командир фрегата «Аврора» капитан-лейтенант Изыльметьев сумеют так грамотно организовать оборону, что неприятель отступит от него с большими потерями. Британский контр-адмирал Дэвид Прайс, предчувствуя неудачу, застрелится на своем флагманском корабле «Пайк».

А вот в Крыму в нашей истории дела обстоят гораздо хуже. Через месяц неприятель высадится в Евпатории. Наши армия и флот проявят необыкновенный героизм, но кончится все потерей половины Севастополя. И лишь успешная Кавказская кампания сведет поражение в этой войне в ничью. Все это довольно подробно описано здесь, – и он указал на сумку, в которую Николай положил подаренную ему книгу.

Император достал ее и начал листать.

– Господа, премного благодарен за столь щедрый дар, – сказал Николай, прочитав несколько страниц и морщась от

непривычной для него орфографии. – Я намерен прочитать ее в самое ближайшее время. Конечно, несколько непривычно видеть русский текст без ятей, фиты и ижицы…

– Ваше величество, – улыбнулся Ваня Копылов, – нам еще труднее с этими ятями – мы же не знаем, где пишется ять, а где е…

Николай рассмеялся и, словно зубрила-гимназист, продекламировал нам:

Бѣдный бѣлый бѣглый бѣсъ
Пообѣдать бѣгалъ в лѣсъ,
Долго по лѣсу он бѣгалъ,
Рѣдькой с хрѣномъ пообѣдалъ
Пообѣдавъ, далъ обѣтъ,
Далъ обѣтъ надѣлать бѣдъ…

– Так, господа офицеры, дети у нас учат слова, где пишется ять… Но оставим беседы об орфографии на более подходящее для этого время. Как вы полагаете, что может изменить победа у Бомарзунда?

– Ваше величество, – сказал я, – не только она, но и еще не состоявшиеся победы у Мякилуото и у Красной Горки. Неприятель теперь уже не сможет перевести на Черное море все свои боевые корабли. Ведь нужно будет подумать и о защите метрополии. А флот, который это должен был делать, окажется выведенным из игры. Ну и помимо этого, политическая обстановка после такого оглушительного поражения

серьезно изменится не в пользу англо-французского альянса. Позиция Пруссии будет в отношении нас не нейтрально-враждебной, а нейтрально-благожелательной. А Австрия, которая подлостью ответила вам за все, что вы сделали для нее, поостережется от враждебных в отношении России поступков. В общем, можно сказать, что в ходе войны наступил перелом.

Но это только начало – мы сделаем все, чтобы помочь своей Родине. И я верю, что мы победим всех наших врагов. Только вот после победы в этой войне нужно будет сделать все, чтобы Россия стала столь могущественной, что ни одному супостату уже никогда не пришло бы в голову напасть на нее. А для этого нужны и мощная промышленность, и хорошие пути сообщения, и реформированная армия, экипированная лучше, чем ее вероятные противники, и многое-многое другое.

Начинать же нужно с земельной реформы, с образования и, конечно, с создания современной внешней разведки и службы государственной безопасности. Насчет последнего я и майор Копылов сможем вам помочь – у нас есть и опыт, и знания о нынешнем положении вещей. Насчет других задач – то здесь мы тоже – поможем, чем сможем. У нас на эскадре есть люди, намного лучше нас разбирающиеся в экономике, в сельском хозяйстве, в инженерном деле и в – других – необходимых вещах, а также – хорошо знающие историю, что тоже весьма важно в данной ситуации. Но главную рабо-

ту предстоит сделать именно вашим подданным.

– Благодарю вас, господа. – Николай был тронут до глубины души. – Вы знаете, я каждый день приносил молитвы Спасителю нашему, пресвятой Богородице и святым отцам нашим. И мне кажется, что молитвы мои услышаны, и что ваше появления здесь – прямое тому подтверждение. Храни вас Господь!

Часть 4. Пейзаж после битвы

15 августа 1877 года.
Цитадель крепости Бомарзунд
Ротмистр и флигель-адъютант
Николай Васильевич Шеншин

Генерал-майор Бодиско был потрясен, снова увидев меня перед собой.

– А я, грешным делом, думал, что нам с вами, Николай Васильевич, уже больше не встретиться, – сказал он, крепко обняв меня и даже смахнув слезу от избытка чувств. – Боялся, что вы угодите в лапы супостата. Ну, а если даже и доберетесь до Петербурга, то уже всяко не вернетесь к нам. Ведь вы, ротмистр, своими глазами видели, что нам никак не выстоять. Уж слишком мы слабы и слишком враг силен.

За себя-то мне не страшно, жизнь свою я прожил достойно и уже приготовился встретить смерть как и положено российскому воину. А вот тех, кто еще молод и только-только начал служить Родине и императору, надо спасти. Я уже подумал взять грех на душу и, когда станет совсем невмоготу оборонять крепость, сдать ее, сохранив верных слуг нашей Отчизны от бессмысленной гибели.

А тут вдруг такое началось… Сначала непонятным образом стали взрываться корабли англичан и французов. Потом откуда-то явились удивительные железные корабли под Ан-

дреевским флагом, которые с огромных дистанций стали с изумительной – меткостью – расстреливать вражеские фрегаты. Тут еще и вы, голубчик мой, прилетаете на огненной колеснице, подобно Илье Пророку. Я все думаю – неужели у меня от пережитого помутнение рассудка началось?

– Да нет, ваше превосходительство, – успокоил я его, – с рассудком у вас все в порядке. Эти, как вы сказали, удивительные корабли принадлежат союзникам нашим, таким же русским людям, как вы и я. Прорвавшись сквозь вражескую блокаду, я встретился с ними. Они меня и до Ораниенбаума домчали, где я встретился с государем. Их вертолет – так называется сия «огненная колесница», вполне, кстати, рукотворная и ужасно шумная – доставил меня сюда, к вам. Ведь на море мы победили, но на острове до сих пор находится двенадцать тысяч французов. А у наших союзников морской пехоты всего-то две роты. Так что им понадобится помощь, чтобы удар по противнику был не только со стороны моря, но и из цитадели.

– Ротмистр, но вы же знаете, что у меня всего-то две тысячи человек! – воскликнул генерал Бодиско. – И это не считая тех, кто уже геройски принял смерть или ранен… Так что ударить я смогу хорошо, если силами полутора тысяч солдат. Морских пехотинцев же наших союзников, как вы уже сказали, всего-то две роты. А у врага – двенадцать тысяч! Силы несопоставимые.

– Ваше превосходительство, – я решил больше не спорить

с генералом и протянул ему конверт, запечатанный большой сургучной печатью с двуглавым орлом, – вот письмо его императорского величества, собственноручно им написанное.

Яков Андреевич вскрыл конверт и бегло пробежал глазами по строчкам.

– Так вы, голубчик, уже флигель-адъютант? – воскликнул он. – Поздравляю, поздравляю! А насчет вылазки – государь повелевает мне ее совершить и пишет, что все подробности я узнаю от вас.

– Ваше превосходительство, – ответил я, – вылазка крайне необходима для того, чтобы противник почувствовал, что ему некуда деваться, и сложил оружие.

Заметив удивленный взгляд генерала, я улыбнулся и добавил:

– А насчет планов, то вы сейчас узнаете о них от капитана 1-го ранга Дмитрия Николаевича Кольцова. Он командует эскадрой союзников.

– Он что, прибыл сюда вместе с вами?! – генерал был удивлен до чрезвычайности. – И где же он? Немедленно зовите его сюда!

– Нет, ваше превосходительство, он сейчас находится на флагмане своей эскадры, – улыбнулся я. – Но у нас есть возможность связаться с ним.

Тут я достал из кармана переносную рацию, которую передал мне майор Копылов еще в Ораниенбауме. В полете я внимательно изучил приложенную к этому удивительному

устройству из будущего инструкцию и потренировался в работе с радиостанцией.

Нажав на кнопку вызова, я произнес:

– Здесь флигель-адъютант Шеншин. Вызываю на связь капитана 1-го ранга Кольцова, – а потом, вспомнив, что было написано в инструкции, добавил: – Прием!

У Якова Андреевича при виде моих манипуляций глаза полезли на лоб. А когда он услышал из рации человеческий голос, то беднягу едва не хватил удар.

– Здравствуйте, господин флигель-адъютант. Капитан 1-го ранга Кольцов на связи, – раздался голос из черной коробочки.

– Господин капитан 1-го ранга, с вами хочет переговорить генерал-майор Бодиско, – произнес я, – стараясь правильно нажимать на кнопки, расположенные на коробочке.

Получив разрешение, я поднес рацию к лицу Якова Андреевича и шепнул ему:

– Ваше превосходительство, говорите вот сюда.

Яков Андреевич произнес дрожащим голосом:

– Здравствуйте, господин капитан 1-го ранга. Позвольте представиться – генерал-майор Яков Андреевич Бодиско, комендант крепости Бомарзунд.

– Здравия желаю, ваше превосходительство, с вами говорит капитан 1-го ранга Дмитрий Николаевич Кольцов, – донеслось из рации.

– Так это ваши люди совершили все эти чудеса, Дмитрий

Николаевич? – чуть более спокойно сказал генерал. – Голубчик, если бы вы знали, как я вам за это благодарен!

– Ваше превосходительство, остался один заключительный аккорд по полной виктории – разгром французского десанта, – произнес капитан 1-го ранга Кольцов. – И вот тут нам понадобится ваша помощь.

– Конечно, Дмитрий Николаевич, – ответил генерал Бодиско. – Тем более что сам государь император предписал мне во всем слушаться вас и сделать все, что вы мне скажете.

– Для начала мы пришлем к вам на вертолете снайперов и пулеметчиков… – донеслось из радиостанции.

– Простите, Дмитрий Николаевич, кого? – полюбопытствовал генерал.

– Снайперы – это меткие стрелки, вроде ваших финских егерей, – сказал Кольцов, – а пулемет – это такая машинка, которая может выпустить по врагу несколько десятков пуль в минуту. Если неприятель будет находиться скученно, то мы сможем уничтожить сразу множество врагов. Примерно так и произошло на острове Престэ, когда англичане и французы попытались высадить там свой десант. Никого из них уже нет в живых.

– Так вот что произошло с теми моряками, которые на шлюпках направились на остров Престэ, – тихим голосом произнес неожиданно побледневший Яков Андреевич. – Высадку супостата я наблюдал в подзорную трубу и не таил более никаких надежд для поручика Шателена и его бравых

солдат. Но, смотрю, наш флаг до сих пор реет на башне Престэ. А я все гадал, что же случилось с вражеским десантом…

– Именно так все и было, ваше превосходительство, – сказал Кольцов. – А далее должно произойти следующее. Мои снайперы и пулеметчики оборудуют позиции на стенах цитадели. После этого мы начнем с моря атаку на вражеский лагерь. Вы же в определенный момент осуществите вылазку из цитадели под прикрытием огня наших пулеметов.

– Дмитрий Николаевич, – поинтересовался Бодиско, – а как мы узнаем, когда именно нам нужно будет начать вылазку?

– Мы оповестим об этом флигель-адьютанта Шеншина, ваше превосходительство, – ответил капитан 1-го ранга Кольцов. – Только предупредите своих людей, чтобы они не рисковали без повода. Главное, чтобы французы увидели, что они окружены со всех сторон. А лишние потери нам ни к чему.

– Хорошо, Дмитрий Николаевич, – кивнул генерал Бодиско.

– Тогда, ваше превосходительство, с Божьей помощью – начинаем…

– Действуйте, Дмитрий Николаевич! И да хранит вас и ваших людей Господь и святой Георгий Победоносец… С Богом!

15 (3) августа 1854 года. У крепости Бомарзунд

Капитан морской пехоты Балтийского флота
Сан-Хуан Александр Хулиович

В детстве я был крупным ребенком и очень не любил, когда хулиганы задирали более слабых и более молодых. Не раз, не два и не десять я вмешивался и, скажем так, справедливость почти каждый раз торжествовала. А когда я чуть поднаторел в самбо, так и вовсе каждый раз.

То же самое и здесь. Да, нас мало, но мы в тельняшках, и оружие наше такое, что французам даже и не снилось. Но враги прибыли сюда имея многократное преимущество в живой силе, не говоря уж об артиллерии и поддержке с моря.

Был в моем плане еще один момент, который, скажем так, мог и не понравиться беспристрастному рефери. Командовал французами однорукий генерал Барагэ д'Илье, известный личной храбростью. Он участвовал в походе на Россию в 1812 году в составе великой армии Наполеона, довелось повоевать ему и в Алжире. Этот просто так не сдастся и будет сопротивляться до последнего. Я его за это уважал (кроме Русского похода), но, увы, именно потому будет лучше, если его пристрелят в самом начале действа. Его и еще пару-тройку высших офицеров. Это для того, чтобы, когда вдруг все начнется, у наших французских друзей не было единого командования. А без начальства любая воинская часть – просто толпа вооруженных людей. Скажете, что это неспортивно? А, ну и пусть, ведь это они к нам приперлись, а не мы к ним. Да и война – далеко не спортивное состязание.

Я почему-то был уверен, что после капитуляции остатков своего флота генерал Барагэ д'Илье прикажет атаковать цитадель. Без флота и подвоза боеприпасов им на острове долго не продержаться. А в крепости худо-бедно имеются продовольственные запасы, да и укрыться в кирпичном здании казармы можно. Это лучше, чем куковать под открытым небом. К тому же если его все же принудят к капитуляции, то он сдастся с высоко поднятой головой – как победитель. Я знаю этих заносчивых галлов – больше всего в жизни им хочется изображать героев, рыцарей без страха и упрека.

Понятно, что генерал будет в первых рядах своих солдат. Но, как говорится, доверяй, но проверяй. Для того и беспилотник в небе круги нарезает. Он подтвердил мою правоту: французы закончили суетиться и начали строиться примерно в полутора километрах от цитадели, вне зоны досягаемости крепостной артиллерии. Высший комсостав французов разместился на одном из холмиков на переднем крае неприятельского построения.

Ну, что ж, превосходная цель для наших снайперов. Насколько я знаю своих ребят, они уже заняли позиции, с которых можно вести прицельный огонь. Где именно, я не вижу, и это хорошо. Сие означает, что и противник их вряд ли заметит. Развернули они свои фузеи и приготовились вести огонь из дальнобойных крупнокалиберных снайперок ОСВ-96. С расстояния в километр они повышибают всех французских командиров. В случае чего, если французы

увидят, откуда ведется огонь, на подходе к позициям снайперов будут выставлены «монки» – противопехотные осколочные мины направленного поражения МОН-50. Я не завидую тем, кто будет находиться в радиусе пятидесяти метров перед этими минами. А на самый крайний случай, если настырные французы, несмотря на потери, полезут дальше, их ждет приятное знакомство с двумя пулеметами «Печенег».

А начнет сегодняшний кордебалет «Мордовия». Она подойдет к берегу и обработает то место, где сейчас строятся французы, системой А-22 «Огонь». Потом это место будет выглядеть весьма неаппетитно – огнеметно-зажигательный корабельный комплекс закинет в расположение французов в качестве презента сорок четыре 140-миллиметровых снаряда, из которых первая половина будет осколочно-фугасная, а вторая – зажигательными.

Оставшиеся пулеметные расчеты и пара АГС-17 «Пламя» расположились у стен замка… тьфу ты, цитадели. Они прикроют отход наших ребят, а потом поддержат огнем вылазку войск генерала Бодиско.

Окончательно утвердив диспозицию сегодняшней баталии, я связался с капитаном 1-го ранга Кольцовым. Доложив ему о готовности, я получил от него «добро» на начало операции, правда, в несколько неуставной форме:

– Приступайте, ребята! И, Хулиович, с Богом!

Лейтенант Андрюха Панченко, старший снайперских групп, подтвердил, что они на месте, и что Луи-Ашилль Ба-

рагэ д'Илье и иже с ним у него и у его ребят на прицеле.

– Видите отчетливо? – спросил я и, получив утвердительный ответ, отдал команду: – Работайте!

Через несколько секунд моя рация пикнула три раза – сигнал о том, что все цели поражены. Я посмотрел на экран планшета, на котором отражалась оперативная обстановка и транслировалась картинка с беспилотника. Действительно, там, где несколько минут назад все было тихо и спокойно, началось какое-то броуновское движение. А на высотке, где за минуту до того толпилось французское начальство, лежала груда тел. Лица я их рассмотреть не мог, но был уверен, что Андрюха и его «зоркие соколы» не промахнулись.

Потом на стоящей в трех милях от берега «Мордовии» закрутились лопасти огромных винтов, МДК приподнялся на воздушной подушке и помчался к берегу. Картинка с беспилотника стала меньше – он набрал высоту, еще не хватало, чтобы его зацепило осколками реактивных снарядов нашего «Огня». Впрочем, французский лагерь и построенные рядом с ним войска были и так неплохо видны. Потом их плотно закрыли алые розетки разрывов и густые облака дыма и пыли. То, что осталось от лагеря, запылало. Время от времени там что-то взрывалось – похоже, что это были склады боеприпасов и зарядные ящики орудий.

Еще совсем недавно бывшая организованной и дисциплинированной армия превратилось в обезумевшее стадо. Кто-то из беглецов помчался к морю, кто-то к цитадели – сдавать-

ся. Часть нарвалась на наши «монки». Словно коса смерти прошлась по их рядам. Те, кому посчастливилось уцелеть, в ужасе упали на землю и лежали, не шевелясь.

Повторный залп из комплекса «Огонь» я решил не давать. Дело было сделано, а у нас осталось всего по два боекомплекта на каждую установку. И их следовало бы приберечь. Кто знает, с кем нам еще придется сражаться в будущем. Хотя, конечно, МДК «Мордовия» не предназначен для океанских переходов. На Балтике или на Черном море он вполне мореходен, но дальние походы ему противопоказаны.

Перед началом движения «Мордовии» я связался по рации с Шеншиным и сообщил, что пора начинать вылазку. Но все оказалось намного проще, чем мы предполагали. Не успел МДК выгрузить на берег из своего чрева два БТР-80 и две Ноны-СВК, как – французы стали массово тянуть ручонки к небу, а ко мне уже со всех ног мчался их офицер в сопровождении двух солдат. Один из них нес на палке над головой весело развевающиеся подштанники, которые, судя по всему, должны были изображать белый флаг.

Я приказал на время прекратить огонь, после чего собрался с мыслями – ведь французский я тоже худо-бедно знал.

Помните тот старый анекдот, когда идет петух и вдруг слышит из кустов: «Ко-ко-ко!» Он, естественно, туда, там слышна возня, кудахтанье, потом из кустов выбирается лиса, облизывается и говорит: «А хорошо все-таки знать иностранные языки». Услышал этот анекдот я еще в раннем дет-

стве, а знание русского, испанского, баскского и шведского сделало изучение других языков – будь то английский, французский, немецкий или даже арабский – весьма простым занятием.

Но француз, равно как и тот баск, с которым мне довелось погутарить на острове Престэ, знал французский похуже меня. И когда я услышал, что имею честь беседовать с лейтенант-колонелем (подполковником) Адамом Константином Чарторыйским, то пожалел, что как раз польского никогда не учил. Но сказать «nous rendons» он смог; буквально сие означало «мы сдаем» – правильнее, конечно было бы «nous nous rendons» – мы сдаемся…

Я вполголоса процитировал «Двух рыцарей» Гейне, который писал как раз о таких вот польских «беженцах» во Франции:

> Leben bleiben, wie das Sterben
> Fr das Vaterland, ist s[3].

– Что вы сказали, мсье? – подобострастно спросил Чарторыйский.

– Ничего, ничего, мы, конечно, принимаем вашу капитуляцию, – с улыбкой ответил я и объяснил, каким именно образом и где им предстоит складывать оружие.

Остальное уже было делом техники. От двенадцатиты-

[3] Столь же сладко для отчизны уцелеть, как умереть.

сячного корпуса (это французы и британские части усиления) осталось тысяч десять. Они медленно брели к цитадели, многие оглушенные и контуженые, клали свои ружья, сабли и тесаки в кучу (офицерам разрешено было оставить холодное оружие – такие здесь были рыцарские традиции), после чего их – нижних чинов отдельно, офицеров отдельно – уводили в места, где им предстоит провести последующие несколько дней.

Надо было дождаться прихода транспортных кораблей, на которых пленные отправятся туда, где им предстоит дожидаться конца войны. А пока им придется ночевать под открытым небом, потому что палаточный лагерь почти весь выгорел. Ничего, погода стоит хорошая, пару-тройку дней как-нибудь потерпят.

Для раненых мы приготовили места в цитадели Бомарзунда. Человек двадцать же наиболее тяжелых капитан 1-го ранга Кольцов велел отправить на корабли эскадры для оказания экстренной помощи.

Была б моя воля, я бы заставил их восстанавливать то, что они порушили – здесь, в Свеаборге, в Петропавловске, как немцев после Великой Отечественной… Но, увы, как мне разъяснили, в эти времена пленных работать не заставляли, так что грозит им в лучшем случае несколько месяцев безделья.

Второе наше боестолкновение, к счастью, оказалось столь же скоротечным, как и первое. И все мои – ребята живы и

здоровы. Дай Бог, чтобы и дальше все было так же.

15 (3) августа 1877 года.
Борт БДК «Королев»
Капитан 1-го ранга Кольцов Дмитрий Иванович

Вот и все, подумал я. Финита ля комедия! Полная виктория (слово-то какое – даже на вкус приятное!) при Бомарзунде имеет место быть. Все произошло намного быстрее и легче, чем кто-либо мог себе вообразить. Прямо как у Цезаря: пришел, увидел, победил. Стоп. Хватит. Если я начал чувствовать себя Цезарем, то недолго угодить туда, где таких Гаев Юлиев хоть пруд пруди. Как, впрочем, и Наполеонов, и Александров Македонских.

А пока пора возвращаться к делам нашим скорбным. Тут, после недавнего совещания, я услышал краем уха, как один из командиров (не буду сейчас говорить, кто именно) тихо сказал другому, что, мол, все обалдели, попав в XIX век, «а Кольцов, блин, ведет себя так, словно он каждую неделю из будущего в прошлое мотается…» Его собеседник, впрочем, ответил ему, что, мол, хорошо, что хоть у кого-то крыша от случившегося не поехала и все находится под контролем.

Конечно, сие есть явное нарушение субординации – не могли, редиски, отойти подальше, чтобы начальство их рассуждения гарантированно не услышало. Впрочем, хороший начальник знает, когда нужно пропустить сказанное мимо ушей, а когда следует сделать оргвыводы. Я вот пропустил

мимо ушей…

А ларчик просто открывался. Один из моих самых нелюбимых президентов США, некто Гарри С. Трумэн, сказал как-то раз одну очень умную вещь: когда ты президент, the buck stops here, то есть «фишка дальше не идет». Другими словами, любое окончательное решение предстоит принимать мне.

Если б вместе с нами переместился сюда даже пусть не президент, а хотя бы командующий дважды Краснознаменным Балтийским флотом, то и мне можно было дать чуть больше воли своим эмоциям, предварительно, конечно, доложив по инстанциям. Но вот не было у меня здесь начальства. Некому докладывать…

Император Николай Павлович для меня не просто союзник, но и российский монарх. И насколько я, к своему вящему удивлению, узнал из прочитанной мной исторической литературы – а история России мое хобби – довольно толковый. И что, несмотря на всю грязь, вылитую на него поколениями либералов века XIX и идеологов XX века, Николай трудился как пчелка и старался сделать все, чтобы Россия стала могучей и богатой державой. Не все у него, правда, получилось, но что поделаешь, тут уже выше головы не прыгнешь.

Но одно дело император, и другое – российские элиты. Это про которых писал поэт Лермонтов: «Жадною толпой стоящие у трона…» И вот со многими из них нам явно не по пути. Начиная от канцлера Кисельвроде… тьфу ты, Нес-

сельроде, кончая городничим какого-нибудь захудалого Мухосранска.

Так что, увы, командовать парадом придется мне. Увы – потому что в моих руках вся полнота власти над моим отрядом, который, пожалуй, стал уже полноценной эскадрой. В моих руках оказалась не только военная власть, но и гражданская. А вот этому меня никто не учил.

Среди моих людей есть, конечно, инженеры – в основном военные, экономисты – тоже главным образом военные. Есть журналисты, есть, особенно среди курсантов, люди с кое-какими знаниями из других областей науки и техники.

Но для большинства из моих подчиненных военная служба – это: «Есть такая профессия – Родину защищать». Только профессия эта подразумевает, что солдаты и матросы – защитники Родины – будут накормлены, обуты, одеты, обеспечены кровом, а главное, будут знать, что именно им нужно делать и для чего. И обо всем этом придется теперь, за неимением как вышестоящего командования, так и тыловых служб, заботиться вашему покорному слуге.

Кое-какие планы, конечно, у меня есть. Насчет продовольствия, например. Определенные запасы имеются и у нас – из расчета на дорогу до Венесуэлы и обратно, сухпай у десантников, да и в корабельных холодильниках полки далеко еще не пусты. Немало съестного было захвачено как на кораблях англо-французской эскадры, так и на складах французского лагеря. Нам повезло – хотя сам вражеский лагерь

и превратился в кучу пепла, складские палатки с хранящейся в них провизией, находившиеся чуть в стороне, каким-то чудом не пострадали. Этого нам на какое-то время хватит и для собственного прокорма, и даже – хотя и ненадолго – для того, чтобы наши многочисленные пленные не протянули ноги с голодухи. Впрочем, в самое ближайшее время они станут уже не нашей проблемой.

Примерно тогда же начнет поступать снабжение из Ревеля, обещанное Николаем. В свою очередь кое-что обещал подкинуть и генерал Бодиско – в крепости оставался запас продовольствия, и он предложил им с нами поделиться.

Есть у меня еще некоторые мысли и о том, где нам в ближайшее время обосноваться и как нам жить дальше. Ну, и о том, что именно предстоит сделать, чтобы отбить у лягушатников и мелкобритов даже саму мысль о совершении новых подлостей в отношении России. Но это лишь мысли, а пока надо решать более насущные проблемы.

Например, доложить о нашей виктории императору Николаю Павловичу. А то он, бедный, наверное, весь измаялся, ожидая весточки от нас.

Для человека военного доклад вышестоящему командиру – привычное дело. И если бы на месте императора был, например, уже упомянутый командующий Балтфлотом, то это было бы в порядке вещей. Но лично президенту меня бы докладывать не послали. А тем более императору, хоть и моей родной страны, но которому я не подчиняюсь.

Я сделал глубокий вдох и велел радисту:

– Срочно вызовите на связь императора Николая.

Через пару минут из переданной мне гарнитуры я услышал уже знакомый мне голос:

– День добрый, господин капитан 1-го ранга. С чем прикажете вас поздравить? Судя по вашему голосу, вести должны быть хорошие.

Мою робость как рукой сняло. Я бодро отрапортовал:

– Ваше императорское величество, докладываю: французский экспедиционный корпус полностью разгромлен, а остатки его подняли белый флаг. Сражение при Бомарзунде окончено. Взято не менее десяти тысяч пленных. Потерь среди личного состава эскадры нет. Среди защитников крепости потери незначительные. Генерал Бодиско готовит строевую записку и подробное донесение о своем осадном сидении.

Император Николай какое-то время молчал. Я, грешным делом, уже было подумал, что связь прервалась, когда из трубки вдруг услышал его взволнованный голос:

– Господин капитан 1-го ранга! Дмитрий Иванович! Я верил в вашу счастливую звезду и очень рад, что в вас не ошибся. Виктория при Бомарзунде изрядная. Я прикажу бить в колокола, отслужить благодарственный молебен и объявить о вашей победе по всей империи. Мы ведь так давно не получали радостных известий! Господин капитан 1-го ранга, я прошу вас подготовить реляцию об участии вашей эскадры в

сражении с англо-французами. И отдельно – список наиболее отличившихся офицеров и нижних чинов. Все они будут достойно награждены за свой подвиг!

– Ваше величество, – ответил я, – я весьма благодарен вам за столь высокую оценку действий наших матросов, солдат и офицеров. Подробную реляцию и список отличившихся я пришлю чуть позднее. Точные цифры убитых, раненых и попавших в плен из состава вражеской эскадры и экспедиционного корпуса, а также количество взятых трофеев я тоже пришлю чуть позже. Пока известно лишь то, что и генерал Бараге д'Илье, и большинство офицеров его штаба погибли в бою. О капитуляции объявил единственный из уцелевших старших командиров французского корпуса – подполковник Адам Константин Чарторыйский.

15 (3) августа 1854 года. Лазарет БДК «Королев»
Мейбел Эллисон Худ Катберт,
пассажирка яхты «Герб Мальборо»

Корабельный лазарет не был похож на лечебницу, в которой мне как-то раз довелось побывать, когда еще в детстве, играя в серсо, я подвернула ногу. Здесь было чисто, пахло лекарствами, а странные по внешнему виду лампы излучали свет, похожий на солнечный. Доктор был одет в просторный костюм светло-голубого цвета, а не в заляпанный кровью кожаный фартук и засаленный сюртук.

– Вы, голубушка, признаюсь вам, настоящая счастливи-

ца, – сказал он мне на довольно сносном английском языке. – Из всех, кто был на вашей яхте, выжили лишь трое: вы, хозяин яхты и ваш брат. А у вас, похоже, только сломана левая рука. Хотя без рентгеновского аппарата я не могу вам точно сказать, есть перелом или нет. Возможно, что это даже не перелом, а просто трещина кости предплечья. Надо будет отправить вас на «Смольный», у них есть рентген. Ну, и еще имеется пара-тройка царапин и синяков на левой груди – вас спас китовый ус в корсете, хоть и поцарапало немного. Но не страшно, даже зашивать не придется.

Я спросила его с любопытством и некоторым опасением:

– А что за лучи такие – X-rays[4]?

Доктор заразительно рассмеялся:

– О, милая, это такие лучи, с помощью которых можно увидеть на экране все ваши прелестные кости.

– А зачем это нужно? – удивленно спросила я.

– А затем, милая, чтобы было видно, есть ли у вас перелом, а если есть, то где именно. Ладно, это подождет.

Он смазал последнюю ранку каким-то сильно пахнущим снадобьем, отчего там сразу же защипало, заклеил ее куском пластыря, смазал синяки какой-то другой мазью и, критически оглядев, произнес:

– Сейчас вам помогут надеть ночной халат и отведут в палату. В отдельную палату, заметьте – других пациенток у нас нет и в ближайшее время не предвидится.

---

[4] Так по-английски называются рентгеновские лучи.

– Доктор, скажите, а когда с моей руки снимут повязку? – поинтересовалась я.

– Вам только наложили повязку, а вы уже хотите, чтобы ее сняли? Какая вы нетерпеливая, – улыбнулся доктор. – Ничего не поделаешь, вам придется потерпеть. И не переживайте за вашу грудь – шрамов, думаю, на ней не останется. Все будет выглядеть, будто ничего и не случилось.

Я несколько напряглась – подобные темы у нас как-то было не принято обсуждать с мужчинами, пусть даже они и медики.

– А когда я смогу увидеть брата?

– Его вы увидите денька через два-три, – доктор развел руками. – Раньше не получится – его сейчас готовят к операции.

– С ним что-нибудь серьезное? – не на шутку испугалась я.

– Да нет, как у нас говорят в России, до свадьбы заживет. А вот его английскому другу повезло меньше. Но и он будет жить, хоть и без руки.

Молодой человек в военной форме, которого врач представил мне как своего помощника, немного смущаясь, надел на меня ночную рубашку и отвел в небольшую палату, в которой было две кровати. На тумбочке стояла ваза с фруктами, графин с водой и стакан. На стене напротив висели четыре картины. Две из них мне понравились: на одной была изображена юная девушка с персиками, а на другой – мед-

веди в сосновом лесу. А вот третья и четвертая, висевшие в ногах обеих кроватей, были абсолютно черными.

Мой спутник улыбнулся, подкатил ко мне столик-тележку, на которой были расставлены тарелки с едой, и сказал мне на довольно неплохом английском:

– Доктор сказал, что вам можно есть всё. Тут супчик куриный и пельмени со сметаной. Поешьте и ложитесь, отдохните. Если что, то судно под кроватью. Вам помощь понадобится?

– Да нет, – смутилась я. – Вроде смогу и сама, – и перевела разговор на менее неудобную тему: – А у вас нет Библии и какой-нибудь другой книги? – спросила я. – Хочу немного отвлечься от воспоминаний о недавних ужасах.

– Вам на английском? Хорошо, я посмотрю в корабельной библиотеке. А вы какие книги предпочитаете? – поинтересовался помощник доктора.

– Что-нибудь про любовь, – покраснев сказала я. – Кстати, а как вас зовут?

– Старшина 1-й статьи Емельянов, – представился он.

– Такое я не смогу произнести, даже если мне очень захочется. Простите меня, – мне стало немного стыдно из-за того, что я не знаю русский, а он английский знает.

– Ну, тогда называйте меня просто Алекс, – сказал он и кивнул мне.

– Очень приятно, Алекс, – я, как смогла, сделала некое подобие книксена, что было весьма непросто, так как я на-

ходилась в лежачем положении. – А меня зовут Мейбел.

– Вы англичанка? – поинтересовался он.

– Нет, я живу в Джорджии, – ответила я.

Алекс как-то странно на меня посмотрел, после чего я уточнила:

– Это которая в Североамериканских Соединенных Штатах.

– А, теперь понятно, какая это Джорджия, – кивнул головой Алекс.

– А разве есть еще одна? – удивленно спросила я.

Алекс неожиданно для меня улыбнулся и сказал:

– Хотите, я вам после обеда фильм покажу?

– Фильм? – я опять удивилась. Очень странные люди эти русские – говорят о непонятных вещах, причем так, будто все остальные должны о них знать. И я решила спросить его: – А что это такое?

– Увидите, – и он, загадочно усмехнувшись, вышел из каюты.

Я поймала себя на мысли, что мне становится все интереснее и интереснее общаться с русскими. Я ничуть не обижалась на то, что доктор и этот Алекс смотрели на меня как на взрослого ребенка. Действительно, кто я для них? Глупая девица с яхты, которая зачем-то притащилась в самую гущу боевых действий, тем более из страны, враждебной России. А обо мне здесь заботятся, как о самом желанном и любимом человеке.

А началось все с того, что моим родителям пришло письмо от дальнего маминого родственника, Джона Худа, который жил в Англии. В письме было приглашение посетить его в любой удобный для нас момент. Я как раз окончила женские курсы в Саванне, а мой брат Джимми, который был меня на год старше – колледж Нью-Джерси. Я была свободна, как ветер – мой жених (который, если сказать по правде, мне не очень-то и нравился) скончался недавно от желтой лихорадки. И мама уговорила папу отпустить в Европу не только Джимми, но и меня.

В Англии мне очень понравилась старина – таинственные замки, церкви, дворцы, да и просто живописные улочки старинных городов. А вот британская погода – нет. Почти все время было холодно и ветрено, часто шел холодный дождь – у нас летний дождь теплый – да и люди здесь жили подстать погоде, холодные и чопорные. Счастливым исключением оказался наш кузен Алджи – тот с ног сбивался, лишь бы нам показать что-нибудь этакое. Он-то и предложил круиз по Балтике.

Должна сказать, что города на континенте мне понравились больше, да и еда там была намного вкуснее, чем в Англии или на яхте – ведь повар на ней оказался типичным англичанином. Впрочем, как известно, дареному коню в зубы не смотрят. Альфред, хозяин яхты, был настоящим джентльменом, а его кузина – весьма мила и любезна.

А вот с моей собственной кузиной, Викторией, сразу же начались проблемы – та почему-то все время посматривала на меня искоса. Может быть, потому, что Алфи больше засматривался на меня, чем на нее, хотя я и не давала ему никаких надежд.

Когда мы добрались, наконец, до Бомарзунда, то я увидела недостроенную русскую крепость, которую жестоко обстреливали две дюжины кораблей, и которую осаждали несколько тысяч французов.

Неспортивно, подумала я уже тогда и поймала себя на мысли, что я почему-то симпатизирую скорее русским, хотя вслух этого, разумеется, и не сказала. Джимми потом мне по секрету шепнул, что и он разделяет мои симпатии. Но у русских, увы, шансов отбиться от врага практически не было – ведь у англичан и французов имелось подавляющее преимущество и в артиллерии, и в живой силе.

А сегодня утром наш гостеприимный хозяин с возбуждением заявил нам, что «почти вся русская артиллерия выбита, и теперь наступает последний акт комедии». И он, похоже, был прав – полдюжины кораблей, два из которых были просто левиафанами, как мне объяснили, пошли узким проливом, чтобы войти в большое озеро, расположенное в глубине острова. Они должны были зайти в тыл русской крепости. Оттуда можно было безнаказанно обстреливать русские укрепления. Обычно невозмутимый, даже скорее чопорный Алфи чуть не пустился в пляс, наблюдая за происходящим.

И как только он разразился очередной тирадой о том, что наконец-то русским покажут их место в цивилизованном обществе, о котором они никогда не должны забывать, как произошло что-то невероятное. Загремели взрывы, не похожие на обычную пушечную стрельбу. Сначала один, а потом и другой левиафан, замыкавших строй двигавшихся гуськом кораблей, окутались сначала дымом, а потом вспыхнули, словно два огромных костра.

Алфи от удивления открыл рот и чуть не сел мимо стула. Он побледнел и заблеял, что русские, наверное, этой ночью поставили в проливе мины, что это нецивилизованные методы ведения войны на море, достойные лишь азиатских варваров, и что великие европейские державы, несмотря ни на что, все равно одержат над ними победу.

Но тут практически одновременно взорвались три корабля, стоящие на рейде, включая флагман французов, многопушечный красавец «Аустерлиц». Внутри меня все ликовало, но моя мама учила, что истинная леди не показывает своих чувств, особенно если они могут обидеть кого-либо.

Но похоже, скрывать подлинные чувства умели далеко не все. Виктория вдруг завизжала от радости:

– Смотрите! Вон там!

Из дымки на горизонте вдруг показались силуэты нескольких больших железных кораблей без парусов.

Алфи вслед за Викторией радостно завопил:

– Стюард! Шампанского, и побыстрее!

Джимми с удивлением спросил у него:

– А это еще зачем?

– Это могут быть только наши! – воскликнул Алфи. – Ведь, Джимми, признайся, только англичане умеют строить современные корабли. И ваши, и французские – это вчерашний день, а русские – вообще плавучий хлам.

Один из матросов, обычно прислуживавших нам за столом, принес шампанское и бокалы. Но вслед за хлопком вылетевшей пробки со стороны моря неожиданно раздался гром выстрела. Железный корабль открыл огонь. Огромный фонтан воды поднялся у борта одного из кораблей эскадры.

Викки и Диана, не сговариваясь, рванули к трапу, словно лошади на скачках, по дороге едва не сбив с ног матроса, который стоял, разинув рот от удивления, и смотрел на невесть откуда взявшиеся корабли. За ними не спеша отправился и Алджи, обронив:

– Присмотрю за ними – как бы не случилось беды…

Алфи, сидевший на стуле рядом со мной, промямлил:

– Тут какая-то ошибка… Сейчас все это прекратится…

Но скоро три корабля союзного флота, в которые попали ядра с неизвестных кораблей, взлетели на воздух. А остальные корабли эскадры спустили флаги и сдались на милость победителей.

И тут вдруг какая-то батарея с французских позиций открыла огонь по железным кораблям. До них ядра, понятно, не долетели – слишком уж большое было до них расстояние

– а вот в нашу яхту очень даже, хоть она и стояла чуть в стороне. Одно ядро угодила прямо в салон, куда только что спустились девушки и милый кузен Алджи. А через несколько секунд палуба вдруг заходила ходуном, и я упала, больно ударившись о борт яхты, после чего вдруг неожиданно для себя оказалась в прохладной воде.

Плавать я умела, и неплохо – все-таки не зря провела столько времени у родни на острове Святого Симона. Но попробуйте продержаться на воде в полном наряде английской яхтсменки, который был на мне, тем более что левая рука у меня ужасно болела.

Что произошло потом, помню смутно. Помню лишь, как ко мне подошла шлюпка, и как чьи-то сильные руки втащили меня в лодку. Я упала на ее дно и почувствовала, что лежу на чем-то мокром и мягком. Открыв глаза, я увидела перед собой мертвое лицо Виктории. В глазах у меня потемнело, и я упала в обморок.

Когда я пришла в себя, то уже лежала нагая на столе, наполовину прикрытая простыней, а русский врач деловито осматривал мою руку.

Тут вернулся Алекс, и я очнулась от своих воспоминаний.

– Простите, но про любовь я нашел только вот это, – и он протянул мне странное издание «Гордости и предубеждения», почему-то не в кожаном переплете, как обычно, а в бумажной обложке. – И вот вам еще Евангелие, – Священ-

ное Писание было в твердом переплете из какого-то странного материала. – Да, и вот еще Шекспир, – и он положил передо мной на стол потрепанный томик «Гамлета», тоже в бумажном переплете.

– Спасибо, – Я был благодарна Алексу за его услугу.

– А вот и фильм, – он взял лежавшую на моей тумбочке продолговатую коробочку с какими-то квадратиками. Потом нажал на один из них, и на черной картине напротив моей кровати вдруг появилось изображение синего моря, белого песчаного пляжа и пальм – почти как на острове Святого Симона, где я так любила купаться.

– Как красиво! – я попыталась захлопать в ладоши, но тут же сморщилась от боли в поврежденной руке.

– Болит? – участливо спросил он. Я отрицательно покачала головой, и он продолжил: – Да нет, это еще не все.

Алекс улыбнулся и открыл какую-то плоскую коробочку, которую тоже принес с собой. Достав серебристый диск, он сунул его в узкую щель под черной картиной, потом дал мне ту, первую коробочку:

– Вот сюда нажимайте, если вам захочется остановить фильм, – пояснил Алекс. – Сюда – чтобы выключить Ти-Ви. Сюда – чтобы сделать погромче, а сюда – потише. А вот так, – он нажал на кнопку с треугольником, – мы запускаем фильм.

В Ти-Ви (так, я поняла, называлась та странная картина) вдруг заиграла музыка, и картинка сменилась на четыре слова: «Gone With the Wind».

16 (4) августа 1854 года.
Аландские острова. Крепость Бомарзунд
Елизавета Тарасовна Бирюкова,
корреспондент ТВ «Звезда»

– Странно, – удивленно сказал Юра. – А Лиза сказала, что передала… – и он вопросительно посмотрел на меня.

Юра – это мой шеф, Юрий Иванович Черников, легенда нашего телеканала. А я – его заместитель. Юра меня берет с собой всюду, кроме действительно горячих точек, где бывает опасно. Я, конечно, протестую каждый раз, когда меня оставляют дома, но это так, для проформы – ведь ежу понятно, что погибать в какой-нибудь задрипанной Сирии мне почему-то не очень хочется.

А тут намечался круиз на Карибы, а до того – визит в несколько скандинавских столиц. Так что вот она я собственной персоной. Елизавета Тарасовна Бирюкова, в девичестве Орлик, тридцати четырех лет от роду, уроженка славного миста Житомир, но жившая сначала в Киеве, а когда мне исполнилось пять лет и моему отцу предложили должность в Москве, туда он и отбыл вместе со всей семьей и соответственно со мной.

В девяносто первом отец задумал было вернуться в Неньку, ставшую нэзалэжной. Но каким-то чудом он сумел откусить кусок приватизационного пирога и остался в Москве. А через пять лет его не стало – какие-то разборки между сво-

ими. И мама выскочила замуж за другого, да с такой скоростью, что у меня невольно возникла мысль, что этот другой скрашивал ее досуг еще в те времена, когда мой папахен крутился, как белка в колесе, зарабатывая на брюлики мамане и на разнообразные секции, вояжи и просто репетиторов для меня.

Мой новый отец продолжал баловать и маму, и меня, а когда мне исполнилось шестнадцать, я, прикинув, что пора и мне протиснуться поближе к его кошельку, уложила его к себе в постель. Сделать это оказалось не так уж и трудно. Так я стала его второй сексуальной партнершей, вплоть до того момента, когда поступила на факультет международной журналистики в МГИМО, куда меня «папик» устроил через какие-то свои связи. На тот момент мамочка с моим новым папочкой жили на Рублевке, а мне была куплена квартира в Москве, которая поначалу служила сексодромом для многих моих однокурсников и однокурсниц.

Вскоре, увы, ко мне переехала жить мамочка – видите ли, ее милый друг Алешенька нашел себе новую пассию, в два раза моложе ее и с ногами до ушей, зато, по маминым словам, «с отвислыми буферами и толстой задницей». Мамину попу, конечно, худой тоже не назовешь, зато ее грудь и в сорок четыре смотрелась весьма и весьма неплохо. Но Алексей Иваныч клюнул на молодую дуру.

Через пару месяцев он позвонил мне и пригласил встретиться. После ресторана без вывески, где готовили получ-

ше, чем в «Арагви», и пары часов на роскошной кровати под балдахином в еще одной его московской квартире на Мясницкой, он мне сказал, что после меня ему с матерью стало не интересно. «Знаешь, твоя мамаша лежит в постели, как гипсовая статуя с веслом. Да еще у нее при этом такое выражение скуки на лице…» Новую свою мамзель он тоже описал не в самых лестных тонах – но, как он сказал, «на этот раз мне хоть ума хватило на ней не жениться, а то знаешь, сколько пришлось отдать при разводе…»

У мамы действительно теперь водились весьма неплохие деньги, крутые тачки – «порше», «бэха», – куча ювелирки… А еще на нее была переписана квартира, в коей я и обитала. Так что отжать ее у матери у меня возможности не было, и мой домашний «сексодром» закончился, похоже, навсегда. Вскоре она нашла себе одного грузина, чуть постарше меня, и жизнь в квартире стала для меня совсем невыносимой. – Грузинчик этот пытался, конечно, и ко мне подбить клинья, но он мне был абсолютно неинтересен.

Поэтому я вскоре выскочила замуж за Ваню Бирюкова, моего сокурсника – у него родители уехали то ли в Камерун, то ли в Сенегал, где работали в посольстве. А квартира осталась в его полном распоряжении. Брак наш распался через неделю после выпускного вечера. Ваня поехал в Питер на собеседование на какой-то тамошний телеканал, а после оного так торопился к своей супружнице, сиречь ко мне, что успел на обратный самолет аж на два часа раньше. И застал

меня in flagrante delicto с бывшим моим отчимом, который наведался в гости, как он делал время от времени, когда мужа не было дома. Так что оказалась я в той самой квартире с балдахином – с условием, что, пока я там живу, буду ублажать Алексея Иваныча, когда последний будет наведываться в Первопрестольную.

Он же и устроил меня по знакомству на тогда еще новый телеканал «Звезда». Сначала дела у меня шли ни шатко ни валко – на экране я ни разу не появилась, делала работу, которую считала ниже своего достоинства. Зато через два года, когда на канал пришел Юра Черников и ему нужны были сотрудники, я каким-то чудом сумела подсуетиться и устроилась к нему. Впрочем, чудо было вполне рукотворным – я переспала несколько раз с мужиком, который был ответственным за комплектование его съемочной группы. Потом, когда заартачилась одна наша весьма могущественная администраторша, про которую ходили слухи о розовом колере ее предпочтений, то пару раз пришлось порезвиться и с ней. Последнее мне было несколько противно, но что ни сделаешь ради хорошего места!

Про Юру Черникова уже тогда ходили легенды. После школы он провоевал два года в Афгане, где, по слухам, был снайпером. На День Победы и на День воина-интернационалиста он надевает свои награды. Там есть и парочка орденов (не спрашивайте, какие именно – я в такой ерунде не очень-то и разбираюсь) и медаль «За отвагу» – ее ему дали, по слу-

хам, вместо Героя. Ну, и еще какие-то медали, советские и афганские.

Впрочем, про свое пребывание «за речкой» он рассказывать не любит. Вернувшись, он поступил в МГУ на факультет журналистики, где и женился на девушке с факультета иностранных языков. Как по мне, то у нее ни кожи, ни рожи. Но Юра в ней души не чаял и сделал с ней четырех детей, а пятым он усыновил своего крестника, сына одного из своих афганских друзей, когда последний с женой попал под раздачу при каких-то разборках в лихие девяностые.

Работать с ним было одно удовольствие. Но когда я попыталась затащить его к себе под одеяло, он мне прямым текстом заявил, что, дескать, женат, жене не изменяет и изменять не собирается. Да тут еще и папахен после очередной бурной ночи посмел мне намекнуть открытым текстом, что достоинства мои начали уже показывать признаки того, что и они подвластны времени, и чтобы я не забывала, что больше я ему не родственница. Что он сам полностью облысел и растолстел настолько, что уже при всем желании не может рассмотреть свое достоинство, я ему говорить не стала – лучше пока не сжигать мосты. Тем более что он дал мне целых три месяца на выселение. Денег на свои четыре угла у меня не было, и я выскочила замуж за Леньку Иванидзе – того самого, который мне когда-то помог устроиться к Юре, и переехала с Мясницкой в самое что ни на есть Южное Бутово.

За несколько последних лет я превратилась из рядовой со-

трудницы в Юриного заместителя и нередко даже сама вела программы – Юра готовил меня в полноценные корреспонденты. Но с мужем мне не слишком повезло – тот, как оказалось, был не просто слишком любвеобильным. Выяснилось, что он не прочь был крутить любовь не только с женщинами, но и с мужчинами. Впрочем, ради квартиры, пусть и в Бутово, я терпела его похождения, а Ленька мои. Так что все было не так уж и плохо.

А пару дней назад в Стокгольме я впервые увидела это ничтожество – Николаса, блин, Домбровского. Сначала, конечно, он мне понравился – высокий, статный, неглупый, да еще и американец. И когда у нас появился почти целый свободный день, я попросила его показать мне Стокгольм, в котором он, как оказалось, уже успел побывать, хотя и давно.

Он поводил меня по Гамла Стану, потом мы зашли в музей «Васы» – в музей современного искусства меня не тянуло – после чего я спросила, нельзя ли вместо этого где-нибудь искупаться. Он зашел в магазин, купил там плавки и повез меня на озеро Меларен, что в черте города. Я, конечно, загодя надела на себя весьма откровенный купальник, а на пляже, увидев, что большинство местных дам загорали топлесс, тоже сняла лифчик, после чего попробовала прижаться своей, еще довольно красивой грудью к этому американ бою. А тот, скотина, от меня отстранился и сказал, что, дескать, находит меня привлекательной и все такое, но пока, мол, к большему у него нет желания, и он не склонен форсировать

события. Вот когда мы узнаем друг друга получше, тогда все может быть. Сволочь, ненавижу!

Потом, после того как мы перенеслись во времени в прошлое, Юра пригласил его к себе и предложил создать газету «Голос эскадры» и телеканал для распространения новостей в местных сетях на кораблях. Ник согласился, после чего они снизошли до того, что предложили мне брать интервью у дам. Тоже мне – нашли девчонку на побегушках… У меня до сих пор в ушах слышится Юрин голос: «Коля, ты мужик талантливый, я тебя научу всему, что сам умею!» А обо мне он, гад, ни слова не сказал.

Договорились голубки до того, что Юра будет играть первую скрипку при описании военных действий и в общении с людьми титулованными. Ну, а Ник – со всеми прочими.

После того как французы капитулировали, мы отправились в цитадель, где после генерала Бодиско Юра решил поговорить с Чарторыйским. Юра вообще весьма неплохо говорит по-французски – его жена, видите ли, специалист по-французскому и так его натаскала, что его даже сами французы часто принимают если и не за своего, то уж за какого-нибудь квебекца точно. Но Чарторыйский, как оказалось, по-французски говорит весьма хреново, и Юра послал меня за Ником – мол, тот, кажется, говорит по-польски. Я же сказала ему, что Ник сожалеет, что не сможет прийти. Буду я еще его карьере помогать… Вышла минут на десять, посто-

яла и вернулась.

А после интервью мы встретили Ника, которому Юра попенял, что тот не пришел. Ник удивился – мол, мне никто ничего такого не передавал. И вот теперь Юра смотрел на меня с искренним недоумением. Я собралась с мыслями и сказала ему с кокетливой улыбкой:

– Юрочка, ты, наверное, меня плохо понял. Я ж тебе тогда сказала, что Николаса просто не нашла…

14 (2) августа 1854 года.
Дорога на Гельсингфорс
Капитан Васильев Евгений Михайлович

Как я и предполагал, после того как нашу технику переправили на другой берег Финского залива, императору вдруг захотелось вместе с нами отправиться в Свеаборг. Напрасно мы убеждали его не делать этого, ссылаясь на неудобства, связанные с такой поездкой. С царями спорить тяжело, а с Николаем Павловичем – в особенности.

Поняв всю бесперспективность дальнейших препирательств, я в конце концов махнул рукой, лишь посоветовав императору взять с собой плащ-епанчу, чтобы сберечь мундир от пыли и грязи.

– Господин капитан, – с усмешкой сказал мне Николай, – если бы вы знали, сколько мне пришлось попутешествовать. Причем далеко не всегда в карете Придворного ведомства. Доводилось мне ездить и в обычных дрожках, и в санях, и

верхами. В 1830 году во время путешествия в Финляндию сломались дрожки, на которых я ехал. Я пересел на запасные, но и они сломались. Пришлось забраться в обычную чухонскую крестьянскую телегу. И вот на ней-то я, наконец, благополучно добрался до Гельсингфорса.

Мои канцеляристы как-то подсчитали, что в год я проезжаю в среднем по пять с половиной тысяч верст. Помнится, как-то раз по дороге из Пензы в Тамбов при спуске с крутого косогора ямщик не притормозил лошадей, и мой экипаж перевернулся. Я отделался переломом ключицы, а вот бедняга-камердинер, сидевший рядом с этим ямщиком-разиней, серьезно покалечился. А сколько было еще разных дорожных приключений… – Николай махнул рукой.

В общем, пришлось провести с императором краткий ликбез, как следует вести себя во время движения на броне бэтээра. О том, чтобы предложить царю место внутри, речи и не шло. Во-первых, Николаю, учитывая его рост – 189 см – было бы там просто тесно. И во-вторых, августовское солнце припекало не на шутку, и ехать на броне, с точки зрения комфорта, было гораздо приятней.

Император, как опытный наездник, забравшись на боевую машину, быстро нашел на ней удобное для сидения место. А на мои предостережения насчет сотрясений и рывков во время движения, он ухмыльнулся и сказал, что сидеть в седле во время скачки коня во весь опор гораздо опасней.

Император потребовал от своего адъютанта, слегка обал-

девшего от намерения Николая путешествовать вместе с нами, чтобы тот срочно добыл для него карту дорог Великого княжества Финляндского. Пока адъютант искал карту, мы прогулялись с императором вокруг суетившихся возле бронетранспортеров морских пехотинцев.

– Скажите, господин капитан, – спросил у меня Николай, – а ваши стальные машины выдержат такую дальнюю дорогу? Ведь дрожки во время поездки в Финляндию ломались не по причине их ветхости, а из-за того, что тракт, по которому нам пришлось ехать, был в весьма скверном состоянии. Конечно, с тех пор прошло уже почти четверть века, и дороги привели в более-менее сносный вид, но все же… – И император внимательно посмотрел на меня.

– Выдержат, ваше величество, – бодро заявил я Николаю. А на душе у меня было немного неспокойно – вот будет конфуз, если бэтээр возьмет, да и сломается. Стыда не оберешься.

Наконец, примчался взмыленный адъютант с требуемой картой. Я развернул ее и хмыкнул. На ней были почти все те же дороги, которые существовали и в XXI веке. Довелось мне в свое время побывать в Финляндии. А в Выборг я часто ездил по делам – службы.

Я передал карту Ване Копылову, который, по плану, следовал в головной машине. На этой же машине, только на броне, должны были следовать и мы с Николаем. Обождав еще пару минут, я скомандовал: «К машинам!» Когда все мор-

пехи выстроились у бэтээров, а старшие открыли посадочные люки десантного отделения, последовала новая команда: «По местам!» Оглушительно затарахтели пускачи двигателей боевых машин, а из выхлопных труб повалил густой дым. Однако вскоре мерно заурчали камазовские дизели, и, устроившись вместе с Николаем на броне, я скомандовал по рации: «Марш!» И мы отправились в путь.

Нет, все же красивые места у нас под Питером. И в XIX и в XXI веке. Старые сосны росли вдоль дороги, видны были небольшие озерца, на полянах высились огромные гранитные валуны, которые притащил в эти края ледник.

Николай, устроившись поудобней на броне, расспрашивал меня о нашем житье-бытье в третьем тысячелетии. Я отвечал ему, тщательно взвешивая каждое слово. Ведь многие наши реалии для императора казались, мягко говоря, глупыми. Например, он совершенно не одобрял парламентский строй. Управление страной людьми, которые ограничены пребыванием у власти сроком своих полномочий, по мнению императора, было преступлением. Лишь наследственная монархия, причем не урезанная конституцией и другими ограничениями, как считал Николай, сделает самодержца ответственным перед своим преемником, который рано или поздно сменит его на престоле.

У меня на этот счет было другое мнение, но спорить с императором мне не хотелось. Бог его знает, может быть, он и прав – ведь тот же Иосиф Виссарионович, хотя и был пар-

тийным лидером, но прав у него было поболее, чем у иного монарха. Правда, после его смерти власть перешла в руки недостойных людей, которые в конце концов и промотали его наследство.

Гораздо более интересным и полезным оказался разговор о развитии военной техники. Взять те же бронетранспортеры: БТР-80, на котором мы сейчас ехали, появившись на поле боя в Крымскую войну, мог произвести настоящий фурор. Неуязвимый для здешних ружей, он преспокойно раскатывал бы перед вражеским строем, расстреливая пехотинцев противника, словно в тире. Тут все упиралось лишь в количество боеприпасов. Но сам вид бронированного чудовища, игнорирующего пули, выпущенные из капсюльных ружей и штуцеров, наверняка вызовет панику у врага. А ответный огонь бэтээра из пулеметов и из 30-миллиметровой пушки 2А72 по плотным строям пехоты нанесет противнику страшные потери.

– Да, господин капитан, – вздохнул император, – войны будущего – страшные и кровопролитные. Надеюсь, что у людей в конце концов хватит ума перестать истреблять друг друга, и они будут стараться решать свои противоречия мирным способом. Я не ошибаюсь?

Теперь настала очередь вздохнуть мне. Я еще не рассказал Николаю о Первой мировой войне и войне, которую наши отцы и деды назвали Великой Отечественной, а сейчас почему-то все чаще и чаще называют Второй мировой. А сколько

народа ухлопали во время небольших, внешне не очень-то и заметных войнах!

– Ваше величество, – ответил я, – вы правы. Военная техника, став чрезвычайно могущественной, заставляет людей воздерживаться от всеобщего кровопролития. Ведь в противном случае мир будет полностью уничтожен, а те, кто останутся в живых, позавидуют мертвым.

Император удивленно посмотрел на меня. Поняв, что я не шучу, он побледнел. Видимо, у него просто в голове не укладывалось, что потомки смогут устроить сами себе рукотворный Армагеддон.

– Ваше величество, – сказал я, – чтобы этого не случилось в вашем варианте истории, следует принять все возможные меры. Ведь Крымская война – это поход практически всей Европы против России. Ослабление нашего Отечества скажется на всей мировой политике, что в конечном итоге завершится мировой войной. В ней погибнут миллионы людей. Вот потому-то, ваше величество, надо, чтобы Россия победила в этой, называемой у нас Крымской, войне. Лишь тогда наши европейские недруги сделают на какое-то время надлежащие выводы и оставят Россию в покое.

Мы едем сейчас в Свеаборг для того, чтобы согласовать действия против англо-французского флота на Балтике. Как мы полагаем, поражение союзников полностью изменит расклад сил и, возможно, позволит завершить войну.

– Вы полагаете, что все произойдет именно так, господин

капитан? – с сомнением спросил Николай. – Ведь это будет означать фактическое поражение Британии и Франции. И если королева Виктория может довольно спокойно перенести эту – конфузию, то для императора Наполеона III неудача в войне с нами станет роковой.

– Это не совсем так, ваше величество, – ответил я. – Наполеон бездарно закончит войну с Австрией и с треском провалит авантюру в Мексике, куда он полезет для того, чтобы посадить на мексиканский трон Максимилиана – брата австрийского императора Франца Иосифа. Но вполне вероятно, что поражение в войне с Россией сильно ослабит Францию. Как бы то ни было, следует изгнать агрессоров из Балтийского и Черного морей. С первым вопросом мы почти справились, второй же будет решен в самое ближайшее время.

Николай замолчал и о чем-то задумался. Я не стал отвлекать его от размышлений. Пусть император еще раз прикинет, все ли было сделано так, как нужно, и насколько правильно проводил внешнюю политику империи глава российского МИДа канцлер Карл Нессельроде.

Каждый из нас думал о своем. А двигатель бронетранспортера мерно урчал, вращались колеса, и с каждой минутой мы приближались к Гельсингфорсу – столице Великого княжества Финляндского.

16 (4) августа 1854 года.

Аландские острова.
Цитадель крепости Бомарзунд
Николай Максимович Домбровский, заместитель председателя медиахолдинга «Голос эскадры»

Когда мы с Юрой Черниковым ломали голову над названием нашего нового СМИ, я в шутку предложил назвать его «медиахолдинг «Эскадра». Юра немного подумал и со смехом подправил: «Медиахолдинг – це дило, но пусть он будет называться «Голос эскадры». На том и порешили.

Первым же катером после капитуляции франко-бриттов в цитадель отправилась группа тележурналистов из бывшей «Звезды». Потом – вторая, моя. Мы с Юрой договорились так – он интервьюирует генерала Бодиско и подполковника Чарторыйского, я же потолкую с адмиралом Непиром, хоть и не моим соотечественником, но говорящим почти на том же языке. Как сказал (точнее, скажет) Оскар Уайлд в «Кентервильском привидении», «у нас (то есть в Англии) сейчас все так же, как и в Америке, не считая, естественно, языка».

Но оказалось, что все было не так просто, как я поначалу думал. Отдав приказ сдаться и спустить флаги, адмирал Непир ушел с мостика «Бульдога» и застрелился в своей каюте. А французский адмирал Парсевал-Дешен погиб при взрыве «Аустерлица». Следующим по старшинству был бы контр-адмирал Пламридж, но он был тяжело ранен на своем флагмане – «Леопарде», и пребывал в данный момент в лазарете учебного корабля «Смольный».

Оставался контр-адмирал Чадс, но он все еще находился на «Эдинбурге». Более того, даже какого-нибудь завалящего капитана горе-союзников в Бомарзундской цитадели на данный момент попросту не было.

Что ж тут поделаешь, подумал я и решил со своей группой снять репортаж о развалинах цитадели – судя по состоянию ее стен, вряд ли она продержалась бы дольше двух-трех дней. Защитники ее представляли сборную солянку из русских, финнов и шведов, причем преобладали последние – Аланды были шведскоязычной территорией, и именно местные жители составляли большинство ее защитников. Но кое-кто немного говорил по-русски, и меня поразило то, что я услышал от них – каждый сказал в той или иной форме: «Мы все умрем, но не сдадимся!» Я вспомнил, что когда генерал Бодиско в нашей истории все-таки сдал крепость, гарнизон его за это не простил.

Где-то между делом я увидел Лизу, которая вышла из дома коменданта, помахала мне ручкой, выкурила сигарету и вернулась обратно в здание. Минут через пятнадцать Юра, Лиза и их группа вышли из того же дома. Я направился к ним. Юра мне сказал:

– Коль, а что ты к нам не подошел? Этот долбаный Чарторыйский по-французски ни бельмеса. Тут нам ох как пригодились бы твои знания польского языка.

Действительно, когда-то давно я решил выучить польский как язык, на котором говорили мои предки по линии Дом-

бровских. Учил я его по учебнику из университетской библиотеки, там же и общался с польками, благо подрабатывал в библиотеке в отделе каталога славянской литературы, в котором работали и польки, и чешки, и даже одна русская… Хорошие были женщины, все норовили подкормить бедного студента. Поэтому к полякам у меня было намного лучшее отношение, чем их страна заслуживает в данный момент.

Я посмотрел на Юру с недоумением:

– Так меня никто не звал…

Тут Лиза, бросив на меня весьма неприязненный взгляд, защебетала:

– Юрочка, ты, наверное, меня плохо понял. Я ж тебе тогда говорила, что Николаса просто не нашла.

Я решил не нагнетать обстановку – она меня тогда не только увидела, но и помахала ручкой. Я мог бы, конечно, и сам тогда к ней подойти, но во-первых, она меня не позвала, а во-вторых, после того раза на Меларене мне совсем не хотелось с ней общаться сверх положенного по службе. Поэтому я перевел разговор на более интересную для меня тему:

– Юр, а что рассказал тебе этот пан Чарторыйский?

– Ничего интересного. В общем, я понял лишь одно – высший комсостав был уничтожен в первые же минуты боя, русские пользовались запрещенным оружием, так что выбора у них не было. Примерно все так, как было у поляков в 1939 году в нашей истории – правительство оперативно смылось за границу, а войско – кто сдался, кто бежал в те земли, где

была советская армия.

Но и здесь, как и тогда, пан Чарторыйский подчеркнул, что именно поляки дрались храбрее всех – единственная батарея, которая сделала хотя бы один выстрел в сторону новых русских – мне, кстати, понравилось это словосочетание – была Первая польская батарея под командованием капитана Ежи Домбровского. Твоего однофамильца – а может, и родственника.

– Если он дворянин, то родственник, – сказал я. – Домбровских было множество, но все от одного корня, с одним гербом. Вот таким, – и я показал Юрию свою печатку, когда-то сделанную мне отцом в подарок.

– А не хочешь пойти побалакать со своим родичем? Язык-то ты знаешь…

– Хорошо, – я почесал затылок. – Тем более что своим залпом его батарея уничтожила английскую яхту, не причинив нам никакого вреда. А где он сейчас?

– Он как офицер вон в том здании, – Юра махнул рукой куда-то в сторону, – повезло ему – был бы нижним чином, ночевал бы сегодня в чистом поле. Подожди, вот тебе бумага от генерала Бодиско, покажешь ее охране.

Я прошел к указанному мне зданию – длинному, приземистому, судя по всему, одной из казарм, которые были построены, но так и не дождались солдат гарнизона. У входа дежурило полдесятка казаков.

– Здравия желаю, ваше благородие, – сказал десятник,

прочитав по складам письмо. – Чего желаете?

– Поговорить с капитаном Домбровским, – ответил я.

– А, есть у нас такой, – засмеялся казак. – Беспокойный он какой-то – то требует дополнительное одеяло, то вина, то еще что-то. Пришлось ему объяснить, что здесь не дорогие нумера в трактире. А когда он начал обзываться, то Никифор ему и разъяснил, где раки зимуют.

Я посмотрел на Никифора – так, судя по всему, звали веселого и крепкого станичника. Тот улыбнулся:

– Да вы не сумлевайтесь, ваше благородие. Не бил я его. Так, показал ему кнут, а тот сразу побледнел и бегом обратно внутрь. Если хотите, располагайтесь прямо у входа в комнату начальника караула – можете поговорить с ним там.

– Да нет, лучше уж здесь, на свежем воздухе, там у вас, наверное, темно.

– И то верно, – усмехнулся десятник, почему-то шумно вздохнув. – Пусть вот Никифор тогда с вами постоит, если, конечно, вашему благородию это будет угодно.

– Ладно, – улыбнулся я. – Давайте сюда вашего беспокойного поляка.

Через пять минут ко мне привели невысокого человека во французской форме – должен сказать, что я абсолютно не разбирался в знаках различия армии императора Наполеона III. У этого были эполеты, красные штаны, синий китель и высокая шапка. А еще – вислые польские усы и выражение тупой спеси на физиономии.

– Пане Домбровски… – начал я по-польски.

– Я капитан, – бесцеремонно перебил он меня. – Поэтому вы должны ко мне обращаться не иначе как пане капитане.

– Что-то я не замечал, что вы нас победили. Мне почему-то кажется, что все произошло с точностью до наоборот, – усмехнулся я. – Так что, пане Домбровски, позвольте представиться – меня зовут Микóлай Домбровский.

– Так вы поляк! – закричал тот. – Здрайца! Предатель! Вы продались этому грязному азиатскому туранскому быдлу, которое по недоразумению именуется русскими.

– Ну, зачем же вы так, – сказал я. – Назвать шляхтича быдлом, как вы знаете, недостойно истинного дворянина.

– Вы, небось, никакой не шляхтич! – усы у моего однофамильца вздыбились, как у мартовского кота.

– Вот, – и я показал ему печатку. Тот осмотрел ее, сбавил обороты, но все же продолжил качать права:

– Тогда вы тем более предатель – предали само звание польского дворянина. И я стыжусь того, что нас с вами соединяют кровные узы. Ох, если бы знал генерал Домбровский…

– Как вы, наверное, слышали, генерал Домбровский потом перешел на русскую службу и был назначен императором Александром польским сенатором. Ладно, у меня есть к вам пара вопросов, родственничек. Почему вы вдруг начали стрелять по английской яхте?

– Мы обязаны были показать, что поляки не сломлены,

несмотря на то что вы нарушили все методы ведения войны. А что там оказалась английская яхта – так их сюда никто не звал.

– А что, у вас не было никаких шансов попасть по одному из наших кораблей, вас не волновало?

– Нет! – мой однофамилец снова гордо подкрутил усы и вызывающе посмотрел на меня.

– Ну, хорошо, – вздохнул я. – Кстати, довожу до вашего сведения, что яхта называлась «Герб Мальборо», и что на ней находился один из сыновей нынешнего британского герцога Мальборо.

Гоноровый шляхтич вдруг сильно побледнел.

– Пане, мы же родственники. Ни в коем случае не пишите про это в вашей газете! Если об этом узнает герцог, мне несдобровать! Меня накажут во Франции, а может, и выдадут Англии…

– Ладно, сделаю все, что смогу, – вздохнул я и подумал, что нужно бы задать вопросы о польских частях в составе союзнического корпуса и о его собственной биографии. Но находиться рядом с ним было весьма противно. И не только из-за его слов – от него так шмонило несвежей одеждой и немытым телом, что хоть нос зажимай. Похоже, что мылся он еще в прошлом году, если вообще мылся когда-либо. И кто после этого грязное быдло? Я покрутил носом и сказал:

– Никифор, отведите, прошу вас, пана Домбровского в его апартаменты. Пане кревны (родственник), до видзеня (до

свидания)!

16 (4) августа 1854 года.
На борту учебного корабля «Смольный»
Домбровский Николай Максимович,
замглавы медиахолдинга «Голос эскадры»

После интервью или, скорее, допроса моего горе-родственничка, мы с Юрой еще раз обсудили план наших дальнейших действий. Я предложил такой – вариант: поговорить с хозяином яхты и его американским гостем, Юра же переговорит с Кольцовым и Сан-Хуаном, а Лиза – с американкой. Юра заворчал, что, дескать, пора и мне учиться военному делу, и что неплохо бы и мне поприсутствовать при его интервью. Но, подумав, все же согласился с тем, что события развиваются так стремительно, что лучше нам пока разделиться.

– Но с императором Николаем Павловичем я тебе сачкануть не дам, – строго предупредил он меня.

Когда мы сообщили об этом нашем решении Лизе, та сразу же стала кочевряжиться, дескать, ее английский слишком плох, и что лучше будет, если она поможет Юре, да и вообще почему именно ей интервьюировать здешних жеманных кукол. Тот посмотрел на нее внимательно – похоже, что и его она начала доставать своими художествами. Но тут вмешался я:

– Да ладно, Юр, не хочет – не надо. Эта… как там ее…

Аннабелл? Или Мейбел? Имечко, как у какой-нибудь старой девы… Она ведь вроде сейчас на «Королеве»? Вот и поговори с ней. Или, если хочешь, я ею займусь.

Как ни странно, Лиза сразу согласилась:

– Ладно, мальчики, давайте лучше уж все-таки я. Справлюсь как-нибудь.

Юра улыбнулся:

– Молодец, Лиза. Пойми, в здешнем обществе репортер-женщина будет восприниматься мужчинами несколько неоднозначно. А дамы расскажут тебе такое, что репортер-мужчина от них никогда не услышит. И далеко не все здешние женщины – жеманные куклы, как ты их назвала. Многие из них – и в высшем свете, и среди народа – весьма сильные и незаурядные личности.

Он отправился на «Королев», а вскоре катер вернулся и доставил нас с группой на «Смольный», где в данный момент и находились наши англо-американские друзья.

Первая, кого я увидел в медблоке, была капитан медицинской службы Лена Синицына. На небольшом банкете в вечер нашего прибытия в Стокгольм меня почему-то посадили рядом с ней. Это была красивая зеленоглазая девушка с обалденной фигурой и длинными светлыми волосами. Весь вечер, в промежутках между профессиональной деятельностью, я потихоньку влюблялся в нее и потом попросил об интервью для моей передачи.

Но первые же ее ответы поставили крест на моих, еще

весьма смутных, планах. Во-первых, она оказалась замужем. Во-вторых, у нее уже было двое детей. В-третьих, хоть она и выглядела, как будто ей еще нельзя употреблять алкогольные напитки (как известно, возраст для распития таковых в Америке наступает только после двадцати одного года), она была меня старше на несколько лет. В-четвертых, ну что уж греха таить – я потом узнал из разговора с одной из ее медсестер – она в муже и детях души не чает и ни разу не была замечена в каких-либо романах с мужчинами.

Тем не менее мы с ней как-то сразу сдружились. И, что ни говори, приятно иногда иметь в друзьях красивую женщину без всякого сексуального подтекста… Даже если нашей дружбе всего-то пара дней.

– Леночка, привет! – воскликнул я и поцеловал ее в румяную щечку. – Ты, как всегда, само очарование!

Конечно, в Америке меня многие тамошние дамы, тьфу ты, женщины могли бы за такой комментарий – затаскать по судам. Но я уже привык, что в России это не преследуется. Тем более что слова мои были вполне искренними.

Лена звонко рассмеялась:

– Так-так… Почему-то у меня возникло смутное предположение, что ты здесь оказался вовсе не из-за обаяния моей скромной персоны. Колись, тебе нужны американец с англичанином?

– Ну да, а откуда ты это узнала?

– Если б это был кто-нибудь из французов, приехал бы

Юра – он получше тебя парле на этом ихнем франсе. Есть, конечно, свои, русские, из крепости, есть и пара англичан с кораблей, но мне показалось, что тебя больше всего заинтересуют именно эти.

Лена засмеялась. Ох, смех ее такой мелодичный… Ну, да ладно, хороша Маша, да не наша. Хотя, конечно, муж и дети у нее остались в будущем. Я вдруг заметил – глаза у нее красные и припухшие, а тени вокруг них просвечивают даже сквозь макияж. И напускное веселье – именно напускное. Она смеется, а в глазах тоска…

А вот меня в будущем если кто и ждет, так разве что родители в далекой Америке да госпожа Симоньян с вопросом, куда это я пропал и почему нет репортажа из Хельсинки.

Я хотел приобнять Лену за плечи, но она сказала мне с вымученной улыбкой:

– К англичанину я тебя не пущу, он еще не отошел от наркоза. А вот к твоему соотечественнику, пожалуй, можно. Он, конечно, весь в гипсе, но удалось обойтись без хирургического вмешательства. Только ненадолго – даю тебе на все про все только пять минут.

– Побойся бога, Леночка, – взмолился я. – Дай хотя бы десять. А еще лучше – пятнадцать!

– Десять минут, и ни секунды больше. И без камеры. – Леночка стояла насмерть, как спартанцы царя Леонида. – И не упрашивай. А то вообще не пущу.

– Ты мне друг или как? – я попробовал уломать ее и вы-

просить дополнительно хотя бы пару минут.

– Поэтому я и пренебрегаю своим врачебным долгом, – сказала как отрезала Лена. – Иди, в коридоре увидишь Сашу Николаева – ну, ты помнишь его, курсант из Якутска, учится в ВМА – и покажешь ему вот это, – она нарисовала на бумажке несколько загогулин. Эх, что в Америке, что здесь врачей, похоже, учат писать так, чтобы никто посторонний не смог разобрать ни слова. Прочитаешь так – написано аспирин, прочитаешь этак – цианистый калий. Самое интересное, что провизоры в аптеке прекрасно читают все эти иероглифы!

Я постучал и, получив разрешение, вошел в небольшой больничный кубрик. Койка поближе к двери пустовала, хотя там уже была прикреплена карточка с надписью по-английски «Альфред Черчилль».

Однако! Какая редкая птица залетела к нам…

На койке у окна, тьфу ты, у иллюминатора лежал человек с поднятой кверху загипсованной левой ногой. Правая его рука тоже была в гипсе.

– Здравствуйте, – сказал я по-английски. – Меня зовут Николас Домбровский, и я журналист.

Загипсованный встрепенулся.

– Так вы янки? – спросил он с удивлением. – Акцент у вас странный, немного похож на нью-йоркский.

– Я с Лонг-Айленда, – у меня было мало времени, чтобы объяснить ему о том, что янки я лишь по месту рождения.

Мой собеседник рассмеялся.

– Мне довелось учиться в колледже Нью-Джерси, и я много раз бывал в Нью-Йорке. Знаете, там уже железная дорога есть, три часа – и ты уже в городе.

Я не стал ему говорить, что когда я учился в том же учебном заведении (которое в мое время уже называлось иначе), до города ехать было час – конечно, нужно было сначала доехать до самой станции. Но я решил не делиться с ним тем фактом, что мы с ним из одного университета. Ведь тогда пришлось бы объяснять, кто я, и почему он обо мне и не слыхал – а в его время университет был весьма мал и все всех знали.

Тем временем мой однокашник продолжал:

– Меня зовут Джеймс Арчибальд Худ Катберт. Я из Саванны, точнее, из-под Саванны в Джорджии. Можете называть меня просто Джимми – так делают все.

Я пожал, как мог, гипс на его правой руке и сказал:

– How do you do![5] Зовите меня просто Ник.

Джимми ответил мне с улыбкой:

– How do you do!

Потом он вдруг перестал улыбаться и спросил у меня:

– Скажите, Ник, а что с моими кузеном и сестрой?

– Ваша сестра, к счастью, выжила и, насколько я слышал,

---

[5] Эта фраза когда-то означала «как дела?», а позднее превратилась во что-то типа «очень приятно» и использовалась только при знакомстве, да и то еще до моего рождения.

особо не пострадала. Вроде ушибы, не более того. А вот ваш кузен, скорее всего, погиб – кроме вас двоих, в живых остался только хозяин яхты.

– Хороший был парень Алджи, да почиет он в мире, – печально произнес Джимми. – Надо будет помолиться за его душу. Наверное, лучший из всех англичан… И девушки, значит, тоже погибли, и все слуги… А что сестра выжила – слава Господу. И вам, русским, спасибо. Я же видел, как ваши люди нас спасали. Думал, не дождусь – хоть и умею плавать, но не со сломанными рукой и ногой… Я уже уходил камнем под воду, но они успели меня вытащить. Ох… Никто же не ожидал, что этот проклятый француз – простите мои выражения – начнет вдруг по нам стрелять.

Мне, кстати, сразу больше понравились русские. Знаете, то, что вытворяли здесь англичане с лягушатниками, было мне совсем не по душе – и мне, и сестре намного милее были защитники крепости. Может быть, из чувства справедливости.

Я задал еще несколько вопросов про их поездку, но не успел он дорассказать мне о том, как их яхта добралась до Бомарзунда, как вошел Саша и укоризненно сказал:

– Николай, тебе Елена разрешила поговорить с больным десять минут, а ты здесь уже целых двенадцать. Совесть у тебя есть? Дай человеку отдохнуть и поспать.

И мне ничего не оставалось, как попрощаться с Джимми, пообещать ему, что расскажу его сестре о том, что у него все

в порядке, и выйти из больничного кубрика.

15 (3) августа 1877 года, ближе к вечеру.
Борт БДК «Королев»
Капитан 1-го ранга Кольцов Дмитрий Николаевич

Отрапортовав императору о победе и получив от него высочайшую благодарность и обещание щедрых наград, я закончил сеанс связи. Все это, конечно, приятно, слов нет, но надо приступать к делам сугубо земным, прозаическим, но от того не менее важным.

Для начала стоило определиться с нашим дальнейшим базированием. Ведь после августа наступит сентябрь – то есть осень, а за ней придет и зима. Как известно, большая часть Балтийского моря ежегодно замерзает. В заливах и вдоль побережья Швеции в течение несколько месяцев стоит неподвижный лед толщиной до семидесяти пяти сантиметров. По этому льду в былые времена русская армия с кавалерией и артиллерией добиралась до – Стокгольма. То есть на Аландах – если, конечно, мы выберем эти острова в качестве места для стоянки, что маловероятно – наша эскадра будет вынуждена ждать весны в условиях, абсолютно неприспособленных для зимовки. Где будут жить экипажи, как снабжать корабли горючим для работы электрогенераторов? Словом, проблем будет до черта.

Правда, в качестве козырного туза у нас имеется контейнеровоз «Надежда». Я еще толком не успел узнать, что за

груз он вез на Север, но судя по полученной информации, там были контейнеры с товарами и оборудованием, предназначенным для заполярных поселков и зимовий. Надо будет дождаться получения с «Надежды» списка находящихся на нем грузов.

Для одного из мест базирования наших кораблей я выбрал Либаву. Местный порт зимой не замерзает, и оттуда всегда можно выйти в море, чтобы наказать тех, кто рискнет снова сунуться на Балтику. Правда, от Либавы рукой подать до границ Пруссии. Только эта держава сейчас России не противник. Воевать с ней в ближайшие лет десять-двадцать нам вряд ли придется.

Либава, однако, находится далековато от Питера. Но тут уже выбора нет. Наш родной Калининград и Балтийск сейчас называются Кёнигсбергом и Пиллау. И принадлежат они не России, а той же Пруссии. Можно, конечно, найти еще несколько точек базирования. Ну, и остается Кронштадт – главная база Балтийского флота. Вариантов много, и их нужно будет обсудить с командирами наших кораблей.

А пока, как только мы покончим на Балтике с англичанами и французами, надо будет направить квартирьеров в Либаву, чтобы они там подсуетились и прикинули – что надо будет сделать для того, чтобы там наше возможное пребывание оказалось максимально комфортным. Ну, естественно, насколько это возможно в XIX веке. И согласовать с тамошними интендантами варианты поставок нам всего необходи-

мого. Дороги в Курляндии относительно хорошие, и снабжение эскадры продуктами, а также перевозку людей можно легко наладить.

Теперь насчет нашего временного обустройства в Бомарзунде. Тут все гораздо сложнее. Для начала следует разобраться с англичанами и французами. Как с живыми, так и с мертвыми.

С последними проще – погода стоит летняя, жаркая, солнце палит нещадно. Потому, дабы на острове не начались эпидемии, я, согласовав это дело с генералом Бодиско, приказал задействовать пленных для рытья большой братской могилы. Но тут неожиданно заерепенились французы, заявившие нам, что их покойники должны быть похоронены отдельно от британских.

Так-так-так… Похоже, что между ними уже успела пробежать большая черная кошка. Как мне сообщили чуть позже, один пленный французский офицер рассказал капитану Сан-Хуану, что во время перевозки десанта на британских кораблях из Франции на – Балтику англичане обращались с французскими солдатами как со скотом. Лаймиз трамбовали их в нижних палубах британских кораблей, словно они были чернокожими рабами, которых везли на хлопковые плантации в Новый Свет. Дело чуть не дошло до бунта. Лишь общими усилиями адмирала Непира и генерала Барагэ д'Илье удалось тогда успокоить горячие головы, а зачинщиков недовольства запереть на несколько дней в корабельные карцеры.

Да и здесь, на Бомарзунде, британцы свысока поглядывали на французов и старались всю тяжелую и грязную работу – оборудование огневых позиций и работы в лагере – переложить на плечи союзников.

Нам по большому счету все равно, будут ли убитые британцы лежать отдельно, или их закопают вперемешку с французами. Но я сообщил об этом инциденте главе нашего медиахолдинга Юрию Черникову, чтобы он побеседовал с французами (желательно под телекамеру) и записал их рассказы о безобразном поведении британцев. Надо воевать не только с помощью оружия, но и с помощью СМИ. Если найдутся журналисты с бойким пером – не обязательно российские, – то из рассказов французов может получиться неплохая информационная бомба. Только не стоит пока о ней никому говорить – дорого яичко к Христову дню. Да и журналистов толковых надо еще найти.

О живых пленных тоже следовало позаботиться. На дворе времена стоят патриархальные, и с пленными здесь пока обходятся вполне гуманно. Никого не расстреливают, не морят голодом. Нельзя никого заставлять работать – ну, если только добровольно, или за деньги. Офицеров часто поселяют в обычных домах или гостиницах, взяв с них лишь честное слово, что они не будут пытаться бежать. Солдат содержат в казармах и от них требуют только соблюдения воинской дисциплины и чистоты.

Кстати, на юге у французов и британцев, расположивших-

ся лагерем в Варне, сейчас вовсю бушует эпидемия холеры. Смертность просто огромная – не в каждом сражении войска несут такие потери. Как рассказал тот же пленный француз, перед отплытием из Шербура на кораблях было выявлено несколько человек, заболевавших холерой. Так что надо будет напрячь наших медиков, чтобы они внимательно осмотрели пленных на предмет недопущения заразных болезней. А генерала Бодиско попросить, чтобы он отдал приказ оборудовать карантин для тех, у кого будут обнаружены симптомы холеры. В этом случае лучше подстраховаться.

Теперь о приятном – о захваченных нами трофеях. Знамена неприятеля мы по-братски поделили с генералом Бодиско. Провиант большей частью мы отдали для питания пленных, а остальное взяли себе. Оружие и пушки нам не нужны – пунктов приема вторчермета поблизости еще не открыли.

Наши ребята внимательно осмотрели британские и французские корабли, которые стояли на якоре на рейде Бомарзунда. Повеселились они от души – особенно механики, увидевшие, что представляют собой паровые машины этих линкоров и фрегатов.

– Дмитрий Николаевич, – спросил один из них, докладывая мне о результатах осмотра, – как с такими машинами можно выходить в море? Это же бомба замедленного действия! Того и гляди рванет, да так, что никому мало не покажется.

Но для этого времени эти примитивные паровые машины

были верхом совершенства. Подорванные и сожженные корабли, остатки которых перегородили проход в Лимпартское озеро, необходимо было куда-то девать. Иначе те корабли, которые были заблокированы в озере и спустили флаги, просто не вывести в море. Но это дело, которым придется заняться чуть позже.

Спустившие же флаги и сдавшиеся на милость победителя корабли, стоящие на рейде Бомарзунда, оказались вполне пригодными для дальнейшей эксплуатации. Только для их обслуживания надо будет дождаться команды из Риги или Кронштадта. У нас на эскадре лишних людей нет, да и вряд ли кто сможет управлять трофеями или стрелять из их пушек. Совсем другой уровень…

Да, и еще. Местные жители рассказали нам, что часть французов после разгрома их лагеря разбежалась по здешним лесам и прячется там, ожидая, видимо, что на Аланды придут войска императора Наполеона III и прогонят русских. Мечтать об этом мы им запретить не можем, но плохо то, что беглецы в поисках еды начнут грабить островитян.

Поэтому я поручил капитану Сан-Хуану вместе с местными волонтерами прочесать леса и отловить всех французов, драпанувших из лагеря. В случае сопротивления – уничтожать безо всякой жалости. А для нескольких французских офицеров написали прокламации, в которых рассказывалось о сдаче десантного корпуса в плен и о хорошем обращении русских с пленными. Во время прочесывания мы развесим

эти бумаги на деревьях, чтобы сумевшие ускользнуть от преследования французские солдаты прочитали их и не наделали глупостей.

На сдавшихся английских кораблях, к нашему удивлению, мы обнаружили среди пленных десятка два пацанов в возрасте от двенадцати до шестнадцати лет. Это были юнги. Я слышал, что немало голодных подростков из лондонских, плимутских и бристольских трущоб, чтобы не умереть с голоду, нанимались на службу в королевский флот. На кораблях они выполняли самую грязную работу, их все шпыняли и унижали.

И теперь я ума не приложу – что с ними делать? Содержать как пленных? Так ведь мы не британцы, которые в начале XX века загнали за колючую проволоку бурских детишек и их матерей. А если не содержать их со взрослыми, то тогда куда их девать? Опять для меня лишняя головная боль…

В общем, забот полон рот. Только теперь, столкнувшись со всеми этими проблемами, начинаешь уважать тыловиков, которые у нас на флоте были предметом постоянных шуток и подначек. А оказывается, без них мы как без рук. Придется воспитывать бабу-ягу в своем коллективе. То есть поискать среди офицеров и контрактников толковых снабженцев, способных качественно организовать питание, обмундирование, содержание нескольких сотен человек. Надо посоветоваться с командирами кораблей. Может, они мне подскажут имена таких людей?

Часть 5. И пусть никто не уйдет обиженным!

15 (3) августа 1854 года. БДК «Королев»
Юрий Иванович Черников,
председатель медиахолдинга «Голос эскадры»

Ну, вот вроде и все. С Сан-Хуаном поговорили – классный, кстати, мужик оказался, чем-то напомнил меня в молодости… С Кольцовым интервью будет, но чуть позже – каперангу сейчас не до меня… Передачей уже занимаются мои (и Колины) ребята – материала у меня набралось довольно много. Статьи для завтрашнего выпуска я напишу вечером – так я обычно и делал, когда работал в газетах, ведь журналистика как дорогое вино, статье нужно чуть полежать в прохладном подвале моего ума, чтобы заблистать всеми гранями – ну, или как там у меня получится. Впрочем, план будущих статей уже в моем компьютере, и, как всегда, копия на флешке – так сказать, на всякий пожарный случай.

Меня поразило то, как работает Коля. Вроде и не интервью у него (если не на камеру), а так, дружеские беседы. Но то, что он написал про Шеншина – весьма и весьма неплохо. Шеншин у него получился как живой, а статья – весьма увлекательной. Его б еще чуть-чуть поднатаскать, и он станет очень неплохим журналистом.

А вот наша Лизонька в последнее время мне все меньше и

меньше нравится. Она начала выкидывать фортель за фортелем. После того, как она в начале нашей совместной работы попыталась меня соблазнить (пришла в коротеньком платьице без лифчика, склонилась над моим письменным столом и чуть ли не открытым текстом предложила свои сексуальные услуги), я ей сказал, что жене не изменяю (что на самом деле так – иначе зачем вообще тогда жениться?). И добавил, что то, что она делает в амурном плане вне работы, меня не интересует (доброхоты мне успели уже рассказать и про то, каким именно образом она оказалась у меня в группе, и даже про то, как она кувыркалась со своей тезкой, Елизаветой Марголис); но я ее попросил, чтобы в рабочее время, а также с коллегами по группе на это не было даже намека. И как ни странно с тех пор она строго следовала этому правилу – и была далеко не самым плохим ассистентом. А в последнее время началось что-то не то.

Вот, например, сейчас. Я сходил, договорился, чтобы ее пустили к этой Мейбел. Прихожу, говорю ей, мол, можешь приступать. А она уселась, томно курит уже третью тоненькую дамскую сигарету с надписью «Vogue» и не выказывает никакого намерения заниматься делом.

Я подошел к ней и говорю:

– Лизонька, ступай, пора!

– Ты знаешь, Юра, может, на этот раз обойдешься без меня? У меня, знаешь, дела начались. Плохо себя чувствую.

Так-так, подумал я. Никогда еще Лиза не увиливала от

работы под предлогом «критических дней». Тем более что прожив с тремя женщинами (женой и двумя дочками) уже достаточно много лет, я мог определить с определенной точностью, когда у кого «это время месяца». И я был уверен, что месячные у Лизы кончились еще перед началом командировки. Тем более что все фазы – и предменструальный синдром с его раздражительностью, и сами «дни» были тогда в наличии. Так что врет она, судя по всему, считает это интервью ниже своего достоинства.

Но что с ней делать? Не заставлять же. Можно, конечно, отчислить из нашего «холдинга» – но журналистов здесь практически нет, а люди будут нужны. Мы с Колей на пару со всеми нашими делами не справимся, даже если будем вкалывать, как папа Карло, по двадцать четыре часа в сутки…

Не успел я про себя помянуть Николай Максимыча, как открылась дверь, и вот он собственной персоной стоит на пороге.

– Юр, привет. Поговорил я с Джеймсом Катбертом. Увы, интервью прекратили врачи, прежде чем оно успело еще только начаться.

Лиза подняла голову и ехидно сказала:

– Так у тебя же там вроде подруга…

– Мы с ней просто друзья, – спокойно произнес Николай, – не более того.

Лиза заулыбалась, словно выиграла миллион в лотерею.

А Коля то ли не заметил, то ли не счел нужным отвечать

на ее подколку и невозмутимо продолжил:

– Так что, не будь я с ней знаком, она меня вообще бы на порог санчасти не пустила. Так вот. Человеком Джеймс оказался интересным, кое-что мне рассказал. Он, кстати, южанин, русские ему и раньше нравились – болел за нас. А теперь и вовсе благодарен за свое спасение и особенно за спасение сестры. Думаю вернуться к нему завтра или послезавтра. Эх, как же нам не хватает мобильной связи, чтобы узнать, когда будет можно с ним еще раз поговорить, да и с этим… Черчиллем… тоже хотелось бы пообщаться. Придется еще раз, а то и несколько смотаться на «Смольный». Кстати, как у тебя с Сан-Хуаном прошло?

– Да все нормально, Лиза тебе подготовит флешку со всеми нашими материалами и с видеозаписями. Давай вечером устроим заседание редколлегии. Или завтра с утра.

Коля кивнул и неожиданно спросил:

– А что, кстати, с сестрой Катберта?

Я замялся.

– Коль, а что, если ты с ней поговоришь? А то Лиза… эээ… себя плохо чувствует. – Ну не умею я сдавать своих.

Коля улыбнулся.

– Ты знаешь, мисс Катберт южанка, я для нее янки. Конечно, Войны Северной агрессии в этом мире еще не было… Но все равно южане могут нам предъявить вот такущий счет, – и он, словно заправский рыбак, показывающий размеры пойманной щуки, расставил руки как можно шире. – И далеко

не все там будет преувеличено, в отличие от аналогичных счетов от прибалтов. Есть вероятность, что она меня встретит в штыки.

– Война Северной агрессии… Ты что, за Юг, что ли? – я обалдело посмотрел на Колю. – Ты же вроде из-под Нью-Йорка.

– Был у меня учитель истории в школе, – сказал Коля, – он не поддерживал Юг в той войне, он всего лишь показывал нам обе точки зрения. И я тогда к своему удивлению понял, что прав был именно Юг.

– Вот ты ей это и скажешь, коль найдет коса на камень.

– Ладно, – кивнул Коля. – А заодно передам ей привет от брата.

15 (3) августа 1854 года.
Неподалеку от Бомарзунда.
Учебный корабль «Смольный»
Капитан 1-го ранга Олег Дмитриевич Степаненко

Я получил ЦУ от Дмитрия Николаевича Кольцова, командующего нашей эскадрой (по всеобщему согласию, так стало называться объединение всех наших кораблей), провести собрание курсантов, чтобы узнать, есть ли среди них люди, которые знают не только то, чему их обучали в военно-морских учебных заведениях. Ведь помимо теоретических и практических знаний, таких как отправить на дно корабль противника, настроить радиоэлектронную аппаратуру или опреде-

лить координаты корабля не с помощью ГЛОНАСС (о нем можно теперь забыть навсегда), а с помощью секстанта и астролябии, многие курсанты обладали и другими полезными знаниями. Какими? А вот мы у них об этом и спросим.

По моей просьбе старший помощник «Смольного» Гена Рудаков собрал всех курсантов в самой большой учебной аудитории корабля. Народу набилось под завязку, многие стояли, но интерес к тому, что происходит вокруг «Смольного», оказался сильнее.

Кое-что наши курсанты уже знали. Бой с британским военным пароходом «Валорос» они видели своими глазами. Удалось им полюбоваться и на пленных англичан. Мы, правда, решили изолировать их подальше от наших курсантов, чтобы те не замучили «лимонников» своими расспросами.

По радиостанции нам передали некоторые подробности того, что происходило в других местах Балтики. Хотя все и было весьма похоже на сюжет из фантастического романа-альтернативки, однако факт оставался фактом – неведомо как мы оказались в 1854 году от Рождества Христова и очутились в самом эпицентре боевых действий.

Сегодня утром я получил с «Королева» подробную информацию о морском и сухопутном сражении при Бомарзунде и планы относительно нашего дальнейшего пребывания в XIX веке. Первым пунктом шел опрос курсантов. Чем я сейчас и займусь…

– Товарищи, – начал я, – я собрал вас здесь для того, что-

бы сообщить вам пренеприятнейшее известие. Как некоторые из вас уже, вероятно, догадались, мы оказались в прошлом, а именно – в 1854 году.

В помещении мгновенно воцарилась такая тишина, что стало слышно даже жужжание какой-то очумелой мухи, залетевшей в аудиторию через открытый иллюминатор.

А потом тишина взорвалась! Все вдруг дружно загалдели и зашумели, да так, что у меня в ушах зазвенело. Но я терпеливо дождался момента, когда шум немного стих, и продолжил:

– Как и почему это произошло, никто толком объяснить не может. Догадок много, но как и что это было, пока загадка. Так что воспринимаем наше перемещение во времени как объективную реальность.

Далее, для тех, кто еще не забыл отечественную историю, напомню, что мы угодили в довольно веселое время. На Балтике ведутся активные боевые действия – объединенная англо-французская эскадра обстреливает российские порты и прибрежные населенные пункты. С несколькими кораблями противника нам и нашим коллегам уже пришлось встретиться. Результат этих встреч для флота союзников оказался печальным. Как вы понимаете, мы легко сможем уничтожить все вражеские военные корабли и обезопасить и Кронштадт, и Ригу, и Гельсингфорс.

А вот что мы будем делать потом? Я вижу, что этот вопрос чрезвычайно интересует всех здесь присутствующих. Меня

он тоже интересует. Поэтому я хочу поговорить с вами об этой проблеме более подробно.

Прежде всего мы продолжим помогать нашим предкам в их войне с Англией и Францией. Надеюсь, что по этому поводу возражений нет?

Я обвел взглядом аудиторию и с удовлетворением убедился, что никто из курсантов не попытался возразить мне или еще каким-либо способом выразить свое неодобрение.

– Товарищ капитан 1-го ранга, – поднял руку один из курсантов, – разрешите обратиться? А мы, курсанты, сможем принять участие в боевых действиях? Мой отец раньше служил на Черном море и много рассказывал мне об обороне Севастополя в Крымскую войну, об адмиралах Нахимове, Корнилове и Истомине. Мне стыдно будет, если мы отсидимся в тылу и ничем не поможем севастопольцам.

Курсанты подняли галдеж, заявляя о своей готовности прямо сейчас, что называется, даже не переобувшись, отправиться бить англичан и французов.

Я жестом успокоил не на шутку развоевавшихся молодых людей и продолжил:

– Вижу, что против оказания помощи нашим предкам у вас возражений нет. Только помощь бывает разная. Конечно, снаряд, который мы загнали в пороховой погреб английского пароходофрегата – это помощь ощутимая и реальная. Но скоро корабли союзников на Балтике закончатся, а до Севастополя нам добираться будет весьма затруднительно, учи-

тывая отсутствие баз снабжения и нужного количества горючего. На наших танкерах некоторый запас имеется, но он конечен, а взять мазут и соляр нам здесь негде. Нефтедобыча находится в самом зачаточном состоянии, как и нефтепереработка.

Теперь отвечаю на ваш вопрос о Севастополе. Кое-кто из вас может попасть в Крым. Только в качестве кого? Потому надо эту тему как следует обжевать, и все взвесить. А пока я остановлюсь на более простых и конкретных делах. Дело в том, что наше главное оружие находится не в артиллерийских погребах и пусковых контейнерах ракет. Оно находится в наших головах. И это оружие – наши знания. Вам это понятно?

– Да все понятно, товарищ капитан 1-го ранга, – сказал высокий светловолосый курсант, сидевший на стуле у открытого иллюминатора. – Мы готовы, вы только скажите нам, что делать-то?

– Скажу, обязательно скажу, – ответил я. – После этого совещания вы пойдете к себе в кубрики, возьмете бумагу, ручку, и будете вспоминать – что вы знали интересного в XXI веке, и кем вам довелось поработать до того, как вы поступили в военно-морские училища. Предупреждаю – ди-джеев и прочих халдеев и вышибал прошу не беспокоить. Хотя рецепты коктейлей, возможно, могут и пригодиться.

– Я, например, – сказал один курсант, – был до училища системным администратором. Но Интернет в XIX веке, как

я понимаю, вряд ли появится. Как мне быть?

– Насчет Интернета не знаю, – ответил я, – но компы – это наше всё. Кстати, чуть не забыл. Прошу провести ревизию информации, имеющейся на жестких дисках ваших ноутбуков и прочих айфонов. И если там имеются какие-нибудь интересные материалы или скопированные книги и фильмы, то прошу их тоже указать в вашем опроснике. Бумажные книги тоже, кстати, надо будет указать. Учебники, словари, справочники – это то, что нам надо.

– А как насчет музыки, – спросил кто-то, – ее, что, снести или оставить?

– Думаю, что спешить не надо, – ответил я, – хотя некоторые композиции могут запросто привести в состояние полного обалдения здешних обитателей. Представьте, что будет с императором Николаем Павловичем, если он услышит «Рамштайн».

Я услышал, как кто-то в углу хихикнул. Мои курсанты немного пошушукались, и вопросов о музыке больше не последовало. Зато один из курсантов задал мне толковый вопрос.

– Товарищ капитан 1-го ранга, разрешите обратиться? Курсант Черников, – представился он. – У меня есть предложение. У многих курсантов есть в заначке разные лекарства. От головной боли, противопростудные, антибиотики. Я предлагаю сдать все имеющиеся на руках лекарства в санчасть. Антибиотики особенно ценны – в XIX веке о них да-

же и не слышали. Следовательно, действовать они будут на непривычные к ним организмы здешних обитателей просто чудесно.

– Молодец, – похвалил я, – вы, случайно, не из числа прикомандированных к нам курсантов ВМА?

– Так точно, товарищ капитан 1-го ранга, – сказал курсант. – Нас направили на «Смольный» на стажировку. Я буду просить вашего ходатайства перед командующим эскадры о разрешении мне отправиться в Севастополь. Там будет Николай Иванович Пирогов, первые сестры милосердия. Моя специализация – военно-полевая хирургия. Думаю, что в осажденном Севастополе я смогу принести немалую пользу.

– Ну, Севастополь пока еще не осажден, – ответил я, – а вот с Николаем Ивановичем Пироговым вам действительно не мешало бы познакомиться поближе. Я доложу о вас капитану 1-го ранга Кольцову и полагаю, что возражений с его стороны не последует.

В общем, так, товарищи курсанты. Даю вам срок до вечера. После ужина сдайте заполненные вами опросники моему старшему помощнику, капитану 2-го ранга Рудакову. Мы тщательно проанализируем их и прикинем, на что вы способны и какую пользу сможете принести Родине. Похоже, что мы останемся в XIX веке надолго, если не навсегда. Перспективы, открывающиеся перед каждым из вас, блестящие. Надо только воспользоваться полученным шансом и

проявить себя.

Все, разойтись по кубрикам. Думаю, что вечером к нам поступит новая информация с нашего флагмана. Ее мы озвучим по корабельной трансляции.

15 (3) августа 1854 года.
Санчасть БДК «Королев»
Мейбел Эллисон Худ Катберт, пациентка

Когда на черной коробке, которую Алекс назвал TV, побежали последние надписи, я не выдержала и заплакала. Мой мир обрушился целиком и полностью. Ведь было ясно, что «фильм» – так назвал эти живые картинки Алекс – был сделан в далеком будущем, и то, что там показывали, было для его авторов делами давно минувших дней, тем более что они об этом писали в начале и в конце «фильма». А еще там был указан и год, когда «фильм» был изготовлен – это был 1939 год. Вот так.

Возможных объяснений, как мне показалось, было всего два: или это сон, или я каким-то чудесным образом попала в далекое будущее. На сон это похоже не было; мои сны никогда не бывали такими яркими, насыщенными и реалистичными. Но вторая версия казалась мне еще более фантастической.

Помнится, в школе я читала рассказ Вашингтона Ирвинга «Рип ван Винкль». Рип засыпает еще в старые добрые времена, когда наша молодая республика была всего лишь сбо-

рищем английских колоний, и просыпается через двадцать лет уже в новой стране. Конечно, это была не более чем сказка. Но и у меня возник провал в памяти – с момента, когда я упала в обморок в шлюпке, и до момента, когда я проснулась лежащей обнаженной на столе у хирурга. Может, и я тоже долго спала – не менее восьмидесяти пяти лет?

Вообразим на секунду, что я в будущем. Тогда понятны и люди, ведущие себя совсем не так, как это было принято в наше время, и черные прямоугольники TV, и коробочки с движущимися картинками – «фильмами», один из которых я имела удовольствие созерцать. В пользу этого аргумента говорит многое. Например, сама картинка Юга моего времени, точнее конца нашей декады, не вполне похожа на то, что мы имеем на самом деле – где-то наивная, где-то слащавая…

Конечно, многие мои подруги и сокурсницы по женским курсам точно такие же восторженные дуры, как Скарлетт О'Хара в самом начале «фильма». Я несколько злорадно представила бы себе, что бы случилось, если бы эти дамы оказались здесь, в будущем; половина бы лежала в глубоком обмороке, а другая половина билась бы в истерике. О'Хара, конечно, превратится в сильную женщину к концу «фильма», но какой ценой?

Но важнее другое. Через каких-нибудь семь лет с того момента, как я в последний раз увидела наше время, Юг восстал против новой тирании, но победило зло, и мою любимую родину растоптали те, кто в 1854 году нам улыбался и

заверял, что мы – одна нация. Я никогда ничего не имела против янки, но теперь я их возненавидела! Сволочи, двуличные гады!

Мою надломленную руку вдруг пронизала острая боль. Когда же я очнулась, то обнаружила, что молочу кулаками по постели, изрыгая проклятия. Я схватила здоровой рукой зеркало с ручкой, которое принес мне Алекс, и посмотрела в него. Мне открылась неприглядная картина – в зеркале я увидела отвратительного вида фурию с опухшим, звероподобным лицом, яростным оскалом зубов и горящими глазами. Мне даже стало страшно, но я поняла, что в зеркале не монстр и не ведьма, а моя собственная физиономия. А ведь я только что иронизировала над своими сокурсницами, которые, мол, будут биться в истерике, попав в мою ситуацию…

В дверь неожиданно постучали. Алекс, подумала я. Я посильнее укуталась в простыню и попыталась заставить себя сменить выражение лица на доброе и улыбчивое, после чего произнесла:

– Войдите!

Но вошел не Алекс, а незнакомый молодой человек примерно лет двадцати пяти или чуть более того. Высокий, спокойный, с улыбкой на лице. И от этой улыбки у меня почему-то екнуло сердце, а на душе стало спокойно и тепло. Я вдруг представила себя в его объятиях. Это было так неприлично, что я тут же попыталась изгнать этот образ подальше – все-таки я порядочная южная девушка.

– Здравствуйте, – поздоровался он, произнося слова с ярко выраженным северным акцентом. – Меня – зовут Николас Домбровский, я журналист. Можете звать меня просто Ник.

От его акцента мой образ в его объятиях тут же куда-то сгинул. Я не представилась, как должна была бы сделать по правилам приличия, и ответила ему довольно холодно:

– Вы янки?

Человек, назвавшийся Николасом, улыбнулся еще шире (ух, змея гремучая, знаю я их улыбочки) и сказал:

– Скорее я copperhead – медноголовый.

Я посмотрела на него с недоумением, и он пояснил:

– То есть северянин, который сочувствует югу. Термин этот, увы, пока еще здесь не очень в ходу. Но я вообще-то русский. И пришел передать вам привет от вашего брата. Кстати, как выяснилось, мы учились с ним в одном и том же университете.

Я не позволила себе оттаять ни на йоту. Янки соврет – недорого возьмет. Я лишь хмыкнула в ответ на его слова и сказала:

– Что-то он мне ни о каких своих знакомых с такой сложной фамилией не рассказывал.

Этот странный янки увидел коробочку, в которой находился «фильм». Он внимательно посмотрел мне в глаза и спросил:

– Мисс Катберт, вы видели этот фильм?

Этот фильм? – подумала я. Значит, есть и другие? Но про-

изнесла совсем другое:

– Да, мне его дал посмотреть один симпатичный молодой человек. Он русский, в отличие от вас.

– Я, мисс, и правда родился в… эээ… вырос неподалеку от Нью-Йорка – но в русской семье, – ответил мне Николас. – Недавно я понял, что в первую очередь я – русский. Но вы правы, у вас есть причины не любить янки. Тем более если вы посмотрели «Унесенные ветром».

Змея – она и в будущем змея. Так я тебе и поверила!

Но тут мне пришла мысль – вряд ли он мне соврет, если я у него спрошу, куда это я попала, и в каком году мы находимся.

– Мистер Домбровский, – спросила я, – тогда скажите мне – какой сейчас год?

– Тысяча восемьсот пятьдесят четвертый, – ответил мой собеседник.

– Тогда почему этот фильм сделан в 1939 году, и почему речь там о нашем будущем? – я решила узнать от него всю правду. – Ответьте мне – хоть вы и янки – мы в 1939 году? Или в более позднем времени?

– Мисс Катберт, – сказал Домбровский. – Произошло нечто совершенно противоположное – наша эскадра попала из две тысяча пятнадцатого года в ваше время. И ничего из того, что показано в этом фильме, еще не случилось. Так что судьба Юга в наших с вами руках. И России тоже. Поверьте мне, я лично готов сделать все, чтобы того, что показано в

фильме, не произошло. Хотите верьте, хотите нет. А если вас интересует, когда именно я учился в Принстонском университете – так назывался колледж Нью-Джерси в наше время, то я вам отвечу: закончил я его сто пятьдесят четыре года тому вперед. Ну, или на пару месяцев поменьше… И за все то, что северяне сделали с Югом, хоть это и было более чем за сто двадцать лет до моего рождения, я прошу у вас прощения. Если хотите – на коленях.

И он на самом деле встал на колени передо мной и склонил голову.

Чуть помедлив, я протянула ему руку, которую он галантно поцеловал. Я решилась и представилась:

– Меня зовут, как вы, наверное, уже знаете, Мейбел Эллисон Худ Катберт. Давайте начнем нашу беседу сначала. Вы видели моего брата?

– Да, у него сломаны рука и нога, но врачи говорят, что с ним все будет нормально. Он передает вам привет.

– Мне сказали, что, кроме него, из экипажа яхты и ее пассажиров выжил один лишь Альфред Черчилль.

– Именно так. Его я не видел – мне сказали, что жизнь его вне опасности, но он еще под наркозом. Это, – поспешно сказал он, увидев недоумение на моем лице, – то, что делают, чтобы человек заснул на время операции. Потом он просыпается, и все с ним нормально. Вам его, наверное, тоже делали…

– Не знаю, – я постаралась вспомнить, что со мной проис-

ходило после того, как ядро попало в яхту, – я проснулась, когда доктор со мной почти закончил. Но у меня то ли ушиб, то ли надлом руки, так сказал врач. И еще… – тут я не выдержала и покраснела, – корсет впился мне в паре мест в… Ну, вы, наверное, поняли.

Николас улыбнулся, и мне вдруг стало легко и спокойно. А в голове у меня неожиданно появился новый образ: мы с ним стоим в храме, он во фраке, я в белом подвенечном платье – таком, которое недавно вошло в моду с легкой руки английской королевы.

Перед отъездом в Англию мама провела со мной одну из ее излюбленных бесед. Лейтмотив был такой: найди себе там жениха, причем бери любого. Когда я ее спросила, почему, она сказала: «У тебя хоть и смазливое личико, но ты худая, как червяк, грудь маленькая, да и танцевать и музицировать не любишь, предпочитаешь неженские занятия – охоту и лошадей, на – которых ты еще и ездишь в мужском седле. Здесь мы тебе еле-еле нашли хорошего жениха, а он возьми и умри. Поэтому ты там попытайся поискать. Будь поженственней, может, кто и клюнет». И намекнула, что разрешение на брак мне дано заранее, «если, конечно, жених из хорошей семьи». А Джимми передаст потом родителям, что я замужем, и этого им будет достаточно.

Интересно, вдруг подумала я, как бы она отреагировала на русского, да еще и янки в придачу? А моя разыгравшаяся фантазия дорисовывала все новые и новые картины: я меч-

тательно произношу «I do» («согласна»)… эх, как там его фамилия…

И вдруг я вспомнила, как именно я выглядела совсем недавно в зеркале. Зачем ему нужна такая, как я? Русских женщин я еще не видела, но, наверное, они выглядят получше. У них и грудь, и таз правильных пропорций…

Я тряхнула головой, отгоняя наваждение, и вдруг неожиданно для себя стала рассказывать Николасу о том, как попала в Англию, о нашем путешествии, о том, что мы видели у Бомарзунда. И, наконец, о гибели яхты.

Ник – я впервые так назвала его про себя – посмотрел на меня и сказал:

– Мейбел, увы, я имел сомнительное счастье говорить с тем, кто приказал обстрелять вашу яхту. Мне очень жаль вашего кузена и прочих пассажиров и команду яхты. Русские не воюют с мирными людьми.

Тут открылась дверь – без стука, как я заметила. Вошел Алекс с подносом, на котором стояли какие-то тарелки, от которых вкусно пахло. Увидев Ника, он строго сказал ему что-то по-русски.

Ник ответил ему по-английски:

– Алекс, прости, дружище. Надеюсь, что я не слишком утомил мисс Катберт. Мейбел, я тогда пойду и, как только смогу, передам вашему брату, что с вами все более или менее в порядке.

И тут я не выдержала. Я покраснела и сказала ему:

– Ник, приходите ко мне почаще, ладно?

Тот тоже покраснел (что меня весьма обрадовало!) и кивнул:

– Обязательно зайду, если, конечно, разрешат врачи, – и он выразительно посмотрел на Алекса. Потом поклонился и вышел.

А мне в моем воспаленном воображении уже виделось, как священник говорит Нику: «You may now kiss the bride» – «А теперь вы можете поцеловать невесту»… Ник осторожно поднимает мою вуаль под аплодисменты гостей, и я впервые в жизни припадаю своими губами к губам мужчины. Я испуганно замерла – молодой девушке думать об этом до свадьбы просто неприлично. Не иначе как «фильм» так на меня подействовал.

Алекс взглянул на меня с тревогой:

– Мейбел, что с вами? Вы плохо себя чувствуете? Вас обидел этот журналист?

– Да нет, Алекс, – поспешила ответить ему я, – все нормально. Он меня, наоборот, успокоил после вашего «фильма». Так что пускайте его ко мне почаще. А пока дайте-ка я взгляну на то, чем вы меня будете кормить в этот раз…

16 (4) августа 1854 года.
Великое княжество Финляндское.
Свеаборгская крепость
Капитан Васильев Евгений Михайлович

В Гельсингфорс мы прибыли утром. Дорога, как нас предупреждал император, была даже для наших восьмиколесных машин довольно сложная. Дважды, обследовав хлипкие мосты через небольшие речки, мы с Ваней Копыловым и Николаем, посовещавшись, решали не рисковать и форсировать эти речки вплавь. Приходилось посылать наших ребят подыскивать подходящее место для переправы.

Николай хмурился и делал какие-то пометки карандашом на карте. Похоже, что по прибытии в Гельсингфорс кое-кого из чиновников, заведующих коммуникациями в Великом княжестве Финляндском, ждет изрядная нахлобучка.

Со всеми этими дорожными хлопотами мы провозились до самого вечера. Поняв, что до темноты наши машины не успеют добраться до Гельсингфорса, мы решили заночевать в первом же придорожном финском хуторе, а с утра снова отправиться в путь. Но император, имевший опыт в подобного рода путешествиях, заявил, что лучше переночевать в палатке на охапке сена, чем в домах чухонских крестьян, где тесно, а полчища блох не дадут нормально выспаться.

Мы послушались его совета. Увидев на обочине дороги стог сена и полянку, на которой можно разбить пару палаток, я крикнул в открытый люк Ване Копылову, чтобы он скомандовал остановиться. Мы спрыгнули на землю и осмотрели полянку. Решив, что место вполне подходящее для бивака, майор приказал морпехам принести палатки, хранившиеся в одном из бэтээров, а нашему нештатному повару сержанту

Нечипоренко – позаботиться об ужине. Последний раз мы ели горячее еще в Ораниенбауме, а в дороге лишь заморили червячка галетами из – сухпая.

Гена Нечипоренко, здоровенный и добродушный хохол, взяв себе в помощь еще двух морпехов и занялся приготовлением пищи. А мы с Николаем обошли полянку, разминая немного затекшие ноги и – негромко переговариваясь. Императора заботило положение дел в Свеаборге и Гельсингфорсе. В начале лета, когда флот адмирала Непира уже был в Финском заливе, сын Николая великий князь Константин и, по совместительству, управляющий Морским министерством получил анонимное письмо, в котором говорилось, что «ежели неприятель пожелает занять Гельсингфорс и Свеаборг, то может совершить это в двадцать четыре часа». Встревоженный великий князь Константин передал это письмо отцу.

Император вызвал к себе флигель-адъютантов Аркаса и Герштенцвейга и приказал им немедленно отправиться в Гельсингфорс, где проверить, соответствует ли действительности изложенное в письме. Осмотр Гельсингфорса и Свеаборга дал неутешительный результат. Береговые батареи были расположены так нелепо, что, по словам Аркаса, «нельзя было не удивляться, для чего затрачивались громадные деньги на сооружение их». Оба ревизора, как следовало из их донесения, «поражались негодностью и дурным состоянием всего вооружения».

Николай предпринял срочные меры для того, чтобы привести укрепления в надлежащий вид. Но на первых порах дело шло ни шатко ни валко. Прибывший в Свеаборг вслед за Аркасом адмирал Матюшкин прямо заявил: «Трудно недостроенную крепость, оставленную без всякого внимания более сорока лет, привести в продолжение нескольких зимних месяцев в столь надежный образ, чтобы флот наш находился вне опасности от нападения неприятеля». В качестве примера адмирал Матюшкин описал случай, произошедший в Гельсингфорсе. Пробная стрельба из орудий привела к тому, что обрушилась стена Густавсвердских укреплений уже после седьмого выстрела из орудия, стоявшего на этой стене.

Николай вспомнил, что после полученного от него разгона местные власти и командование забегали, и медленности, на которую жаловался адмирал Аркас, словно и не было. Рядом со старой крепостью за считаные месяцы выросла новая.

Я поинтересовался у императора, каковы силы флота и армии, обороняющие Свеаборг. Достаточно ли их, чтобы вступить в бой с противником?

– Еще в октябре 1853 года, – сказал Николай, – всем судам, стоявшим в Ревеле, было велено перейти в Свеаборг. Одновременно стали устанавливать батареи на Красной Горке. – Император усмехнулся. – Балтийские моряки даже обиделись по этому поводу. Граф Гейден как-то даже сказал: «Мне кажется, это лишние издержки. Имея в Балтике двадцать шесть кораблей, кажется, можно держать Финский за-

лив безопасным от нападения. Разве считают наши корабли недостойными носить флаг русский? В таком случае лучше их не иметь».

Три дивизии – из них одна в Свеаборге – были сосредоточены и находились в полном вооружении на берегах Финского залива уже в начале октября 1853 года в ожидании развития событий.

После ужина я продолжил разговор с Николаем. К нам присоединился и Ваня Копылов, которому было весьма интересно разобраться во взаимоотношениях между высшей властью в империи и командованием армии и флота. В разговоре прозвучало имя светлейшего князя Александра Сергеевича Меншикова, правнука всесильного фаворита императора Петра I, генерал-губернатора Финляндии (кстати, так ни разу и не посетившего подведомственную ему территорию) и морского министра, к флоту не имеющего никакого отношения. В данный момент князь Меншиков находился в Крыму, где в нашей истории он проявил себя не самым лучшим образом. Злые языки даже переиначили его фамилию на «Изменщиков», хотя, конечно, изменником князь не был. Просто он явно был не на своем месте.

– Господа, – с горечью сказал нам Николай, – я прекрасно знаю, что князь Меншиков плохо разбирается во флотских делах. Но он умный человек и хороший дипломат. Некоторые в Петербурге и Кронштадте договорились до того, что, дескать, Меншиков погубил флот. Но это не так, и наш флот

еще послужит России.

Балтийский флот во время высочайшего смотра в Кронштадте, который я провел в апреле 1854 года, выглядел весьма внушительно. Налицо было… – тут император на мгновение задумался, напряг свою феноменальную память и начал перечислять: – Семнадцать линейных кораблей, десять фрегатов и пароходофрегатов. Орудий на этих судах было тысяча четыреста семьдесят шесть. Общее число экипажа было одиннадцать адмиралов, пятьсот три офицера, шестнадцать тысяч сто девятнадцать нижних чинов. Кроме того, в Кронштадте был налицо еще так называемый блокшифный отряд, состоявший из трех линейных кораблей, трех фрегатов, одного корвета и пяти пароходов. В общем этот отряд имел триста восемьдесят четыре орудия и экипаж в две тысячи триста тридцать пять человек при одном адмирале и девяноста двух офицерах.

Наконец, в Кронштадте была гребная флотилия, имевшая в общей сложности тридцать две канонерских лодки, одно бомбардирское судно, два парохода и два бота – в общем шестьдесят семь орудий и команду в тысячу пятьсот тринадцать человек, при тридцати девяти офицерах.

– А сколько кораблей находится в Свеаборге? – поинтересовался я.

Николай, понимая, что мой вопрос не вызван праздным любопытством, ответил мне:

– В Свеаборге стоит эскадра под начальством вице-адми-

рала Василия Ивановича Румянцева в составе шести линейных кораблей и одного фрегата. Наш шхерный флот, состоящий из кораблей, предназначенных для действия в узостях и на мелководьях финских шхер, мешает свободе действий британского флота. И он тоже в случае нужды примет участие в сражении.

Наш увлекательный разговор мог бы продолжаться до бесконечности, но Ваня Копылов, демонстративно поглядывающий на свои «командирские» часы со светящимися стрелками, наконец набрался наглости и предложил мне и императору отдохнуть перед трудным днем. Николай нехотя согласился.

Наскоро позавтракав утром, мы снова погрузились в бронетранспортеры и отправились в путь. К полудню мы подъехали к Гельсингфорсу. Трудно описать удивление вице-адмирала Румянцева, который примчался на окраину города, получив донесение от патрулировавших окрестности казаков о появлении удивительных самодвижущих повозок, а в одном из приехавших на этих повозках людях узнал самого самодержца, императора Николая Павловича!

Царь, довольный впечатлением, которое он произвел на адмирала, жестом остановил его доклад и предложил организовать переправу в Свеаборг бронетранспортеров, на которых он прибыл сюда. А о делах поговорить уже потом.

И вот мы уже в Свеаборге – одной из главных баз российского флота на Балтике. Здесь император решил созвать со-

вещание, в котором примет участие командование 3-й флотской дивизией. Ею командовал вице-адмирал Румянцев. Пока те, кто был приглашен на это совещание, собирались, мы с Ваней Копыловым приказали развернуть антенны на «кушетке» и установить связь с эскадрой Кольцова.

16 (4) августа 1877 года.

Борт учебного корабля «Смольный»

Николай Максимович (Николас) Домбровский, журналист,

замглавы медиахолдинга «Голос эскадры»

Так хорошо мне не было, наверное, никогда.

Я лежал в обнимку с самой прекрасной и желанной девушкой во всем мире. Девушка была одета в целомудренную толстую ночную рубашку, и ничем предосудительным мы не занимались. Но я, наверное, впервые понял, что такое настоящее счастье…

После двух разочарований – одного в школе, одного в университете – я не могу сказать, что полностью охладел к женскому полу. Скорее, наоборот, с тех пор у меня одна за другой (а изредка и параллельно) появлялись подружки, отношения с которыми прекращались, как только мне казалось, что та или иная красавица строит на меня более долгосрочные планы. Конечно, нередко потенциальные спутницы мною отсеивались сразу, как, например, та же Лиза. И первой ласточкой того, что подобное отношение может по-

тихоньку измениться, была Лена, хотя как только я узнал про то, что она «другому отдана», у меня появилось даже некоторое чувство облегчения.

Я еще раз посмотрел на лицо той самой желанной и с удивлением узнал Мейбел. Конечно, многие другие мои знакомые по внешним данным ничем ей не уступают, а в некоторых случаях – таких, как Лена – даже наоборот. Но тем не менее я понял, что больше не хотел бы оказаться ни с кем другим.

И тут вдруг раздался истошный крик:

– А ну слезь с девушки, извращенец долбаный!

Я вздрогнул и обернулся. В моей небольшой каюте стояла абсолютно голая Лиза и орала, брызжа слюной:

– Да ты посмотри на нее – ни кожи, ни рожи! А он эту дуру в койку поволок. А мною побрезговал, как последний педрила!

Я поймал себя на мысли, что хоть фигура у нее была очень даже, да и лицо в общем ничего, но ее на месте Мейбел я себе представить не мог при всем желании. Я соскочил с кровати, чтобы выставить ее за дверь, и…

Проснулся. Орал мой мобильник, который в новых реалиях служил для меня лишь часами, электронной книгой и фотоаппаратом, ну, и до кучи будильником. Никакой Мейбел рядом со мной не было и в помине, равно как и нагой и разъяренной Лизы. А была узкая койка и голая стена, небольшой столик с ноутом и круглый иллюминатор, за коим виднелся

берег Бомарзунда.

Я посмотрел на время. Семь двадцать. Да, вроде вчера мы сидели до половины четвертого, готовили первый номер «Голоса эскадры» с видеоприложением. Мою идею создать блог решили пока не воплощать в жизнь из-за несовершенства инфраструктуры. Потом ребята-айтишники из числа курсантов распространили номер по интранетам эскадры. Разве что танкер и контейнеровоз – уже не помню, как они назывались – не вписывались в – общую сеть. Но один из моих – помощников обещал с утра самолично отвезти туда флешку с нашей публикацией, а другой что-то залопотал про какой-то там мост, с помощью которого можно будет подключить и их сети в ближайшие дни.

И только когда все было закончено, Юра скомандовал отбой, присовокупив, что на завтрак ожидает всех не позднее восьми – нужно обсудить планы на второй номер и распределить обязанности. Лиза тогда попробовала было пожаловаться на отсутствие сна, но Юра был непреклонен, а я, хоть меня и не прельщал ранний подъем, решил не вмешиваться, хотя официально, конечно, был сопредседателем медиахолдинга.

По Юриной оценке, боевых действий в ближайшие два-три дня ждать не следовало, а со следующим выпуском «Голоса эскадры» мы решили пока не спешить. На сегодня мы уговорились разделиться и подчистить хвосты.

Юра со своей группой отправится на «Королев» и некото-

рые другие корабли эскадры, а я останусь здесь, на «Смольном». Мои «жертвы» на сегодня – радист, который впервые заметил перенос во времени, Лена и Черчилль с Джимми. После всего этого подготовлю материалы и, если будет время, тоже отбуду на «Королев», поговорю еще раз с Мейбел, благо у меня был повод – в прошлый раз мне не дали закончить интервью.

План начал меняться сразу после разговора с радистом, старшим лейтенантом Михаилом Ковалевым. Когда я шел по направлению к Лене и ее ребятам, то встретил капитана Степаненко, у которого я брал интервью еще по прибытии «Смольного» в Стокгольм.

– Здравия желаю, товарищ капитан, – сказал я и отдал ему честь так, как умел.

– Эх, пяхота, – усмехнулся тот. – Не знаю, как у вас в Америке, а в России честь отдают только военнослужащие, да и то только если у них есть на макушке головной убор. Пословица даже такая есть: к пустой голове руку не прикладывают. Так что, господин репортер, имейте это в виду. Рад, кстати, что вас встретил – у меня к вам, скажем так, просьба.

– Конечно, товарищ капитан, – несколько обескураженно промямлил я. – Буду рад выполнить любую вашу просьбу.

– Вы, я так полагаю, будете говорить в том числе и с господином Черчиллем?

– Ну, это если он со мной захочет говорить, – улыбнулся я.

– Вот в этом все и дело. Видите ли, с нами он этого де-

лать не хочет. Информации от него нам особой не нужно – у нас есть собеседники, скажем так, более ценные. Но этот англичанин почему-то вбил себе в голову, что он – заключенный, и что его в любой момент могут отправить в страшную Сайбирию, где ему предстоит провести оставшуюся жизнь в компании белых медведей и диких северных племен, которые непрерывно пьют водку и закусывают ее сырым мясом белых людей.

Так что объясните ему, будь ласка, что мы с гражданскими лицами не воюем, что он – свободный человек и в любой момент волен отправиться обратно в Англию. Но все же будет лучше, если окончит курс лечения. А потом мы высадим его в каком-либо нейтральном порту, в зависимости от того, где именно мы будем находиться в тот или иной момент.

– Хорошо, товарищ капитан, попробую.

– Ну, вот и славненько. Кстати, видел вашу онлайн-газету. Понравилось, скажу честно, хоть и не знаете вы морской терминологии. Ну, кто же именует трап лестницей?

– Исправлю, товарищ капитан. – Я покраснел и потупил взор. – Разрешите вопрос?

– Задавайте, – с любопытством посмотрел на меня капитан Степаненко.

– Будет ли у меня возможность сегодня вечером попасть на «Королев»?

– Скорее всего, нет. Почему – скоро увидите. Большего вам сказать не имею права.

Я несколько приуныл и поплелся в медчасть. Лена вполголоса разговаривала с молодым человеком с темными волосами и несколько восточным разрезом глаз, одетым в медицинский халат и шапочку. Увидев меня, она засмеялась:

– Коленька, привет! Познакомься, это Юра Черников-младший.

Я пожал ему руку и представился. Тот широко улыбнулся:

– Здравствуйте, папа мне про вас уже рассказывал.

– А я и не знал, что Юрин сын на «Смольном».

– Приемный сын, – улыбнулся он. – Впрочем, о том, что я приемный, узнал только в восьмом классе. Нашел свидетельство о крещении – папа оказался на самом деле моим крестным, ведь меня и назвали в его честь. Потом я долго и упорно расспрашивал его и маму. Выяснилось, что родителей моих убили – они оказались не в том месте не в то время – и близких родственников не осталось. А дальние хотели меня попросту отдать в детдом. Тогда папа меня усыновил. Я его спросил, зачем, и он мне ответил – так на Руси было принято испокон веков: крестный должен быть готов заменить отца.

– А теперь ты чем занимаешься? – поинтересовался я.

– Я учусь на хирурга в Военно-медицинской академии. А пока ассистирую Лене при операциях. У нас сейчас перекур, через десять минут следующий пациент. Думаю, что до уровня фельдшера мне вскоре удастся добраться.

– Да ты не слушай его, Коля, – с усмешкой сказала Лена. –

Это он треплется. А вообще, Юра – хирург от Бога. Он все свободное время читает медицинскую литературу, а руки у него даже не золотые, а платиновые. Если б не он, то, может быть, Черчилль потерял бы не только руку, но и ногу. Ладно, нам уже пора идти.

– Лен, а интервью? Юра, и с тобой тоже.

– Давай вечером. Кстати, предвосхищаю следующий вопрос. Да, к Катберту можно. А к Черчиллю – он пока в отдельном кубрике – не более чем на десять минут. Иди, там дежурит тот же Саша. Скажешь ему, что я разрешила, и про десять минут тоже не забудь.

– Леночка…

– А будешь торговаться, вообще не пущу!

Я послушно замолк и отправился к своим англо-американским друзьям.

16 (4) августа 1854 года.
Аландские острова. Городок Скарпанс
Эрик Сигурдссон, охотник команды
гарнизона крепости Бомарзунд

После того как русские с железных кораблей разнесли в пух и прах англичан и французов, нас – охотников – пригласил к себе генерал Бодиско и, похвалив за верную службу, отпустил всех по домам. Но оружие велел держать наготове – бог знает, что на уме у – британской королевы Виктории и французского императора Наполеона. Вдруг они ре-

шат опять высадиться на наших островах. Тогда мы снова послужим русскому царю Николаю.

После того запомнившегося мне на всю жизнь боя на острове Престэ, я поближе познакомился с Александром – командиром «троллей». Оказалось, что никакие они не тролли, а разведчики, которые высаживаются с кораблей на берег и воюют не в общем строю, как все прочие солдаты, а тайно, незаметно подкрадываясь. И, надо сказать, это у них неплохо получается.

Александр показал мне свое оружие. Такого я никогда в жизни не видел. Их ружья могут стрелять много-много раз без перезарядки и попадать не то что белке в глаз, а, наверное, в летящую муху. А как они драться умеют! Помнится, два пленных француза из-за чего-то заупрямились и не захотели выполнить приказание поручика Шателена. Французы оказались мастерами драться – они руками и ногами разбросали несколько русских солдат, которые попытались их схватить. Я потом узнал, что умение так драться у французов называется «сават». Так вот, Александр, посмотрев на то, как эти строптивые французы машут руками и ногами, словно мельница крыльями, усмехнулся, подошел к драчунам и… В общем, через время, меньше, чем понадобилось бы прочитать самую короткую молитву, эти два француза уже лежали на земле без сознания. У одного Александр выбил два зуба, у второго глаз заплыл так, что он не сможет им видеть как минимум несколько дней.

Сегодня я и мой приятель Гуннар, оказавшись по делам в Бомарзунде, решили заглянуть к Александру. Просто так, поговорить, а если повезет, то выпить с ним рюмочку картофельной водки.

Только разговор у нас с ним не получился. Не успели мы зайти к нему в палатку и поздороваться, как в черной коробочке, которую он держал в руках, что-то запищало. Я уже знал, что такие коробочки русские с железных кораблей называли «рацией». С их помощью они могли разговаривать друг с другом даже тогда, когда человек, с которым ты ведешь беседу, находится на расстоянии нескольких миль. Александр как-то сказал мне, что они, находясь здесь, на рейде Бомарзунда, о чем-то беседовали с самим императором Николаем. Я думаю, что он сказал мне правду, Александр – человек серьезный и честный и врать мне не станет.

Так вот, эта самая «рация» запищала, Александр приложил ее к уху, и лицо его, улыбчивое и доброе, неожиданно стало хмурым и каким-то… В общем, таким, какое у него было во время боя на острове Престэ.

– Вот что, парни, – сказал он, – только что мне сообщили, что на хуторе неподалеку от Скарпанса нашли убитых – семью местного крестьянина. Вы, случаем, не знаете, кто там жил? Это к юго-востоку от Скарпанса, верстах в трех от города.

– Так там же живет Магнус Ларссон! – воскликнул Гуннар. – Я хорошо знаю их. Помнится, даже одно время при-

ударял за его дочкой, красавицей Ингрид. Ее что, тоже убили?

– Не знаю, – хмуро сказал Александр. – Сообщил об этом работник, который на телеге отправился в Скарпанс за покупками. Уезжал – хозяева были живы, приехал – они мертвые, теплые еще. Что там было и как, предстоит выяснить. В Скарпансе у нас есть пост, и оттуда мне все это передали по рации.

– Херр Александр, – попросил я, – вы пойдете ловить этих злодеев? Если да, то возьмите меня и Гуннара с собой. Мы там каждую кочку, каждый кустик знаем. Надо поймать душегубов, иначе они еще могут кого-нибудь убить.

– Хорошо, Эрик, – немного подумав, ответил мне Александр. – Пожалуй, ваша помощь нам будет кстати. И сдается мне, что семью Ларссонов прикончили вражеские солдаты – англичане или французы, которые бежали в леса, а теперь грабят деревушки и хутора, убивая хозяев.

И вот мы отправились ловить мерзавцев, для которых зарезать человека – что рюмку выпить в кабаке. До Скарпанса доехали на большой бронированной самобеглой коляске. Как объяснил Александр, никакого волшебства нет в том, что она лихо мчится по лесной дороге.

– Понимаешь, Эрик, – сказал Александр, – внутри этой машины стоит мотор. Ну, такой же, как у парохода, только поменьше размером, и работает он не на угле, а на жидком топливе. Хорошая штука, только здесь его делать еще не на-

учились.

– А где это – здесь, херр Александр? – спросил я у него.

Он в ответ улыбнулся, похлопал меня по плечу, рассмеялся, но так и не ответил. Но я не обиделся – я уже заметил, что Александр и остальные люди с железных кораблей какие-то не такие. Видно, что они приплыли откуда-то издалека. Да и по-русски они говорят не совсем так, как, например, солдаты из крепостного гарнизона. Ну, да ладно. Будет время, Александр все мне расскажет. Мы, шведы, народ терпеливый.

В Скарпансе я помог русским расспросить работника Магнуса Ларссона. Бедняга был так напуган и взволнован, что позабыл почти все русские слова, которые знал. А по-шведски он говорил только на местном диалекте, сильно отличавшемся от стокгольмского и тем более гётеборгского. Так что без нашей с Гуннаром помощи Александр так бы толком и не понял ничего из того, что рассказал Миккель – так звали работника бедняги Ларссона.

Увы, Александр оказался прав. Семью, состоящую из самого Магнуса Ларссона, его жены, дочери – красавицы Ингрид, и сына Густава, которому не было еще и десяти, убили. Вооруженные грабители вломились в их дом, забрали все ценные вещи и продовольствие, а хозяев закололи ножами. А в самого Магнуса, который, судя по положению его тела, попытался защитить семью, выстрелили в упор – на его рубахе осталась пороховая копоть. Незваные гости все перевернули в доме, видимо, в поисках денег и ценностей. Хлев и

курятник пустовали, зато обнаружены следы крови и немалое количество перьев – похоже, злодеи зарезали животных и ощипали птицу.

Миккель полагал, что нагруженные добычей убийцы не должны были уйти далеко от хутора. Судя по оставленным следам, отправились они куда-то на северо-запад. И если мы поспешим, то быстро догоним этих мерзавцев.

Оставив в Скарпансе бронированную повозку – все равно на узких лесных тропинках от нее толку мало – мы с Гуннаром, Александр и четверо его солдат отправились в сторону хутора Ларссона. Быстро осмотрев дом – какое страшное зрелище, разве может нормальный человек сделать такое! – мы отправились по следам убийц. А следы были четкие – тяжело нагруженные душегубы оставляли глубоко вдавленные отпечатки армейских сапог, а из мешков, в которые они сложили мясо убитой коровы и поросенка, на лесную тропинку капала кровь.

Александр и его солдаты двигались, как тени, тихо и плавно. Оружие они держали наизготовку. Лица их, исчерченные зелеными полосами, были серьезны. Нам херр Александр велел идти позади.

– Будете защищать наш тыл, – сказал он.

И хотя мы с Гуннаром были хорошими охотниками и умели незаметно подкрадываться к зверю, нам до этих ребят было далеко.

Так мы прошагали версты три. Неожиданно Александр

поднял руку, и его солдаты застыли на месте, словно статуи. Он стал внимательно прислушиваться. Сквозь шум сосен и чириканье птиц до нас донеслись человеческие голоса. На каком языке говорили эти люди и сколько их было, мы не могли понять.

Александр сделал рукой несколько непонятных жестов, и его солдаты, разделившись на две партии, шагнули в придорожные кусты и словно в них растворились. А он, кивнув нам, медленно пошел по дороге, держа наготове свое странное ружье.

Голоса становились все громче и громче. Скоро мы увидели из-за кустов клубы дыма, а дуновение ветерка донесло до нас запах жареного мяса. Похоже, что убийцы, отойдя, как им показалось, на безопасное расстояние от хутора, решили перекусить. Но мы сейчас им испортим аппетит.

Приложив палец к губам и жестом показав нам с Гуннаром, чтобы мы оставались на месте, Александр прислушался к чему-то и кивнул.

Присев на корточки, он замер, словно ожидая сигнала. Мы с Гуннаром переглянулись и подняли ружья. Похоже, именно сейчас все и начнется.

Неожиданно за кустами, там, откуда поднимался дымок костра и слышались веселые голоса, громыхнул взрыв, потом другой. Веселье закончилось – раздались испуганные вопли и крики. Кто-то, видимо сильно раненный, отчаянно орал, словно из него живого вытягивали кишки.

После взрывов затрещали выстрелы. Послышался топот ног, и на тропинку из-за кустов выбежало семеро французов. Лица их были перекошены от ужаса. Мы с Гуннаром, не сговариваясь, выстрелили. Двое убийц упали, но оставались еще пятеро. Пока мы перезарядили бы свое оружие, они успели бы выстрелить в нас. Но они не успели.

Ружье в руках Александра задергалось, из его ствола забило пламя. Несколько секунд – и все французы уже были мертвы. Да, херр Александр – настоящий воин. Он один, наверное, мог сражаться с целой сотней врагов. А может, и с двумя сотнями.

Убедившись, что французы лежат на земле и не подают признаков жизни, Александр медленно двинулся вперед. Мы с Гуннаром, успев перезарядить ружья, пошли вслед за ним.

Зайдя за кусты, мы увидели большую поляну. Там тоже все было уже кончено. Четверо солдат с зелеными полосами на лицах стояли с ружьями наготове. А вокруг костра, на котором жарился выпотрошенный поросенок, лежали убитые. Я насчитал десятка полтора французов. Двое из них были еще живы. Но судя по всему, жить им оставалось недолго. У одного из них кровь фонтаном била из простреленной груди, и он безуспешно пытался остановить ее. У второго из распоротого живота выползали синеватые кишки.

Александр сделал знак, и двумя выстрелами его солдаты прекратили мучения французов. После того, что я видел на

хуторе Ларссона, я ничуть не возмутился тем, что раненых добили. Мерзавцы, хладнокровно зарезавшие мирных людей, девушку и мальчика, не должны жить.

– Товарищ капитан, – доложил один из «пятнистых» солдат, – больше вроде никого нет. Мы прошлись по кругу – следов, ведущих с этой полянки, не обнаружено.

– Ну, и ладушки, – Александр вытер пот со лба, – мы свою работу сделали. Пусть теперь здешние займутся этими тушками, – он кивнул в сторону убитых французов. – А мы отправимся к себе. Эрик, Гуннар – вы с нами, или как?

Мы с Гуннаром дружно закивали.

16 (4) августа 1854 года.
Великое княжество Финляндское.
Свеаборгская крепость
Капитан Васильев Евгений Михайлович

Император Николай сразу взял быка за рога. Он потребовал, чтобы вице-адмирал Румянцев доложил о состоянии вверенной ему 3-й флотской дивизии. Как оказалось, в Свеаборге была сосредоточена немалая сила. В числе прочих были линейные корабли: «Россия», «Прохор», «Полтава», «Бриен», «Иезекииль», «Владимир», а также фрегат «Цесаревич». Кроме того, под командованием вице-адмирала Епанчина в Свеаборге базировалась флотилия гребных канонерских лодок: пять ботов, транспорт «Аланд», шхуна «Вихрь», – и военные пароходы «Иматра», «Быстрый»,

«Мирный», «Ладога», «Ястреб», «Граф Врончeнко», а также и вооруженные гражданские пароходы «Рюрик», «Диана», «Львица» и «Летучий».

Силы противника, базирующиеся попеременно у острова Нарген, расположенного у побережья Эстляндии и у острова Мякилуото – напротив Наргена, но у побережья Финляндии, надежно перекрывали самое узкое место Финского залива. С помощью легких кораблей, направляемых для патрулирования вод залива, противник блокировал все восточное побережье вплоть до Кронштадта.

Вице-адмирал Румянцев заверял императора, что все его подчиненные готовы хоть сейчас выйти в море и сразиться с супостатом, но в то же время сетовал на то, что вражеские силы превосходят его корабли по общему количеству, числу пушек и выучке экипажей. А главное, считал адмирал, что две трети кораблей врага оснащены паровыми машинами и могут двигаться невзирая на направление ветра.

Николай во время этого доклада досадливо морщился и с недоверием посматривал на Румянцева. Вице-адмирал был уже в годах – ему исполнилось пятьдесят шесть лет, и потому тяжел на подъем. Из его послужного списка император знал, что опыт дальних плаваний у командующего 3-й флотской дивизии скромный, да и в боевых действиях он практически не участвовал. Свою карьеру он делал будучи адъютантом – сначала печально известного всем русским морякам морского министра маркиза де Траверса – именно при нем приле-

гающую к Кронштадту часть Финского залива назвали Маркизовой лужей. Потом Румянцев был флаг-офицером у адмирала Тета, адъютантом у адмирала Грейга, а далее – вообще командовал брандвахтой. Человеком он был порядочным и честным, но…

Эх, сюда бы Нахимова или Корнилова, подумал я. Они бы ни стали искать отговорки и, не раздумывая, отправились бы сражаться с противником. Риск, конечно, присутствовал, как и в любой войне. Но и шансы на победу тоже были.

Русские же моряки буквально рвались в бой. Даже гребцы канонерских лодок, набранные из ополчения, крепкие бородатые мужики в народной одежде и с фуражками, на которых красовались кресты и якоря, вооруженные мушкетонами, ружьями, интрепелями – абордажными топориками, и тесаками, готовы были идти на абордаж на могучие линейные корабли и фрегаты.

– Ужо мы им дадим, – пообещали они, когда император поинтересовался, готовы ли они к будущему сражению, – только бы сойтись с супостатом лицом к лицу, а уж тогда мы ему покажем, где раки зимуют.

Конечно, бросить небольшие канонерские лодки и вооруженные боты и баркасы на многопушечные корабли было бы просто безумием. Но с малыми кораблями врага и шлюпками с десантом они могли вполне успешно сражаться.

К тому времени как Николай закончил свою беседу с вице-адмиралом, наши ребята уже успели развернуть «кушет-

ку» и установить связь с «Королевым». Об этом доложил Ринат Хабибулин. Николай деловито кивнул и направился в сторону КШМ, рукой сделав знак Румянцеву, чтобы тот следовал за ним.

– Вот, адмирал, – сказал Николай, – смотрите, это самодвижущаяся бронированная повозка наших союзников. Тех самых, которые уже разбили значительную часть вражеского флота у Бомарзунда и заставили сдаться французский десант.

– Ваше величество! – изумленно воскликнул адмирал Румянцев. – До нас доходили какие-то невнятные слухи о большом сражении у крепости Бомарзунд. Мы, грешным делом, уже считали, что она пала и наши воины честно сложили головы за Бога, царя и Отечество. Однако вот как все повернулось-то… А что это за союзники такие у нас появились? И самодвижущиеся повозки у них чудные.

– Что и откуда, господин адмирал, – строго заметил Николай, – это пока государственный секрет. Главное же заключается в том, что они, эти наши союзники, готовы нам помочь окончательно изгнать врага из Балтики. Сейчас мы с помощью их устройства, именуемого радиостанцией, поговорим с командующим эскадрой, капитаном 1-го ранга Кольцовым.

– Ваше величество, – пожал плечами вице-адмирал Румянцев, – я не знаю такого капитана 1-го ранга. А ведь у меня много знакомых, и не только на Балтийском флоте. А как мы поговорим с ним – он что, сейчас сидит в этой повозке?

– Нет, – улыбнулся император, – он сейчас находится у Бомарзунда.

– Ваше величество, – сказать, что адмирал был удивлен, значило ничего не сказать, – как такое может быть?! Я ничего не слышал о подобных чудесах. Знаю, что появился телеграф, с помощью которого можно передавать на большие расстояния письменные донесения. Но чтобы вот так вот поговорить на расстоянии!

– Сейчас вы все увидите своими глазами, – улыбнулся император. Он подошел к «кушетке», взял из рук сержанта Хабибулина гарнитуру и спросил: – Вы можете сделать так, чтобы наш разговор с капитаном 1-го ранга Кольцовым был слышен всем?

– Могу, ваше величество, – ответил Ринат. Он щелкнул тумблером громкой связи и стал вызывать «Королев». Минуты через две из динамика раздался голос Дмитрия Николаевича:

– «Королев» на связи.

– Господин капитан 1-го ранга, – произнес в микрофон император, – я сейчас в Свеаборге. Мы с вице-адмиралом Румянцевым готовы обсудить с вами план действий на завтра. Надо разгромить этих обнаглевших британцев и окончательно освободить Балтику от их присутствия. Как вы на это смотрите?

– Положительно, ваше величество, – ответил Кольцов. – Мы поддержим вас. Надо только согласовать время и место

атаки на вражеский флот. По данным наших разведчиков, их корабли сейчас находятся недалеко от острова Мякилуото. Мы направим к нему наши корабли. А адмирал Румянцев пусть выведет все наличные силы флота из Свеаборга и направится в сторону неприятеля. Если ветер будет неблагоприятным, то пароходы, которые имеются в Свеаборге, могут взять парусные корабли на буксир. Гребная флотилия нам вряд ли понадобится. Ну, если только для укомплектования призовых экипажей.

Адмирал Румянцев стоял мертвенно бледный, по его лбу катился крупный пот, который стекал в глаза, и адмирал даже не пытался его вытереть. Наконец Николай посмотрел на него:

– Адмирал, а что вы думаете по этому поводу?

– Ваше величество, – с трудом очнувшись, начал адмирал Румянцев, – если б я не увидел все своими глазами, то никогда бы в это не поверил! Мы разговариваем с человеком, находящимся у Бомарзунда, а слышно его так, словно он стоит в пяти футах от нас.

– Полноте, адмирал, – с легкой усмешкой ответил император, – поверьте, и для меня это было поначалу совсем в диковинку. Но человек, получивший от Господа, или от его помазанника, власть над людьми, и которому вверена судьба не только его эскадры, но и всей нашей огромной державы и всего ее народа, обязан держать себя в руках. Итак, адмирал, я хотел бы услышать ваши соображения по поводу того, что

изложил господин капитан 1-го ранга.

Румянцев наконец вытер пот со лба и, выпрямившись, произнес совсем уже твердым голосом:

– Ваше императорское величество, но что произойдет, если вражеский флот столкнется с нашими кораблями раньше, чем союзные нам корабли подойдут к месту сражения? Мы, конечно, будем сражаться, не щадя живота своего, и не спустим флаг перед неприятелем. Но…

– Дмитрий Николаевич, – сказал в микрофон Николай, нажав при этом на тангенту, чтобы дать возможность капитану 1-го ранга Кольцову услышать слова Румянцева, – вы разделяете опасения, высказанные господином вице-адмиралом?

– Думаю, что все будет в порядке, ваше величество, – ответил Кольцов, – мы издали будем все время контролировать ситуацию. У адмирала Румянцева и нашего флота будет крылатый ангел-хранитель. Ваше величество, вы знаете, о чем идет речь. Не могу обещать, что потерь не будет совершенно, но мы не дадим британцам уничтожить корабли Балтийского флота. Русские своих в беде не бросают. И поверьте мне, господин адмирал, нашим англо-французским друзьям будет не до вас. Ведь наши орудия и дальностью, и мощью во много раз превосходят орудия наших врагов. Но победа нужна не только и не столько нам, сколько всему Балтийскому флоту, чтобы морские служители наконец-то почувствовать вкус победы над супостатом, мнящим себя непобеди-

мым. Именно поэтому крайне важно участие в предстоящем сражении вашей эскадры.

– Я верю вам, господин капитан 1-го ранга, – произнес в микрофон Николай. – И надеюсь, что завтрашний день ознаменуется новой победой России над врагами, посмевшими напасть на нас.

– Ваше величество, – ответил Кольцов, – так оно и будет. Ждите завтра хорошие новости. Разрешите выполнять?

– Выполняйте, – сказал император. – Надеюсь лично увидеть вас в Свеаборге, господин капитан 1-го ранга.

Он передал гарнитуру Хабибулину, после чего, повернувшись к Румянцеву, сказал:

– Вам все понятно, адмирал? Если да, то немедленно начинайте подготовку к выходу в море.

16 (4) августа 1854 г.
Балтика. Бомарзундская цитадель
Джонатан Флеминг, юнга

Родился я в Ливерпуле в семье моряка Александра Флеминга третьим по счету ребенком. После меня мама родила еще троих, но все они умерли во младенчестве. А потом пришло известие, что корабль, на котором ушел в море мой папа, пропал где-то по дороге из Ливерпуля в Нью-Йорк. И наша безбедная жизнь – отец служил боцманом на корабле и неплохо зарабатывал – мгновенно закончилась.

У матери после этого не осталось никаких источников до-

хода, и она стала той, кого в портовых городах называли «моряцкие жены». У нее появилось два «мужа», которых она обстирывала, готовила для них еду и… в общем, была для них «мамой». Конечно, они не одновременно были моими «папами». Пока один уходил в море, другой жил у нас. Потом они менялись.

Конечно, вернувшись из дальнего плаванья, они привозили деньги, на которые мы жили. Но мне и брату от них часто крепко попадало, а старшую сестру один из этих «пап», напившись пьяным, обесчестил. А было ей всего четырнадцать лет. Она проплакала всю ночь, а потом… А потом она стала зарабатывать на жизнь проституцией. Брату моему повезло чуть больше. Его взяли в crossing sweepers – подметальщики перекрестков. Он махал метлой на улицах, сметая с тротуаров грязь и мусор. В свободное время он просил милостыню на улице, и ему удавалось заработать в день пару шиллингов.

Ну, а я, по совету одного старого приятеля отца, устроился юнгой на военный корабль «Бленхайм». И было мне тогда ровно десять лет.

Последующие полтора года запомнились мне разве что недоеданием, постоянной тяжелой работой и столь же постоянными побоями, причем вначале мне перепадало еще и от другого юнги, постарше. Впрочем, мне еще везло. Мой друг детства Барри, служивший юнгой на «Беллайле», рассказал мне во время стоянки в Кале, что он должен был еще и подставлять задницу боцману корабля. После первого та-

кого случая Барри пожаловался капитану. Но все закончилось тем, что моего друга зверски избил боцман, а капитан начал над ним потешаться, обзывая его разными неприличными словами. Помню, как Барри мне пожаловался:

– Знаешь, Джонни, я б убежал, но мой контракт, как и твой, подписан на три года. Да и куда я уйду? Деньги-то я матери посылаю…

Его мать, в отличие от моей, не опустилась до позорной работы «моряцкой жены». Она торговала устрицами на улицах Лондона. Это была еда бедняков.

Да и убежать с военного корабля было не так-то просто. Там же, во Франции, другой юнга, Ленни с «Бульдога», попытался было сбежать и добраться до Англии. Но французские жандармы, патрулировавшие места стоянки наших кораблей, поймали его и привели на корабль уже избитого. Что с ним потом было на самом «Бульдоге», он не рассказывал, да и увидел я его впервые с тех пор только здесь, на Аландах – вон он идет, хромает. Лицо все в синяках, а спина покрыта полосами от ударов семихвостой кошкой…

У нас на «Бленхайме», к счастью, содомиты не водились, но жизнь медом тоже не казалась. И у меня была одна надежда – через полтора года, когда мне исполнится тринадцать, стать «ландсманом» – низшей матросской категорией, но все-таки матросом. И денег станут чуть больше платить, и работа будет не столь грязной, и у команды появятся новые мальчики для битья…

Про русских нам рассказывали, что они настоящие исчадия ада. И когда они меня нашли на «Бленхайме», я ожидал всего, чего угодно – от жутких побоев до рабства в холодной и ужасной Сайбирии, про которую рассказывали такое… Якобы там вообще нет лета, все время идет снег, вода мгновенно превращается в лед. Каторжники там трудятся с утра до вечера без выходных, до тех пор пока не умрут от голода и болезней, или пока их не сожрут дикие местные племена, или белые медведи, коих там множество.

Но первое, что сделали русские – сунули каждому из нас по бутерброду с вкусным паштетом и по кружке чая, а потом привели в какое-то здание. Здесь у нас забрали все личные вещи – записав, что кому принадлежит, и велели раздеться догола – тут я, скажу честно, испугался, вспомнив про Барри и боцмана на «Беллайле».

Но ничего плохого с нами не сделали. Сперва нам принесли ведра с теплой водой и дали по куску мыла. Старший – огромный русский, одетый в странный пятнистый мундир, велел нам как следует вымыться. Мама мне часто говорила, что мыться нужно как можно реже, потому что это вредно для кожи, но вода была такой приятной, что мне это даже понравилось.

Не успели мы прийти в себя, как пришли русские в странных халатах салатного цвета – я потом узнал, что это были врачи – и осмотрели нас всех. Ленни, Барри и пару других они сразу же увели, а мне сказали, что синяки у меня прой-

дут, а вот со вшами надо разобраться. Я удивился – куда же без них на корабле-то? – но русские постригли меня наголо, помазали чем-то мои синяки, после чего выдали чистую одежду, размером, увы, чуть больше, чем надо («твоего размера у нас нет», – сказал с улыбкой русский доктор). Меня отвели в другую комнату, где за столом уже сидели другие юнги. Все они были наголо пострижены – у всех, похоже, нашли вшей, что было совсем неудивительно.

Нам вдруг принесли необыкновенно вкусное жареное мясо – не солонину, которая давно уже всем осточертела – с картофелем и овощным гарниром, а потом снова чай и сладкое! Я давно так не наедался, даже тогда, когда был жив мой отец и в доме водились деньги. Конечно, вполне могло быть, что они нас закармливают для каких-то им одним известных целей. Но я подумал – то, что нам рассказывали про русских, скорее всего, было враньем от начала и до конца. Но все же нам очень хотелось узнать, что же с нами будет потом. И когда вошел русский в военной форме, как я понял, офицер, и спросил на неплохом английском про наше самочувствие, я вдруг неожиданно для самого себя выпалил:

– Господин русский, а что с нами дальше будет?

Другие юнги на меня сразу зашикали, а офицер усмехнулся и ответил:

– Ребята, вы слишком молоды, чтобы быть военнопленными. Вы все свободны. Кто хочет, может пока оставаться здесь. Или, если хотите, мы отвезем вас в нейтральный порт

и дадим денег на дорогу домой.

Тут я вдруг понял – мне ужасно не хочется возвращаться в Англию! Не хочется, и все! Вернусь, а меня тут же отправят на другой корабль, где снова будут бить и унижать, а то и похуже что. Лучше уж найти другую работу – может, пойти к кому-нибудь в услужение, например… Например, к этому офицеру. Придумаю потом, как матери деньги передавать. И я взмолился:

– Господин русский, оставьте меня здесь! Не хочу я в Англию!

Как ни странно, меня поддержали все юнги, сидевшие за столом. Тот удивленно посмотрел на нас и сказал:

– Ладно, ребята. Посмотрим, что сможем для вас сделать. А пока лечитесь, ждите, когда пройдут ваши синяки и заживут переломы. Да и подкормить вас следует, а то смотреть жалко – кожа да кости. Я поговорю о вас с командующим эскадрой…

Вечером мы все, кроме Ленни, которого отправили в русскую больницу, лежали на деревянных топчанах – но зато на простынях и под чистыми одеялами. Я спросил у Барри, как он себя чувствует. И тут, впервые с Ливерпуля, я увидел, как мой друг улыбается.

– Ты знаешь, Джонни, мне кажется, что мы попали из ада в рай.

16 (4) августа 1854 года.

Балтийское море, район острова Мякилуото.
Борт вертолета «Ансат»-2РЦ
Старший лейтенант Семенов Николай Антонович

Как там у Грибоедова: «Шел в комнату, попал в другую». Это я о тех чудесах, которые происходили с нами два дня назад. Шли мы тихо-спокойно на БПК «Королеве» в Венесуэлу, где я должен был продемонстрировать местным воякам все преимущества казанского вертолета «Ансат», как вдруг – бац! – и мы оказываемся в прошлом, в XIX веке, в самом эпицентре войны на Балтике.

Про Крымскую войну я читал еще в школе, и кое-что из того, что было написано в учебнике по истории, все еще помню. Правда, там все больше про оборону Севастополя рассказывали, а вот о том, что и на Балтике повоевать пришлось, я не знал. Но ничего, за это время с нами провели занятия, рассказали, как тут все было и что нам надо сделать, чтобы здесь не произошло как тогда. – Повоевать с этими наглыми франко-британцами я был не – против – не фиг им у наших берегов шляться. А их главный – адмирал Непир, так тот вообще возьми и брякни во время прощального банкета в Лондоне перед отплытием, дескать, позавтракаю в Кронштадте, а обедать буду в Петербурге, в Зимнем. Похоже, что адмирал изрядно перебрал виски, когда нес такую околесицу.

Впрочем, наши ребята испортили этому британцу аппетит – частью перетопили корабли его эскадры, частью пленили.

Адмирал так расстроился, что пустил себе пулю в лоб. Так ему и надо – нечего делить шкуру неубитого медведя.

Пока наши моряки и морпехи британцам салазки загибали, я с техниками из казанского вертолетного завода делом занимался – «птичку» нашу осторожно выгрузили на берег, и мы стали готовить ее к полету. Техники – Наиль и Сергей – были ребятами опытными. Ведь вертолет мы должны были демонстрировать венесуэльцам, и любая поломка – это гол в наши ворота.

Через день машина была готова к употреблению. И тут меня вызывают к капитану 1-го ранга Кольцову. Он у нас сейчас самый главный. Выше его начальства нет. У нас тут целая эскадра собралась – и учебный корабль «Смольный», и погранец, и танкер с контейнеровозом прибились. Словом, настоящий Ноев ковчег.

Так вот, Дмитрий Николаевич и говорит мне:

– Товарищ старший лейтенант, надо выполнить боевое задание. Вылетите в район финского побережья к острову Мякилуото, где, по нашим сведениям, должна находиться вражеская эскадра. Завтра мы атакуем ее совместно с парусными кораблями русского Балтийского флота, которые находятся в данный момент в Свеаборге. Ну, это у Хельсинки, или, как здесь принято говорить, у Гельсингфорса.

Вы должны точно установить местонахождение англо-французской эскадры, сделать фотоснимки кораблей и вернуться. На всякий случай возьмите пару контейнеров с НУР-

Сами. Специально в драку не лезьте, но если они первыми начнут задираться, то отработайте по ним. Задача вам ясна?

– Так точно, товарищ капитан 1-го ранга, – ответил я. – Значит, поможем нашим?

– Поможем, – сказал Кольцов и улыбнулся: – Надо этих наглецов проучить как следует, чтобы они больше к нам никогда уже не думали соваться.

И вот я лечу. За моей спиной сидит штурман, капитан-лейтенант Игорь Шульгин, который должен вывести меня к острову Мякилуото. Ведь ГЛОНАСС приказал долго жить и ориентироваться теперь придется лишь по приборам и карте. На двух узлах подвески – блоки НУРС Б8В7 с ракетами С-8ДМ, с объемно-детонирующей БЧ – именно то, что нужно для деревянного парусного корабля. Учитывая, что в центре подрыва БЧ температура достигает трех тысяч градусов, корабль, в который попадет хотя бы одна такая ракета, вспыхнет, как зажигалка. Эх, лимонники и лягушатники, знали бы вы, с кем связались!

Каплей вывел меня прямо к острову. Рядом с ним на якоре стоял весь вражеский флот. Незваных гостей оказалось многовато – никак не меньше четырех десятков единиц. Причем чуть ли не половина из них – огромные трехмачтовые боевые корабли. Красивые, заразы, такие и топить-то жалко.

Я сделал над ними круг. Зафиксировав их на бортовую видео-фотоаппаратуру, я собрался было уже отправиться назад, но тут какой-то придурок на фрегате или линкоре –

я в этих делах разбираюсь плохо – приказал своим матросам открыть огонь по моему вертолету. Конечно, для нас эта стрельба была как мертвому припарка. Но такую агрессивность следовало наказать. Потому что не фиг… Да и руки чесались разрядить по ним блоки НУРС. Что же, выходит, я зря их взял с собой?

Игорь за моей спиной азартно крутился в сиденье. Ему тоже не терпелось поучаствовать в реальном, а не в учебном бою. Я развернулся, вышел на боевой курс и с помощью обзорно-прицельной системы ТОЭС-521 скорректировал курс вертолета. С расстояния примерно в два километра я выпустил четыре НУРСа по вражескому кораблю, после чего, совершив крутой вираж, стал наблюдать за тем, что произойдет дальше.

Ракеты огненными стрелами устремились к паруснику, матросы которого продолжал азартно палить из ружей в белый свет как в копеечку. Конечно, я не рассчитывал, что все НУРСы попадут в цель, но все равно результат превзошел все ожидания.

Объемно-детонирующие БЧ – страшная штука. Избыточное давление в центре подрыва достигает тридцати килограммов на квадратный сантиметр. Палуба вражеского корабля превратилась в огненный ад. Взлетели какие-то обломки и, как мне показалось, человеческие фигурки. Парусник окутался облаком пламени. Мне вспомнилась картина Айвазовского, изображающая Синопское сражение и охваченные

огнем тонущие турецкие корабли. Мне даже стало немного не по себе. Понятно было, что корабль обречен, и если даже к нему подоспели бы современные пожарные суда, то и они вряд ли смогли бы его потушить.

А теперь – по домам, решил я, надо побыстрее доложить о результатах нашей разведки каперангу Кольцову. Завтра их выход на арену. Впрочем, и я могу еще разок слетать, только надо будет взять на подвеску не два блока, а четыре. И не спешить выпустить по врагу все НУРСы сразу. Да, и еще – как прилечу, надо будет сказать Наилю, чтобы нарисовал на борту моей машины первую звездочку.

16 (4) августа 1855 года.
Балтийское море. Неподалеку от Бомарзунда.
Борт учебного корабля «Смольный»
Николай Максимович (Николас) Домбровский,
журналист и заместитель главы медиахолдинга
«Голос эскадры»

Альфред Черчилль оказался похожим на своего еще не родившегося знаменитого племянника в молодости – такой же худой, с такой же шевелюрой и с таким же сардоническим выражением лица. Когда я вошел, он полулежал в кровати и читал какую-то книгу. Левая его рука отсутствовала примерно по локоть, а нога была загипсована и подвешена к специальному кронштейну.

Когда я вошел, он бросил на меня испепеляющий взгляд.

Несмотря на это, я чуть поклонился и сказал со всей возможной учтивостью:

– Мистер Черчилль, меня зовут Николас Домбровский. Я журналист. Не могли бы вы уделить мне несколько минут?

– Что? – удивленно спросил он. – Вы, судя по выговору, из наших бывших колоний? Эти ушлые янки всюду пролезут без смазки. Что вам от меня надо?

– Мистер Черчилль, я журналист, и мне хотелось бы знать, как именно все произошло. Ну, я имею в виду ваше ранение.

– Это для того, чтобы вы тут же побежали и рассказали об этом своим русским хозяевам? – Черчилль был явно не в духе. – Правильно ли я вас понял, мистер с непонятной фамилией?

– Да нет, это для того, чтобы я опубликовал это в нашей газете, где уже появились интервью с Мейбел Катберт и с Джеймсом Катбертом.

Черчилль удивленно спросил:

– Так они тоже военнопленные?

– Мистер Черчилль, я уже говорил с командиром этого корабля. Вы – гражданское лицо и не считаетесь военнопленным. Более того, вы свободны и можете в любой момент покинуть корабль. Вас высадят в ближайшем нейтральном порту, как только появится такая возможность.

Мой собеседник задумался:

– То есть получается, что русский, который со мной говорил, и у которого было такое отвратительное произношение,

мне не соврал?

– Нет, не соврал, – ответил я. – Конечно, в ваших же интересах немного подлечиться. Ведь я не представляю, как далеко вы сможете добраться со сломанной ногой. Но это ваш выбор.

– А что, Мейбел и Джимми точно так же могут вернуться на родину в любой момент? – Черчилль все никак не мог поверить в сказанное мною.

– Конечно. – Меня начинал забавлять этот разговор с упрямым и ершистым британским аристократом.

– А где они сейчас? – поинтересовался он.

– Мейбел Катберт на другом корабле эскадры. Джеймс Катберт здесь же, в соседнем кубрике. Вас к нему переведут, как только врачи сочтут, что вам не угрожает инфекция либо другая опасность.

Тот еще подумал немного и произнес:

– Вообще странно: помню, как выстрелили с берега – это были проклятые лягушатники. Ведь русских там еще не было в тот момент. Я помню, как на меня падала эта проклятая мачта. Я, к счастью, успел немного перекатиться, зря, что ли, в регби играл… Эх, больше, наверное, не суждено мне это! Потом страшная боль в руке и в ноге – и провал в памяти. Прав был – старикашка Непир, ох, как прав – зря я сюда приперся, да еще с гостями… Врач сказал, что выжили только Джимми с Мейбел?

– Да, только они.

– А когда я смогу увидеть Мейбел? – Про Джимми, как я заметил, он ничего не сказал.

– Вот этого я не могу вам сказать, – я с некоторым усилием подавил шевельнувшуюся было во мне ревность. – Слышал, что ее, вероятно, тоже переведут сюда – здесь лучше диагностическая аппаратура. Но точно вам сказать не могу.

Альфред еще немного помолчал, думая о чем-то, а потом с горечью пробормотал:

– Да зачем я ей теперь такой нужен – однорукий. Хорошо еще, что нога на месте…

– Ее думали тоже ампутировать. Вас, как мне рассказали, спас один русский врач, – пояснил я.

– А почему, интересно, я вообще ничего не помню с момента обстрела? – подозрительно спросил Черчилль. – Проснулся уже здесь, калекой…

– У русских есть средства, которые в момент операции погружают пациента в крепкий сон, чтобы он в момент хирургического вмешательства ничего не чувствовал. Это называется анестезией.

– А что они говорят, когда мое лечение может закончиться? И сколько оно мне будет стоить?

– Не знаю, но полагаю, что стоить оно вам не будет ни цента. Точнее, ни пенни по-вашему. И насчет сроков лечения ничего сказать не могу. Но я могу спросить.

Тут вошел Саша и, строго посмотрев на меня, произнес:

– Десять минут прошли, Николас. Где Джимми, ты зна-

ешь. На выход с вещами.

– Саш, скажи, а когда Альфреда могут выписать? – поинтересовался я.

– Когда срастется кость ноги и как следует подживет культя, тогда и выпишем. Лечение лучше обсудить с его лечащим врачом – доктор Черников зайдет к вам, мистер Черчилль, примерно через час. А теперь, Коля, уходи.

Я попрощался с Альфредом и вышел из кубрика.

16 (4) августа 1854 года.
Балтийское море. Неподалеку от острова Мякилуото. Борт фрегата «Инфлексибль»
Лейтенант Французского императорского флота Аристид де Жёнка

Когда я был совсем еще ребенком, бабушка не уставала повторять мне, что я, когда вырасту, обязан отомстить России. Ее муж, а мой дед ушел в 1812 году с Великой армией императора Бонапарта, чтобы завоевать эту огромную и богатую страну, и не вернулся из того страшного похода.

– Русские убили твоего деда! Из-за проклятых русских твой отец остался сиротой! – не раз твердила мне бабушка.

А пять лет назад бабушка неожиданно получила письмо из России от некой Полины де Жёнка. В нем на весьма неплохом французском языке было написано, что ее муж, Жюстен де Жёнка, остался в России в 1812 году и поступил в услужение к купцам Лазаревым учителем французского язы-

ка. Он не захотел возвращаться во Францию и женился на дочери этих Лазаревых – той самой Полине. Только перед смертью он рассказал ей, что уже был женат во Франции, и попросил ее написать в Бордо на адрес моей бедной бабушки и сообщить ей, что муж, по которому она столько лет убивалась, все это время был жив и здоров и вполне счастлив со своей новой супругой.

Для бабушки, которая по происхождению была более знатной, чем дед, ударом было даже не то, что ее муж предпочел ей другую, а в первую очередь то, что той, другой, оказалась не русская дворянка, а купчиха, простолюдинка. Сама бабушка тоже вышла вторым браком замуж за богатого негоцианта, но тот был хотя бы «эннобли» – произведен в дворяне императором Наполеоном Бонапартом. И главное, он не был русским, хотя, как поговаривали, его отец или дед, возможно, были выкрестами-иудеями.

Сразу после этого события бабушка заболела и умерла, завещав мне не только все свое состояние, но и месть за ее поруганную честь. И когда наш любимый император, племянник великого Наполеона I, объявил, что нужно как следует наказать Россию, это для меня стало одним из самых радостных событий в жизни. Я уже предвкушал легкую победу над русскими варварами. Ведь наши газеты писали, что русские – жестокие, – жадные, но слабые дикари. Книги же, написанные поляками, бежавшими от гнета кровавого вождя русских царя Николя в нашу империю свободы, тоже расписы-

вали ужасы жизни в России. Например, Франсуа Духиньский убедительно доказывал, что русские – это не русские вовсе, а нецивилизованные азиатские племена, укравшие само имя «Русь» у одной из ветвей поляков.

Но быстрой победы у нас, увы, не получилось. Наш флот вместе с флотом наших союзников англичан так и не смог ни прорваться к Кронштадту, русскому осиному гнезду в Финском заливе, ни даже взять Свеаборг – крепость у русского города Гельсингфорс (города с такими непроизносимыми названиями показывают, что они заселены варварами).

А теперь мы стоим здесь, у Богом забытого островка Мякилуото (еще одно русское название, от которого запросто можно вывихнуть язык) и абсолютно ничего не делаем. Русский флот из Свеаборга и из Кронштадта, как я понял, так и не собирается выходить, чтобы по-рыцарски сразиться с нами. Я слышал, что британский адмирал Непир, словно в средневековье, посылал вызов на бой русским, но те струсили и даже не ответили адмиралу.

Захват же двух или трех финских баркасов и шхун, загруженных салакой и дровами – все это меньше всего было похоже на войну…

Сегодня после завтрака я вышел на палубу – надо же проследить за тем, что делают эти бездельники-матросы. Но не успел я открыть рот, чтобы отругать их за неряшливый вид, как откуда-то с неба услышал звук, напомнивший мне стрекотание сверчка у нас дома в Бордо. Посмотрев вверх, я уви-

дел в небесной синеве что-то весьма похожее на огромную зеленую стрекозу с большими прозрачными глазами. Эта удивительная «стрекоза» и издавала странные звуки.

Она приближалась к нам, и жужжание становилось все сильнее и сильнее. У удивительного летательного аппарата – а я уже понял, что это не гигантское насекомое, а летающая машина, построенная руками людей, – было толстое тело и тоненький хвост. На животе у «стрекозы» я в бинокль заметил красную звезду. Осмотревшись, я увидел, что мои матросы забросили уборку палубы и так же, как и я, с удивлением глазели на неведомую машину. Потом с полдюжины из них с криками ужаса побежали вниз по трапу, несмотря на то что я заорал:

– А ну, бездельники, вернитесь! Работайте, а не то я прикажу боцману спустить с вас шкуру!

Двое или трое вернулись, но другие, похоже, решили, что гнев лейтенанта – ничто по сравнению с этим ужасным существом. Сказать по правде, страшно было и мне самому, но я не мог показать свой страх простым матросам. Я посмотрел на огромную «стрекозу» и сказал им громко и насмешливо:

– Не знаю, что тут у русских за насекомые, но не думаю, что оно может принести хоть какой-нибудь вред настоящим французам. Да здравствует император!

Часть матросов нестройно подхватила:

– Да здравствует император!

– Что-то я вас плохо слышу, – мне не понравился кислый

вид матросов. – А ну-ка, еще разок! Да здравствует император!

В ответ эти канальи крикнули чуть погромче:

– Да здравствует император!

– А ну, поживее, вы что, обделались от страха? – заорал стоявший рядом со мной боцман Ленотр. – Еще раз крикните: да здравствует император!

– Да здравствует император! – матросы закричали так, что я чуть не оглох.

– А теперь, – я обратился к Ленотру, – найди и верни тех, кто убежал. Да поживее!

Ленотр откозырял и кинулся выполнять мой приказ.

«Стрекоза» же тем временем развернулась и, похоже, собралась улетать. И тут я вдруг услышал стрельбу из ружей. Обернувшись, я увидел дым над палубой нашего флагмана, 90-пушечного красавца «Турвилля». Похоже, у кого-то просто сдали нервы – ведь наши нарезные ружья просто не могли так далеко стрелять, и их пули не долетали до этой «стрекозы».

И тут произошло нечто страшное, то, что я буду помнить всю оставшуюся жизнь.

Улетавшая «стрекоза» вдруг развернулась в воздухе, а потом полетела в нашу сторону. Через несколько мгновений из-под ее брюшка сорвалось что-то вроде огромных огненных стрел, оставлявших за собой дымные следы. Эти стрелы вонзились в красавец «Турвилль», который мгновенно пре-

вратился в извергающий огонь и дым вулкан.

Я услышал жуткие вопли – и только через несколько секунд понял, что от страха орут не только матросы вокруг меня, но и ваш покорный слуга. И я поскорее закрыл рот.

К счастью, «стрекоза», погубив наш флагманский корабль, уже улетала. Крики ужаса и отчаяния стали потихоньку затихать. Но тут взлетел на воздух пороховой погреб «Турвилля», и несколько его горящих обломков упали на нашу палубу. Матросы, к моему великому изумлению, тут же бросились тушить возникшие очаги пожара, даже не дожидаясь моего приказа. А я задумался.

Мне уже стало понятно, что эта страшная «стрекоза» – новое и смертельно опасное русское оружие. И что бороться и побеждать такие аппараты, летающие по воздуху и сеющие вокруг себя смерть, у нас просто нет шансов. Меня посетила крамольная мысль – а не зря ли мы сюда приперлись? В том, что мой дед остался в России и там женился, виноват только он, а никак не вся Россия. А пришел он сюда точно так же, как и я, думая, что идет воевать с варварами… И точно так же Великая армия того, настоящего императора Наполеона, была разбита даже без подобного русского оружия. А теперь оно у них есть…

За этими невеселыми мыслями застал меня боцман Ленотр, пинками гнавший перед собой четырех матросов.

– Лейтенант, по вашему приказу я привел беглецов. Что прикажете с ними делать?

16 (4) августа 1854 года.

Борт учебного корабля «Смольный»

Джеймс Арчибальд Худ Катберт, пациент

– Ники! Рад тебя видеть! – закричал я, увидев высокую фигуру моего нового друга на пороге кубрика.

– Добрый день, Джимми! Привет тебе от сестры. Я ее вчера видел.

– Ну вот, видел ее вчера, а привет передаешь только сегодня! Не стыдно? Шучу, шучу. Расскажи, как там она?

– Трещина кости руки, пара небольших ран – там, где китовый ус корсета впился в… ну, ты понял. А так все у нее хорошо, и она находится в весьма боевом расположении духа. Меня вначале невзлюбила, – и тут Ники улыбнулся, показав, что это было лишь вначале.

– А почему? – поинтересовался я.

– А потому, что она определила по акценту, что я – янки. А янки она не слишком жалует.

– Интересно, очень интересно… Прошлым летом мой приятель по колледжу Нью-Джерси был у нас в гостях. Он настоящий янки, из Коннектикута, не чета тебе, нью-йоркцу. И ничего, Мейбел с ним вполне дружелюбно разговаривала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.